

**XX ЛЕТ
С ЧИТАТЕЛЯМИ**
1997-2017

№ 3 / 2017

МИР

СЕВЕРА

**Автографы
первооткрывателя
колымского золота**

**Прародину Человечества
надо искать в Якутии**

Избавление от иллюзий

Падение Ситки

Слушающая Вечность

Прирождённый воин

Забытый русский адмирал

«Поездка на озеро Ках, 2.06.2017 год»
Мурманская область, город Оленегорск.
Фото из архива Артёма ПЕЧЁРИНА

Олег ХИМАНЫЧ

Ещё несколько часов и «Академик Александров» впервые почувствует морскую воду. Фото Владимира Ларионова

Академики уходят в Ледовитый океан

**Светила российской науки
продолжают служить
нашей стране**

Корабелы центра судоремонта (ЦС) «Звёздочка» вывели из эллинга на открытый стапель корабль специального назначения – «Академик Александров». Теперь уже на плаву, у причала ему предстоит достройка и первый этап испытаний. Церемония вывода технологически важная и по традиции торжественная, а потому и был праздник среди трудовых будней коллектива.

Всё начиналось со «Звёздочки»

Северодвинская «Звёздочка» создавалась в пятидесятых, как судоремонтная верфь для Северного флота. Сначала к её причалам приходили сторожевики, минные тральщики, противолодочные корабли, вспомогательные суда. Здесь же находилось место и сугубо гражданским заказам – транспортам, буксирам, траулерам... Но уже вскоре коллектив переключился на подводные лодки, как дизель-электрические, так и атомные.

Сын А.П. Александрова – Пётр Анатольевич на церемонии закладки «Академика Александрова» на заводском стапеле с макетом будущего корабля. Фото Владимира Ларионова

СЕВЕРА

03 (109), 2017

издаётся с 1997 года

XX лет
с читателями

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Шеф-редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва),
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва),

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Александр ДОРОФЕЕВ

Обложка:
1, 3 стр. - Фото из архива
Андрея Шапрана
2 стр. - Фото из архива
Артёма ПЕЧЕРИНА
4 стр. - Северный Урал, Останцы.
Фотограф Кирилл Уютнов

Подписано в печать
10 июня 2017 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ № 799к

*«Россия, имея Северный океан,
лежащий при берегах, себе подданных
и по большей части исследованных и
описанных, за одним только льдом
и стужей не продолжает своих важных и
преславных предприятий, дабы
достигнуть к тем берегам восточным,
где не только от неприятелей
безопасна, но и свои поселения
и свой флот найдет...».*

Михаил Васильевич Ломоносов

Содержание:

01 <u>ГЛАВНЫЙ СТАПЕЛЬ</u> Олег ХИМАНЫЧ Академики уходят в Ледовитый океан	47 <u>ПОЛЯРНЫЙ ТРИПТИХ</u> Иван МЕДВЕДЕВ -Плавание «Жанетты» -Викинг полярных морей -К полюсу на воздушном шаре
05 <u>МЫ – ОДИН МИР</u> Юрий МОЧАНОВ Прародину Человечества надо искать в Якутии	55 <u>СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ</u> Дмитрий ЧЁРНЫЙ Москва - Магадан, 1975...
14 <u>КАК ЭТО БЫЛО</u> Георгий ПЕТРОВ (ПАШНЁВ) Партизан. Нарком земледелия. Писатель	59 <u>ЭПИСТОЛЯРИЙ</u> Сергей СУЦАНСКИЙ Автографы первооткрывателя колымского золота
19 <u>НАШЕ НЕПРОСТОЕ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ</u> Борис САВЧЕНКО Моё цветное отрочество	64 <u>У НАС ОДНА ПЛАНЕТА</u> Вячеслав ОГРЫЗКО Избавление от иллюзий
25 <u>ПУТЕШЕСТВИЯ</u> Андрей ШАПРАН Табун	67 <u>ЛЕГЕНДЫ СПОРТА</u> Илья РЯБЦЕВ Прирождённый воин
30 <u>ИМЯ В ИСТОРИИ</u> Никита КУЗНЕЦОВ Забытый русский адмирал	70 <u>ЖИВАЯ ЭТНОГРАФИЯ</u> Наталья НОВИКОВА Язык не воспринимается аборигенами как ценность
35 <u>АЛЯСКА ПОСЛЕ РОССИИ</u> Оксана и Тарас ХОМЧУК Падение Ситки	74 <u>ДРАМА</u> Вячеслав ОГРЫЗКО Цена борьбы – инфаркт

Сегодня ЦС «Звёздочка» главным образом занят ремонтом и модернизацией подводного флота России. Однако Центр ещё и строит – многофункциональные корабли, способные стать и буксирами, и спасателями, и транспортом вооружения, и океанографическими исследователями. Главным, то есть, самым первым в этой серии, стала «Звёздочка» – корабль, названный по имени верфи, где создавался. Уже впоследствии его проект, разработанный специалистами питерского ЦМКБ «Алмаз», решили модернизировать для специальных задач.

Водоизмещение корабля – свыше пяти тысяч тонн, у него современная, довольно своеобразная архитектура и дизайн. Обращает на себя внимание форштевень «Звёздочки» и её собратьев – он ледокольного типа – явное свидетельство, что корабли могут работать и во льдах.

«Звёздочку» северодвинцы передали военным морякам летом 2010 года, и она числится за Северным флотом. Второй же корабль – «Академик Ковалёв» – относительно недавно вступил в строй и перешёл арктическим путём из Белого моря на Камчатку.

«Академик Ковалёв»

Сергей Никитич Ковалёв – дважды Герой Социалистического труда, создатель уникальных атомных подводных ракетносцев. Говорят, почти четверть своей жизни он провёл в Северодвинске – в командировках. Бывал и на «Звёздочке», где сегодня корабли российской ядерной триады проходят «курсы лечения» и модернизации.

К слову, мне посчастливилось встречаться с Сергеем Никитичем. Для учёного столь высокого ранга, наверное, не удивительна широта его интересов и познаний, какими он обладал. Особо впечатляли его простота в общении, глубокий и гибкий ум, незамутнённая память, житейская мудрость и, что уж далеко не каждому дано – прекрасное чувство юмора. А ещё он подкупал многих своей привязанностью к морю – даже на девятом десятке лет (!) выходил в полигоны на испытываемых подводных лодках. Его хорошо знали и уважали не только руководители верфей, но и моряки, специалисты сдаточных команд, заводчане. Петербуржца академика

Академик Сергей Никитич Ковалёв. Один из последних его визитов в ЦС «Звёздочка». Фото Владимира Ларионова

Северодвинск, 1983 год. Академик А.П. Александров на открытии мемориальной доски у цеха № 42 Севмаша. Справа от него – командир первой советской атомной подлодки Лев Михайлович Жильцов. Фото из архива Олега Химаныча

Новый корабль освятили по православному обряду, прежде чем о его борт по давней традиции разбили бутылку шампанского.

Фото Владимира Ларионова

Сергея Никитича Ковалёва лишь с минимальной оговоркой можно признать ещё и человеком-легендой Северодвинска, а уж назвать в его память корабль – было долгом горожан.

«Академик Александров»

Третий корабль всё той же проектной линейки назван в память Анатолия Петровича Александрова – Президента Академии наук СССР, одного из отцов нашей ядерной науки и промышленности, создателя советских корабельных реакторов, в том числе и для самых мощных в мире ледоколов. Сразу заметим, идею присвоить имя академика новому кораблю поддержали три коллектива – конструкторы из бюро «Рубин», «Алмаз» и сами корабли северодвинской «Звёздочки», ведь со всеми ими Анатолий Петрович сотрудничал по своей специфической тематике.

Помнится не только, как жестоким морозным днём закладывали на стапеле первую секцию этого корабля, но как затем постепенно формировали его корпус. И вот «Академик Александров» вне эллинга. От своих предшественников он приметно отличается обводами носовой части. Они гарантируют кораблю, что в крепкий шторм встречная волна не разгуляется по палубам. В общем-то, не «ноу-хау», и, например, буксиры, снабженцы морских нефтепромыслов Атлантики, давно перешли на такие обводы, но в российском кораблестроении они пока редкость...

На площадке открытого стапеля ЦС «Звёздочка» в день вывода корабля царила приподнятая атмосфера. Даже студёная непогода не могла омрачить достойного повода для радости и гордости людей за свой труд. Звучали добрые напутствия, пожелания. Скажем, генеральный директор Центра судоремонта Николай Калистратов вы-

разил надежду, что на стапеле «Звёздочки» когда-нибудь появится и корабль «Академик Лавёров», носящий имя большого патриота Архангельского Севера, выдающегося геолога Николая Павловича Лавёрова. Были и слова благодарности от сына и других потомков академика Александрова. Корабль освятили по православному обряду, прежде чем по многолетней традиции об его борт разбили бутылку шампанского...

«Академик Макеев»

А в эллинге «Звёздочки» ждёт своей очереди на выход к морю четвёртый корабль серии. Он носит имя академика, дважды Героя Социалистического труда – Виктора Петровича Макеева, создателя советской научно-конструкторской

школы морского стратегического ракетостроения. Как и академик Сергей Ковалёв, Виктор Макеев – «прикомандированный долгожитель» Северодвинска. Коллектив Виктора Петровича разрабатывал свои ракеты на Южном Урале, а вот летать они учились уже на северных полигонах, здесь же, на Севере, их принимали в свои шахты подводные лодки...

Жаль, но не обойтись без ремарки о заговорах и кознях зарубежных «партнёров». Серия универсальных кораблей, начатая «Звёздочкой», изначально создавалась с расчётом на импортные комплектующие, и сегодня так называемые экономические санкции Запада тормозят продвижение проекта. Тормозят, но уже не остановят. Наш судострой, Северодвинск, коллектив ЦС «Звёздочка» выдюжат и справятся своими силами. А недругам давно пора усвоить – корабль по имени Россия одолевал и не такие шторма.

* * *

Сергей Никитич Ковалёв (1919–2011), Анатолий Петрович Александров (1903–1994), Виктор Петрович Макеев (1924–1985) – троице кораблей, созданных и создаваемых кораблями северодвинского ЦС «Звёздочка» и носящих имена этих блистательных учёных, предначертано служить в Арктике... И как не вспомнить первооснователя российской академической науки, нашего земляка-помора – Михаила Васильевича Ломоносова и его знаменитое пророчество: «Богатство России прирастать будет Сибирью». Это к тому, что и первая в мире плавучая атомная станция (ПАЭС) так и называется – «Академик Ломоносов». Её, между прочим, начинали строить северодвинцы, но затем передали кораблям Петербурга. Сейчас корпус станции находится у причала «Балтийского завода-Судостроение», где идут швартовные испытания. Через пару лет «Академика Ломоносова» переправят Северным морским путём на Чукотку. В местном порту и посёлке Певек уже создаётся гидротехнический комплекс ПАЭС.

г. СЕВЕРОДВИНСК

ПРАРОДИНУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НАДО ИСКАТЬ В ЯКУТИИ

Так считает выдающийся археолог Юрий МОЧАНОВ, который никогда не боялся бросить вызов властям и руководителям академической науки и у которого на многие вопросы политики и искусства есть своё особое мнение, резко отличающееся от официальной позиции

– Юрий Алексеевич, ваша первая экспедиция была ещё в студенческие годы?

– Да, после третьего курса в 1956 году я попал на Памир. Но это было не в рамках студенческой практики, я туда сам попросился. Я учился в Ленинграде на восточном отделении исторического факультета. Ну, Памир это, знаете... Мне тогда ещё 22 годов не было. Там такая природа! Гималаи! И меня это настолько увлекло, что учиться в Питере я больше не мог, надоело... А на географический факультет меня не брали. И я решил окончить университет экстерном. И вот я по этому поводу пошёл разговаривать с ректором Александром Даниловичем Александровым... Учился я более-менее хорошо, повышенную стипендию получал. Сближало нас и то, что я занимался классической борьбой, был в сборной Питера, а ректор (сам геометр) был мастером спорта по

альпинизму (у нас спорт-клуб вообще очень хороший был). И я к нему прихожу: – Александр Данилович, у меня к вам огромная просьба... – Что такое, Юр? – Я хочу экстерном кончить университет? – Да ты что, с ума сошёл? У нас нет никакого экстерната! Прецедента даже не было... – Ну, как нет? – и я ему указываю на доску, что «в 1891 году Санкт-Петербургский университет экстерном окончил В.И. Ульянов-Ленин»... – Ну ты чего равняешь-то?..

Но в итоге – он мне разрешил. Вызвал проректора по заочной части: дескать, я разрешаю студенту Восточного факультета Мочанову сдавать экстерном экзамены, но... до первой тройки. Как только он получит первую тройку – сразу становится заочником (а они надеялись, что я её быстро получу). Я к тому моменту закончил уже первый семестр четвёртого курса. Меня переводят

на второй курс истфака с досдачей за первый курс (потому что там древнерусский был и т.д.). Ну и я пошёл сдавать. А параллельно работал грузчиком, кочегаром... Хотели меня на латыни подловить. Я пошёл сдавать. Экзаменатор меня берёт за руку и ведёт в ректорат: «Вот Мочанов, он сдал мне экзамены. Я бы мог ему поставить, скажем, пятёрку с минусом, но ставлю твёрдую четвёрку. Тройка никак не поставит...» И так пошло дальше. Я сам договаривался, звонил какому-нибудь профессору и говорил: можно мне сдать такой-то экзамен? И последний экзамен у меня был – история философии. Мой любимый предмет (я в молодые годы увлекался философией). Знаете, 1957-й год, Хрущёв, Маленков, Шепилов, тревожные события, будет война или не будет, как мир развивается... И мне три вопроса, как обычно, задают: древнегреческая философия, западно-европейская и русская. Как сейчас помню, профессор Никандров. На третьем вопросе нужно рассказывать про Добролюбова, Чернышевского, Герцена... Я говорю: ну, это же, в общем-то, не философы, просто общественные деятели, они ничего оригинального в философии не создали; Герцен говорил, что он последователь Гегеля, Чернышевский – последователь Фейербаха и т.д. – Вы что, считаете, что русской философии нет?! – Ну, у тех, о ком шла речь – Чернышевский, Добролюбов, Герцен – нет... Вот, если бы, скажем, о Бердяеве говорили... – Ну вот что, молодой человек! По первому вопросу у вас «пять», по второму – «пять», а по третьему – «два». Пять, пять и два – будет двенадцать, разделить на три – будет четыре, но философия – это вам не среднее арифметическое. Я могу поставить вам только тройку (удовлетворительно). Я спокойно так говорю: «– Ну ставьте. – Ну как же? У вас в зачётке ни одной тройки... – Ну, значит, будет. – Может, вы бы пришли через недельку, пересдали? – А что, вы думаете, за неделю я мировоззрение своё поменяю? Я заслужил тройку – ставьте тройку!» И он ставит тройку. Дальше госэкзамены и дипломный проект. Там я пятёрки получаю – и всё. Диплом. Все мои сокурсники ещё учатся, а я уже со значком.

А потом как-то приезжаю в Новосибирск. Ректор Александров перешёл к тому моменту из Питера в Академгородок новосибирский. Я зашёл к нему. Мы разговорились, приняли помаленьку... И он жене говорит: «Мариана, ты посмотри на эту гадину! Я ему разрешил экстерном сдавать экзамены в университете до первой тройки, а он умудрился первую тройку получить на последнем экзамене!» (смеётся). Причём получил я её на любимом моем предмете. У меня вообще вся жизнь из парадоксов состоит!

– А когда вы учились ещё на восточном факультете, на какой теме вы специализировались?

– Турция и Ближний Восток. Изучал турецкий, иракский, арабский...

– Не жалеете, что не стали в итоге специалистом по Ближнему Востоку?

– Я вообще счастлив, что стал именно археологом. Это единственная специальность, которая позволяет одновременно путешествовать во вре-

мени и в пространстве. Второй такой науки нет для человека, который любит историю.

– Но поскольку всё-таки фундамент был заложен довольно основательный, не было ли потом желания вернуться на Ближний Восток в качестве археолога и соединить две ипостаси – востоковеда и археолога?

– Нет. Я как-то сразу выбрал для себя тему – заселение Америки...

– А как сложилась ваша судьба после университета? Приехали вы в Новосибирск и что было дальше?

– Судьба сложилась и плохо, и хорошо. Плохо то, что я не мог никуда устроиться. Я ведь, как археолог, должен был в экспедиции ездить, поэтому не мог устроиться преподавателем истории, и вынужден был идти работать на заводе. А как меня было брать на работу, если я через три месяца уйду? Поэтому я вкалывал зиму: в конце апреля уезжал и в начале декабря возвращался. А январь, февраль, март – работал грузчиком, кочегаром и т.п.

– На работу археологом не брали в Ленинграде?

– Не было мест в штате.

– А нельзя было поехать в Новосибирск или ещё куда-то?

– Я писал письма в Магадан, в Петропавловск-Камчатский, в Южно-Сахалинск, во Владивосток... Не было мест. Ну, и слава богу. Если бы я был в штате, то пришлось бы ехать, куда послали. А так я сам выбирал, поскольку я уже проявил себя нормально. Ездил на Памир, потом на Кольский полуостров... Так что для меня это было очень хорошо. Я ещё до Якутии объездил весь Советский Союз и копал от древнего палеолита до сарматов и скифов. Поэтому, когда я приехал в Якутск, все удивлялись: «Как так? Не успел человек приехать, уже у него Белькачи и Сумнагин... Вот мужику везёт!». Везёт... Ты поработай с моё, а потом тебе тоже повезёт! Как говорил Суворов: «Везение, везение... А когда же умение?» Поэтому я рад, как у меня всё сложилось. А то что сейчас всякие болячки... У меня друг был хороший, покойный, Володя Щитов – хирург, профессор Киевского медицинского института. Когда у него что-нибудь спросишь о своём здоровье, что, мол, делать, он сразу говорит: «В паспорт надо чаще заглядывать!». Хрен ли жаловаться? Я до 69 лет вообще не знал, что такое возраст. Спокойно мостик делал. Нырять в Лену, как только лёд сойдёт. Помню, уже шуга идёт, а я ещё купаюсь...

– Юрий Петрович, вы ведь писали рассказы, художественную прозу. Как всё-таки в вас боролись эти две страсти – к экспедициям и к писательству? Что пересилило? Под чьим влиянием вы писали, на кого тогда ориентировались и мыслили ли дальше свою писательскую судьбу?

– Я, как и все в те годы, ориентировался, конечно, на Хэмингуэя и Ремарка. Это для нас были авторитеты высшей марки. Очень Лермонтова любил. И до сих пор считаю прозу Лермонтова непревзойдённой: как, знаете, хрусталики звенят. Нету ни у Пушкина, ни у кого-либо ещё такой

прозы. Читал я, конечно, запоем. У меня мама была библиографом в районной библиотеке в Питере, так что ещё до войны, когда не с кем было оставить, она меня брала в библиотеку, и я бродил меж этими стеллажами... перечитал всё! На русском языке, конечно. Вот если бы я сейчас поновой начал осваивать книги, *единственную* только корректировку бы внёс – изучил бы, конечно, язык в совершенстве, хотя бы английский. Тут мне не повезло. У нас в Нахимовском был английский более или менее, а когда в университете я учился на отделении Ближнего и Среднего Востока – там французский пошёл. В итоге я ни французский, ни английский как следует не освоил. Хотя когда я попадал в Америку, например, через день у меня с общением проблем не было – разговаривал (как узбеки, знаете, по-русски понимают и кое-как говорят).

– А где вы печатались с вашими рассказами?

– Печатался в Якутске – в «Полярной звезде»... В Питере не печатался. В моей книге «50 лет в каменном веке Сибири» есть несколько рассказов, в частности «Последняя спичка». Я её писал лет семь, наверное. Мне надо было по замыслу – наказать подлеца... И что я только не придумывал: то он внукам мстит за дедушку, то сын за отца...

– А в какой художественной среде вы в те университетские годы вращались? С кем вы могли тогда обсудить свои первые рассказы?

– Ну, у меня друзья были и физики, и химики, и геологи. А среди писателей я не вращался. Были там двое... Одного, помню, звали Шошмин, он написал «Возвращение в жизнь», а второй был замредактора в «Неве» при Воронине, у него роман

ещё был известный... Он свёл меня с этим Ворониным, мы с ним тоже выпивали. «Что ты, – говорит, – мне тут льёшь? У меня же тут руки нет!» «А это что?» «А это крылья! Сейчас взмахну и улечу!»...

Почему я начал писать?.. Конечно, под влиянием Хемингуэя и Ремарка.

Вообще, все учёные по-своему поэты, только один пишет куда-нибудь, а у другого это где-то в душе скрывается...

– А почему не стали дальше заниматься художественной прозой?

– Когда пошли мои открытия, я должен был выбрать – или то или другое! Сочетать это нельзя. Потому что, если ты пишешь, ты весь в этом – и днём, и ночью. И наука тоже, если ты ей серьёзно занимаешься, всё время и силы отнимает! И я так посмотрел: ё-моё, на Земле столько людей, которые никогда не читали Гомера, Данте, Шекспира (я уж не говорю про Льва Толстого, Ромэна Роллана и т.д.)! А будет ещё какой-то том Мочанов со своими *новеллами*, как я их вслед за Хемингуэем называл... Понимаете, нахрена? И я поставил на этом крест. Я бы, может, и дальше писал. Но тут у меня, повторяю, пошли великолепные открытия в археологии: Белькачи – представляете! До сих пор непревзойдённые в мире! Двадцать культурных слоёв – последние десять тысяч лет, как на ладони! Мне кандидатскую сразу дали...

Окладников (академик Алексей Павлович Окладников – советский археолог, историк, этнограф. – *Ред.*) зажимал книгу мою, но хорошие мужики из Академии наук мне по рукописи защиту устроили. А Окладников её задерживал: я сдал текст книги в конце 1965 года, а вышла она только в конце 1969... Да и то благодаря Яншину.

Такой был академик (Александр Леонидович Яншин. – *Ред.*), в то время один из начальников в РИСО (Редакционно-издательском совете Академии наук). И вот Окладников Яншина просит поддержать издание, а тот ему: «Алексей Павлович, на книгу Мочанова дал отзыв Валериан Иннокентьевич Громов, мой учитель. Он никогда бы не дал отзыва, если бы там было что-то не так. Поэтому, извините, но я ничего не могу сделать...». И Яншин мне даже добавил листаж на один лист. Это сейчас сколько хочешь издавай, а тогда листаж был – сколько тебе выделяют...

– Одной из главных научных проблем для вас было заселение Америки...

– Да, это философская проблема, между прочим...

– Но у нас одним из первооткрывателей этой темы в официальной историографии считается как раз упомянутый выше Окладников. В чём принципиальное расхождение вашей школы со школой Окладникова по этой теме?

– Правильнее сказать не «моей школы», а просто – меня и Окладникова. Расхождение в том, что я что-то понимаю, а он ни хера не понимает. Вот и все наши расхождения, понятно?! Окладников – это был вот! (*сильно стучит по столу*) – дерево! Может, найдётся когда-то хороший писатель, чтобы его жизнеописание дать. Я уже не буду этого делать... Если вы полистаете мою книгу «50 лет в каменном веке Сибири», то прочтёте там и об Окладникове (глава «За кулисами дописменной истории Якутии»), о моём к нему отношении и причинах его... Подлец был жуткий! Он сам с Лены, из деревни. Приехал в Иркутск. Учитель у него был – знаменитый профессор Петри (Бернгард Эдуардович). Вместе с ним учились знаменитые Михаил Михайлович Герасимов, Георгий Францевич Дебец (впоследствии знаменитый антрополог), Ксенофонтов и т.д. В то время уже шёл наезд на историю, что нужно, мол, освободиться от буржуазного влияния... И Окладников пишет в 1928 году статью (а он сам 1908 года рождения; то есть ему было 20 лет на тот момент), где прямо заявляет, что якобы Петри, Ксенофонтов, Дебец, Герасимов погрязли в антинародной буржуазной философии, что все они «антимарксисты», и вообще надо, дескать, поставить науку и археологию в первые ряды на службе рабочему классу... Я ещё у него потом спрашивал: «А что вы там насчёт крестьян-то ничего не написали?» (любил поддеть его). Вообще, с ним было много анекдотов. Встречается он как-то с нашим ректором Александром Даниловичем Александровым. А Окладников всегда так раскланивался подобострастно с авторитетными людьми: «Здраавствуйте, Александр Данилович!». А тот ему говорит: «Алексей Павлович, опять там Мочанов, говорят, что-то нашёл?» (а тогда мы Берелёх раскопали – самая северная из открытых к тому моменту стоянок охотников на мамонтов). «Да, – говорит, – Александр Данилович, пьяницам везёт...» Данилыч, не долго думая: «Алексей Павлович, а, может быть, и вам стоит немножко выпить?!» (*смеётся*). Это же нарочно

Прародину Человечества надо искать в Якутии

не придумаешь! Прямо для художественных рассказов!

– Но эта статья про Петри, Ксенофонтова больше характеризует моральный облик Окладникова, а каким он был учёным?

– А он ведь так и шёл до конца! Ему плевать было на истину, честь: сегодня говорит так, завтра иначе. В итоге Петри расстреляли, Новгородова расстреляли... Лишь Герасимов и Дебец успели улизнуть из археологии в антропологию. А Окладникова взяли в аспирантуру в ГАИМК в Питере (Государственная академия истории материальной культуры имени Марра) – как раз под лозунгом превращения археологии в марксистско-ленинскую науку. И как он почти сразу обосра..ся, извините за выражение! Сталин выпустил работу «Марксизм и вопросы языкознания», где развенчивает учение Н.Я. Марра, а Окладников ещё не знал об этом (статья выйдет в «Правде» только на следующий день) и делает доклад (он был тогда заведующим Ленинградского отделения Института истории материальной культуры) о том, какой Марр великий, хороший и что они пойдут вперёд только под знаменем Марра, открывая новые горизонты и т.д. И тут выходит статья Сталина. И там, между прочим, ни слова нет об археологии – только о языкознании. А Окладников уже выпускает статью, как Марр мешал нам! Ну, ёлки зелёные! Коллеги с ним перестали тогда даже вообще разговаривать... Так вот: если ты гнилой как человек, то хрен ты что сделаешь хорошее в науке! Особенно в гуманитарных науках! Ничего никогда не сделаешь. Потому что сегодня говоришь одно, а завтра, пременяясь к обстановке – противоположное. О какой науке можно речь вести?! Вот также он и по Америке делал: чужие мысли пересказывал. То так, то эдак. Как, например, с Китаем получилось. Пока было всё хорошо в советско-китайских отношениях: «Мао, Сталин слушает нас!..» – писали, что всё влияние из Китая шло. Как только мы при Хрущёве поругались с Китаем – оказывается, нанайцы влияли на китайцев. Ну это же смех вообще! Вот и стал он академиком, героем соцтруда, орденов и медалей у него было чуть ли не больше, чем у Брежневца. Это у Окладникова, который ведь и не воевал вовсе! (Я ленинградец, для меня война – священное дело!) А он, гад, будучи 1908 г. р., в 1941 году в Якутии оказался. Я же спрашивал лично, когда был дома у него: «Алексей Павлович, а чего вы не воевали?». А он мне: «Я далеко, Юра, был...» «А чего, самолёты тогда не летали?». У него диабет был – и он очень явно покраснел после этого вопроса.

Вот вам и наука! Он и в науке был таким, и в жизни. А вы спрашиваете про Америку! Что он там мог написать...

– Вопрос вот в чём: он просто перепевал то, что другие писали, или у вас с ним были какие-то существенные, принципиальные расхождения?

– Они считали, что в Сибири в палеолите не было бифасов (двусторонних каменных орудий труда первобытного человека. – *Ред.*), а если и были, то попадали через мигрантов из Европы...

А моё самое важное открытие: когда я нашёл дюктайскую пещеру, там вместе с костями мамонтов, всяких бизонов и т.д. обнаружили бифасы! Как они меня хотели зажать – и так, и сяк! Как они мою докторскую задерживали! Кандидатскую-то я защищал, как уже упоминалось выше, по рукописи. А докторскую уже – по книге («Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии»). Я Окладникову предлагал: «Алексей Павлович, будьте моим первым оппонентом с отрицательным отзывом. И защиту проведём на катере. Я договорюсь. Вы будете показывать свои стоянки, объяснять, а я свои, ну и заодно комментировать ваши...» «Ну, ты что...» «Но только вы учтите, Алексей Павлович: мы с вами в разных весовых категориях.» Он как-то так сразу приосанился (дескать, он крупнейший учёный), а я продолжаю: «Выигрыша по очкам не будет – я вас на обе лопатки положу!» (это перед защитой было). Короче говоря, мы доказали, что бифасы есть и что заселение Америки происходило из Сибири. Нас приглашали потом в Америку – объездили практически все США, южную Канаду (Торонто, Ванкувер). Народу собиралось – полные залы, да ещё в проходах сидели. Встречали у самолёта, везли в гостиницу – большой почёт, уважение! А здесь, у нас – ты нахрен никому не нужен! Есть мои книги, нет ли – никто не замечает. Я, правда, позаботился о том, чтобы в Ленинке они были, в Публичке – сам лично посылаю (помимо обязательных экземпляров – неизвестно, как и куда они там доходят), – в библиотеку Академии наук в Питере и в библиотеку Конгресса США. Там большинство моих (наших) книг, сборников со статьями есть. Потому что там уже навсегда останется. А по этим работам уже будут потомки судить. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу, расхождения у нас с Окладниковым какие были? У него просто не было никаких фактов, а я факты привёл.

– Хорошо. С этим ясно. Давайте теперь обратимся ко второму вашему выдающемуся открытию – стоянке Диринг-Юрях в Якутии. Много лет вы этому отдали (с 1982 года)... Можно ли сегодня с уверенностью гово-

рить: да, полностью доказано, что прародиной человечества является не только Африка, но и Якутия? Или это продолжает оставаться гипотезой, которая ещё нуждается в подтверждении?

– Во-первых, доказать что-то можно лишь в Организации Объединённых наций, да и то не всегда. А в науке всегда какие-то есть мнения, кто-то обязательно сомневается. Иначе бы науки не было. Потому что наука – это, вообще-то, страшная вещь... Я был спортсменом по классической борьбе, в сборную входил, но заниматься наукой – это значительно сложнее, чем самый сложный спорт. Сложнее, чем, допустим, прыжки без парашюта. Там прыгнул – и отдыхай. А тут – всю жизнь надо вкалывать. Вообще, наука начинается только тогда, когда ты отвергаешь предшествующие знания. И в чём ещё заключается парадокс? Наука и образование – антагонисты, потому что задача образования – дать знания, а задача науки – разбивать эти знания. Но существуют они по гегелевскому закону единства и борьбы противоположностей: без знаний не было бы науки. Без науки тоже не было бы знаний, но её открытия превращаются в знания только через какое-то время: сначала в университете, в аспирантуре, потом среди студентов и потом уже только в школе. Поэтому общепринятого никогда ничего в науке не будет. Но то, что это так – факт остаётся фактом. Эти орудия – есть! И они олдувановидные (от ущелья Олдувай в Восточной Африке, где впервые были обнаружены соответствующие памятники. – *Ред.*) – такие же, как древнейшие орудия Африки. Тут ты никуда не денешься – бери и сопоставляй! В этом плане археология – очень хорошая наука. В отличие от философии: есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – науке это неизвестно... А здесь всё известно: берёшь памятники, где они лежат, смотришь, сопоставляешь – защищаешь. Так вот, по геологии и по археологии возраст Диринг-Юряха находится где-то в пределах 3–2,5 млн. лет – как древнейшие орудия Африки, которая считается прародиной человечества. Кстати, запомните, насчёт прародины человека – это не моя

концепция, а концепция Морица Вагнера. Он написал свою статью, на которую я ссылаюсь всё время, в 1871 году – в год выхода работы Дарвина о происхождении человека, через два-три месяца. И он писал Дарвину: «Ты великий человек, и я полностью разделяю твоё эволюционное учение. Но как ты умудрился засунуть эту обезьяну, из которой получился человек, на юг?! На кой ляд ей было становиться человеком? Жри себе бананы, ананасы, персики...»

Итак, возраст Дюринг-Юряха – в пределах 3–2,5 млн. лет. От этого не отвертись! Это всё можно прийти и посмотреть, пощупать. Когда на Всесоюзной конференции в Якутии, ещё в советское время, собрались крупнейшие учёные, (правда, археологи её саботировали, всего несколько человек приехало) начинали там говорить те, кто выступали против Дюринга: «Эти артефакты моложе африканских...». А я им: «Вы ничего не понимаете! Сами себя загоняете в угол и крутите мельницу наоборот – на представление о более высоком значении Дюринга!» Если будет доказано, что он моложе (только солидно моложе – лет на 500; потому что если на 100 тыс. лет, то это в пределах ошибок – и сомнения останутся), то это будет в тысячу раз важнее! Это будет говорить о независимом, неоднократно происхождении разума в совершенно разных природных условиях. Потому что доказано: в Африке, где нашли первобытные орудия, климат в то время был тропический, субтропический, а вот на Дюринге в Якутии в то время климат был – как сейчас и даже холоднее! Тогда значение Дюринга будет вообще колоссальное! Но это уже, как у Некрасова сказано: *«Жаль только жить в эту пору прекрасную Уж не придётся ни мне, ни тебе...»*.

Но за судьбу Дюринга я совершенно спокоен. Вот в нашей книге «Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня» всё описано и изображено в подробностях – фотографии орудий и т.д. Почему я всегда много иллюстраций в своих книгах даю? Моя задача – чтобы каждый человек мог сам сделать вывод. Не словесные аксельбанты вешать друг другу на уши (кто из авторитетов был за, а кто против внутротропического происхождения человечества), а убедиться наглядно.

– Юрий Алексеевич, но тут другой вопрос возникает. В последние 20 лет в Якутии проходило несколько крупных международных мероприятий по Дюрингу. Но ведь большинство этих мероприятий действительно отечественное археологическое общество, скажем так, игнорировало. В чём здесь дело: в зависти или в том, что просто у нас в стране отсутствует современная археологическая наука?

– Если откровенно – чихать мне на их мнение! На этой конференции, о которой мы упомянули (кстати, последней *всесоюзной* – это было в 1988 году), признали, что Дюринг-Юрях – открытие не просто всесоюзного, а *мирового* (!) значения. Что мне эти – с Дмитрия Ульянова, 19?! (адрес Института археологии РАН в Москве. – *Прим. ред.*) Как-то мы сидели, общались по душам с Владимиром Ивановичем Бойко, социолог такой

новосибирский (мы с ним были хорошими приятелями), и я ему выражал удивление по поводу этой ситуации. А он мне: «Ну что ты, Юра! Это обыкновенная зависть! Они ведут там себя все зажато, чинопоклонение у всех... А у тебя такие открытия! И ты приезжаешь и так раскрепощённо себя ведёшь – то с академиком за руку здороваешься, запросто общаешься, то с каким-то ханьгой на лужайке посиживаешь и из горла пьёшь. Они хотели бы так же, но не могут себе этого позволить!» Так что это просто зависть, и больше никаких причин нет. А какие ещё? Когда ты отвергаешь что-то в науке – это же не просто чашку чая отодвинуть и новую попросить, это значит, что ты отвергаешь прежние открытия, а за ними же стоят живые люди, и они, как правило, занимают посты, в том числе самые высокие. И грудь у них в орденах, и звания – будь здоров! Поэтому, если появляется какое-то открытие, они как себя ведут? Сначала: «Ты не прав!». А когда они видят, что ты прав: «Ну, может быть, вместе это издадим?..». А когда ты отвергаешь соавторство, то они начинают тебя давить. Вот, как мы выше говорили, было с моей кандидатской: защитил я её в 1966, а книга, по рукописи которой я защищал, – только в 69-м. А за это время знаешь сколько можно нахимичить, пока твоя рукопись где-то там ходит по рукам и издательствам?! Потом мне предлагал Борис Александрович Рыбаков в 1974 году (когда десять лет исполнилось нашей Приленской археологической экспедиции, и я делал доклад) защищать докторскую. Я говорю: «Нет, не буду. Вот когда я издам книгу – тогда буду защищать». Потому что хоть что-то да останется уже. А иначе я отдам рукопись и её будут туда-сюда таскать, издавать под своим именем, ссылаясь как бы на свои находки... Вот вам (*показывает характерный жест*) – выкусите!

– Тогда возникает следующий вопрос. Существует ли всё-таки сегодня археологическая наука, или её просто нет как таковой?

– Нет, ну существует, конечно. Отдельные люди всегда есть – пассионарии, так называемые. Помните теорию пассионарности Гумилёва? (кстати, мы были большими приятелями со Львом Николаевичем). В любой нации должно быть не меньше пяти процентов пассионариев, иначе она загниёт. Так и в науке.

– А если эту ситуацию рассмотреть через призму нынешней Якутии. Ведь был момент (я имею в виду 1990-е годы), когда в Якутии очень бурно стала развиваться наука, и какое-то новое дыхание приобрёл Институт гуманитарных исследований, возглавляемый Василием Ивановым, и создали новый Институт проблем малочисленных народов Севера (мы сейчас не будем касаться научного уровня В.А. Роббека, но там были такие замечательные учёные как, например, Галина Кэптукэ-Варламова). А сейчас вдруг складывается ощущение, что возник какой-то застой...

– Сплошные компиляции и плагиат – и больше ничего. Да и не было никогда в Институте гуманитарных исследований никакого подъёма. Я там

проработал с 1963 года, можете себе представить? Потом при Штырове нас выделили как отдельный институт – Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, поэтому книги мои пошли (не надо было издания через их дурацкие учёные советы проводить; деньги достали – издали)...

– То есть вы всё-таки утверждаете, что подъёма науки в 1990-е годы в Якутии не было? А как же тогда объяснить появление там работ высочайшего уровня Жанны Лебедевой, той же Галины Кэптукэ, Анны Мыреевой?

– Да, были отдельные исследователи. Но подъёмом я бы это не назвал. Всё оставалось на том же уровне, что и раньше. В основном и в массе своей примерно так: «этот сказал так-то, а тот сказал эдак», и это называли наукой! Я против такой компиляции. Директор Института гуманитарных исследований Василий Иванов – это вообще классический компилятор и плагиатор. У меня тёща говорила: не делай добра – не получишь зла. Я всегда с ней спорил: ты же делаешь добро не для того, чтобы добро взамен получить? И вот Иванов. Он в Новосибирске защищался. Уже, в принципе, был доказан плагиат в его докторской. Но, во-первых, наш отдел археологии дал ему хороший отзыв (умел он, знаете ли, подстраиваться, располагать к себе), а потом я договорился, чтобы ему мой друг Виталий Епифанович Ларичев, недавно от нас ушедший (вот, кстати, настоящий, величайший учёный и в то же время замечательный популяризатор науки), тоже дал хороший отзыв как историограф. После Ларичева Новосибирск уже не стал оспаривать диссертацию, потому что это уже получилось бы – против Ларичева выступать... И Иванов меня благодарил очень сильно. А потом начал мне всякие гадости делать.

Кроме того, на якутский Институт гуманитарных исследований всегда давил Новосибирск. До Иванова у нас директором долгое время была Евдокия Коркина. И вот с моей книгой 1977 года получилась такая история. Коркина мне говорит: «Юрий Алексеевич, поставьте редактором своей книги Окладникова. Иначе нам придётся с вами расстаться, потому что отношение Окладникова к институту важнее, чем ваше пребывание у нас...» «Ну, положим, это ещё неизвестно, что для института важнее... Но я при вас сейчас разорву, к чёртовой матери, рукопись, но не дам Окладникову быть редактором! Он уже был у меня редактором Белькачей! (имеется в виду кандидатская диссертация «Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии», издание которой растянулось с 1965 по 1969 год. – *Ред.*)»

А по поводу университета якутского мне понравилось, как Алексей Томтосов сказал, что они делают большую ошибку, замыкаясь на своих собственных выпускников, стараясь не приглашать преподавателей со стороны. Вы только представьте себе, мы проводили лекции в более чем десяти университетах США и Канады. А в Северо-Восточный федеральный университет, который совсем рядом с нами находится, нас

никогда не приглашали! Потому что их не устраивает наша принципиальная позиция. Я всегда говорю то, что считаю нужным, и неважно, платят мне за это или нет. А им этого не нужно. Раньше этим университетом руководил Анатолий Алексеев (теперь он научный руководитель Института гуманитарных исследований), а сейчас – Евгения Михайлова. Ну, какой она, к чёрту, ректор?! Она просто администратор. И начала там выкачивать деньги, создавать всякие структуры; профессора плачут... И дело там идёт к медленно-такому, латентному разрушению.

– Юрий Алексеевич, а как вы объясните такую ситуацию (как человек, близкий к литературе), что в Якутии всегда очень интересно развивалась именно якутская национальная литература (Далан, Иван Гоголев), а русская гораздо хуже?

– Никогда я сильно внимательно за якутской литературой не следил. Да, там очень интересные были национальные писатели. Но тоже – раз-два и обчёлся. Например, Далан (В.С. Яковлев, писавший под псевдонимом «Далан». – *Ред.*). С Даланом мы были в приятельских отношениях, иногда по чашечке кофе или чая пропускали с ним вместе. Великолепные у него романы – и «Глухой Вилюй», и «Тыгын Дархан»... Я всегда говорил этнографам: этот писатель в тысячу раз точнее и правдивее описал древнюю этнографию, чем вы!

Русские тоже были писатели неплохие – Юра Шамшуринов, Юра Чертков, Олег Косополянский...

– Но эти русские писатели – всё же локальное явление, и за пределами Якутии они мало кому интересны... А если вернуться к национальным писателям: почему, на ваш взгляд, так и не прозвучал Николай Лугинов? Не потому ли, что он стал слишком политизированным? Вроде бы даже фильм сняли по его книге про Чингисхана (роман «По велению Чингисхана»)? Что вы, кстати, скажете об этой книге как историк?

– (*смеётся*) Вообще, относительно происхождения якутов у них как бы два лагеря. Первые хотят доказать, что якуты чуть ли не первопроходцы на территории Якутии (за это, между прочим, нас и не любят в том же Северо-Восточном университете: мы говорим, а так оно и есть, что якуты – последние по времени завоеватели этой территории до русских). А другим обязательно надо, чтобы якуты происходили от Чингисхана или ещё какого-нибудь великого деятеля (правда, от Александра Македонского возвести генеалогию у них не получается). Нашли какой-то ген европеоидный, начали огромные деньги тратить на это (есть там одна пройдоха-генетик), чтобы это развивать... Я им объясняю (есть у меня хорошие приятели-якуты): Вам это всё не нужно! Чтобы гордиться собой, вам хватает того, что вы адаптировали скотоводство к условиям Севера, к полюсу холода; когда-нибудь это станет вашей величайшей заслугой, потому что мир (южные его области) перенаселяется, и Север рано или поздно станет не просто местом выкачки

полезных ископаемых (золота, алмазов, газа и нефти), но территорией для жизни...

– А, с вашей точки зрения, когда всё-таки якуты пришли на территорию современной Якутии, откуда и с какой целью?

– Сейчас опять спорят, что – с Байкала. А мне кажется, что они пришли с Енисея. Там есть такая культура, похожая на курыканскую, которую В.В. Бартольд когда-то выводил...

– А примерно когда, в каком веке они пришли?

– Я специально этим не занимался, но вот мой ученик Ваня Константинов – якут, кстати, очень хороший, он считал, что где-то в IX или в X веке. А русские пришли уже в XVII... Кстати, когда мне говорят, что Мочанов якутов не любит, я отвечаю: «Ерунда это! Я не люблю плохих людей. Для меня совершенно безразлично – негр ты или норвежец. Важно – хороший ты человек или плохой!». Вот когда я собирался лететь в экспедицию на Новосибирские острова, у меня было четыре человека (среди них два русских и один якут), с которыми я занимался раскопками в Заполярье, а взять с собой я мог только одного. И я взял якута – Ивана Константинова, потому что это хороший, нормальный мужик. Он умер, к сожалению, ещё в 1977 году. Я ему дал материал для книги «Происхождение якутского народа и его культуры». А потом мы ему ещё дали материал на железный век, который предшествовал якутам, и уже посмертно в Новосибирске вышла его книга «Ранний железный век Якутии» (1978). Но он по-настоящему этим занимался, у него был огромный талант!

– А как происходило заселение якутами нынешней территории? Ведь первоначально туда всё-таки пришли потомки тунгусов...

– Сейчас я вам всё объясню. Однажды я присутствовал на какой-то конференции в якутском университете. (А университет в Якутии, как мы уже отметили, – это специфическое учреждение. Им нужно обязательно доказать, что якуты – первопроходцы.) И вот идёт конференция, в зале большое количество молодёжи, и один выступает и начинает рассказывать о том, как русские преследовали якутов – издевались над ними, насиловали и т.д. Я не выдержал, поднял руку и говорю следующее: «Предыдущий выступающий многое говорил правильно. Но давайте подумаем, а что делали с тунгусами якуты, когда пришли на территорию Якутии? Давайте тогда вместе с тунгусами проклинать якутов! Подождите, а тунгусы когда пришли, что они делали с юкагирами? Давайте вместе с юкагирами проклинать тунгусов! А юкагиры когда пришли, разве здесь было пустое место? Нет, они гоняли предков коряков и чукчей. Давайте вместе с ними проклинать юкагиров! А чукчи и коряки в свою очередь вытеснили предков эскимосов и алеутов. А те вытеснили древние американские племена, которые тогда жили на этой территории, и т.д. Фигурально выражаясь, вся история вообще есть смена одних завоевателей другими...». Встаёт этот доцент и говорит: «Как!? Карл Маркс, Фридрих Энгельс и

Владимир Ильич Ленин нас учат, что история есть смена одной формации на другую путём классовой борьбы, а Мочанов нас учит, что история – смена одних завоевателей другими!?».

Что ещё сказать? Вытеснение одних наций другими – это большая тема, конечно. Помню, я выступал среди американских миллионеров и миллиардеров на тему колонизаторских завоеваний. И сказал там американцам: «В чём отличие нас от вас? Дело не в том, что русские хорошие, а американцы плохие. Мы все, вроде бы, колонизаторы. Но для вас было: хороший индеец – мёртвый индеец. Не потому, повторяюсь, что вы такие плохие, а потому что вам земля нужна была, чтобы её пахать, разводить коров. А нам нужен был ясак – соболь и другие ценные породы меха, поэтому для нас каждый человек, который мог для нас этот ясак добывать, был на вес золота. Поэтому царское правительство не давало убивать местных жителей. И это всё сохранилось у нас исторически. Поэтому у нас и получили все национальные республики автономный статус и т.д.

– А как бы вы охарактеризовали сегодняшнюю политическую и творческую элиту Якутии?

– У меня вышла статья «Национальный вопрос и как он решается в Академии наук республики Саха (Якутия)». Там я говорю, что национализм – это здоровое, биологически необходимое явление. Почему нам, например, так трудно с Кавказом приходится? Потому что у них эта национальная гордость и воинственность на уровне биологии. В чём была ошибка Маркса и Энгельса – умных, в общем-то, людей? Они социальное поставили выше биологического: пролетарии всех стран соединяйтесь. Но уже Первая мировая война показала несостоятельность этих идей. Об ошибке Ленина я уже и не говорю: революция в отдельно взятой стране. У Маркса и Энгельса речь шла о наиболее развитых (!) странах – Франции, Германии, Англии и т.д., потому что, если в таких развитых странах построить коммунизм, – кто на них напасть посмеет? А мы в своей отстающей стране сделали революцию! Так что Сталин был логическим развитием Ленина. Ему уже обязательно нужно было делать военный лагерь – ведь вокруг нас все были враги, которые хотели нашу страну уничтожить.

А национализм – это здоровое, необходимое явление, это желание прославить свою нацию какими-то достижениями за счёт созидательной работы самой нации. Чем мы гордимся? Ломоносовым, Менделеевым, Королёвым, Гагариным, Достоевским, Толстым... А есть шовинизм – когда ты хочешь прославить свою нацию за счёт ущемления других народов. И, как правило, этот подход терпит неудачу. Вот когда-то маленькая Македония при Александре Македонском завоевала полмира, но что осталось от неё сейчас?

И среди якутов, как и в любой нации, есть и националисты, и шовинисты. Дай бог, чтобы преобладали первые, а не вторые.

Между прочим, Михаил Николаев (первый Президент, а ныне – Государственный советник

Республики Саха (Якутия). – *Ред.*) допустил большую ошибку и нанёс большой вред якутам, когда настаивал на том, что, мол, якуты должны всему миру показать путь – как относиться к природе. На самом деле якуты – это первые нарушители равновесия человека и природы, потому что они первые привели на свою территорию домашних животных.

– Вы обмолвились, что были в хороших отношениях со Львом Николаевичем Гумилёвым. В чём вы с ним сходились и были единомышленниками, а в чём всё-таки расходились?

– Он, кстати, мне давал рекомендацию в Российскую Академию естественных наук (РАЕН). И признавался, что кроме меня и ещё одного учёного никому больше не даст рекомендацию...

Я всегда говорю: не ругайте Льва Гумилёва, у него родители – Николай Гумилёв и Анна Ахматова! Чего вы хотите? Он – поэт! А вынужден был стать исследователем, учёным. К нему нужно относиться как к писателю! Естественно, у него переборы сплошь и рядом...

Когда я делал доклад в Российском географическом обществе в 1963 году о проблеме заселения человеком Америки, он там начал выкаблучиваться. Я ему говорю: «Лев Николаевич, вы этим никогда не занимались. Вы занимались кочевниками евразийскими... Мне неудобно даже вам отвечать, потому что вы говорите *ерунду!*» И ничего, никакой обиды не было; после этого мы пошли с ним – по стопаря...

– А в чём вы сошлись с ним?

– Мне нравится его концепция пассионарности. Это действительно так. Я просто по жизни вижу это, что есть пассионарии. Между прочим, пассионарии и гибнут в первую очередь. Но они, кстати, и блядуны в основном (Гумилёв об этом тоже писал), чтобы оставить потомства побольше. В них это заложено. Я во многих вообще вещах с ним согласен, у меня есть почти все его книги (он мне дарил). И если я буду переезжать, то эти книги возьму с собой. А остальное, наверное, всё-таки передам в библиотеку Института этнографии в Питере. Всё-таки я там кочегаром работал...

– К сожалению, практика показывает: когда у нас в последние двадцать лет большие учёные или большие писатели обращаются к общественной деятельности, это чаще всего объясняется тем, что у человека или творческий кризис... Вы показали редкое исключение. Когда Советский Союз развалился, вы, не оставляя археологии, тем не менее с головой погрузились в общественную деятельность, защищали социалистические идеи. Что заставило вас тратить столько времени на это?

– Потому что эта моя жизнь, моя Родина – она дорога мне! А я видел, как её разхерачивают, обсекают! А нам было чем гордиться. Взять нашу экспедицию: я считаю, ей не было равных! Такого ни по площадям – пять миллионов квадратных километров (!), ни по времени – от происхождения человека до прихода русских землепроходцев –

нигде и никогда в мире не было! Вот тебе и русские! Это же гордость России, что вроде бы у нас и жрать нечего, а мы такое совершаем!

Я как-то был на дискуссии в Америке среди общественных деятелей, сенаторов, и заявил там: самый лучший общественный строй для археологии – это социализм! Потому что у вас, куда ни сунься – шаг влево, шаг вправо – private property (частная собственность).

Мне в своё время предлагали американцы сто тысяч долларов на экспедицию, но только чтобы это были совместные работы – Академии наук России и Географического общества США. На готовенькое хотели придти. Я им показал шиш: оставьте себе свои сто тысяч! Мы не продаёмся! Я лучше издам результаты исследований в краеведческих записках какого-нибудь там Олёкминска. А некоторые у нас продавались. Например, Соросу...

Когда-то я был председателем якутского отделения Народно-патриотического Союза России, связанного с коммунистами. Тогда я более-менее занимался политикой, поддерживал социалистов...

– Но оправдало ли ваши надежды то общественное движение, которым вы занимались? Что удалось сделать?

– Вообще-то, в принципе – разочаровало. Я говорил коллегам, что патриотические силы России – это вам не ковровая дорожка к избирательным урнам! Что они делают большую ошибку, когда везде ставят руководителями известных партийных деятелей, того же Зюганова, например. Это должно было быть самостоятельное движение! Да, координирующее свою деятельность с компартией, но не подчиняющееся ей. Поэтому когда такие процессы пошли, я устроился от этого.

Был ещё такой момент. Дискуссия большая в академической среде по поводу построения дома с квартирами для учёных. Денег не было на науку, но строили огромный дом. Я выступал против, потому что квартира одна там стоила около шести миллионов рублей, а на эти деньги сколько экспедиций можно было провести! А потом мне предложили всё-таки получить эту квартиру. Я, конечно, отказался. А как они думали: выступал против, а потом сам же получаю? Одену, так скажут, горшок с говном себе на голову?!

В общем, я ушёл от этой всей политики. Мне надо закончить (хотя бы в некоторой степени) издание научных материалов, чтобы будущие исследователи могли это всё продолжить. Потому что многое разрушается. Вот Белькачи, например. Двадцать культурных! Но ледоходом срезало всё, и сейчас почти ничего не осталось. Однако, если это всё зафиксировано в книге с хорошими иллюстрациями, то с этим можно работать, можно идти дальше. Я даже сам отмечая для будущих исследователей, где доделать нужно, где докопать, где спорные вопросы... Что-то предсказать мне даже приятнее бывает, чем самому открыть.

Уважаемая редакция!

Меньше поулгода остаётся до памятной даты в истории нашей страны – 100-летия того события, которое за многие минувшие десятилетия именовалось по-разному, но суть у него оставалась одна. Резкая встряска, казалось бы, незыблемой тогда Российской империи, ныне именуемая Великой русской революцией, повлекла за собой не меньшее сотрясение всех народов и государств на планете. Простите за дерзость моего предложения: не пора ли открыть рубрику, под которой можно было бы обратиться к тем давним годам и рассказать о том, что упорно замалчивалось долго-долго, что умело искажалось тогдашней идеологией, вернуть из небытия имена тех русских людей, что были в тени, а порой жёстко замалчивались в угоду иным участникам революции, но чьё участие в тех революционных и послереволюционных событиях было если не решающим, но определяющим?

Предлагаю читателям журнала краткий рассказ об уроженце сибирского села Тасеево (это в Красноярском Приангарье – откуда и я родом) Василии Григорьевиче Яковенко, малограмотном крестьянине, трижды Георгиевском кавалере за участие в 1-й Мировой войне. А почему этот текст я предлагаю Вашему изданию? Да потому, что этот ПАРТИЗАН в годы борьбы с колчаковщиной В.И. Лениным накануне НЭПа был назначен НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, к тому же он был ПИСАТЕЛЕМ, автором удивительной книги «Записки партизана» и второй рукописи, которая вместе с ним канула в небытие после ареста в феврале 1937 года...

Может, попробуем?

Георгий ПЕТРОВ (ПАШНЁВ)

ПАРТИЗАН. НАРКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. ПИСАТЕЛЬ

3 марта 1889 года (а по новому стилю – 16 числа) в селе Тасеево Канского уезда Енисейской губернии (сейчас – Красноярский край) в семье Григория Федосеевича Яковенко и его жены Евдокии Ивановны родился сын. Наречён он был Василием по церковным святцам, в честь святого мученика Василиска воина.

Забегая вперёд, скажу, что сибирский крестьянский мальчик Василий Яковенко, повзрослев, сполна пережил то, что ему было наречено святцами. И воином был достойным – в годы первой мировой войны он заслужил три ордена «св. Георгия» – высшей награды для низших чинов армии Российской империи. Потом возглавил армию тасеевских партизан (она, эта Тасеевская Советская Федеративная Социалистическая Республика – вспомним ещё раз!) не покорилась власти адмирала А.Колчака,

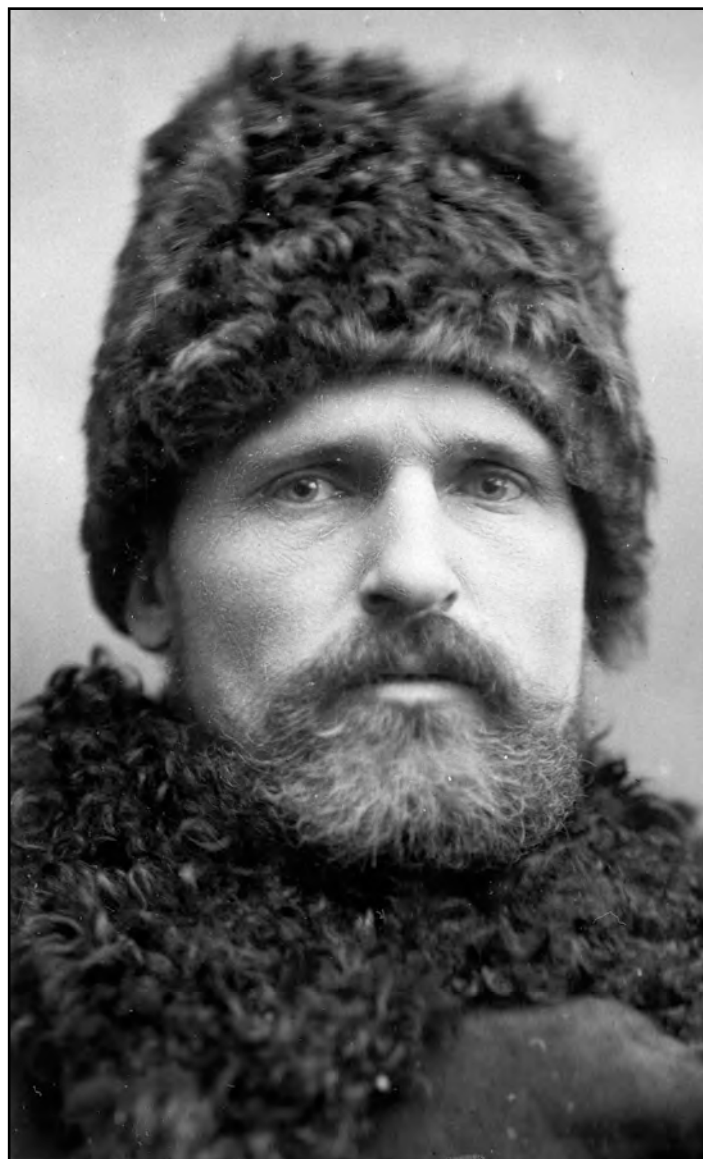
который намеревался поставить на колени не только тасеевских, но и всех сибирских крестьян. Его люди расстреливали семьи партизан, пороли шомполами, не раз с разных краёв поджигали село, пока не получили сокрушительный удар на таёжной реке Кайтым, за которую со всем домашним скарбом, обозом в сотни подвод ушли с партизанами выжившие сельчане, где и дали решающий бой колчаковцам, после которого три дня сжигали в тайге сотни трупов пришельцев... Именно об этом сопротивлении и свободолюбию сибирских пашенных земледельцев Василий Григорьевич, волею судеб оказавшийся во главе партизанского движения на севере Канского уезда, написал пронзительную книгу, скромно озаглавив её «Записки партизана». А о том, какую она сыграла роль в его жизни, мой рассказ впереди...

Мне, как уроженцу того же села Тасеево, где родился В.Г. Яковенко, была небезразлична его удивительная судьба. Работая на протяжении многих лет в московских архивах (ГАРФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, ЦА ФСБ, Красноярский архив кино- и фотодокументов), я, отслеживая деятельность своего славного земляка в истории нашего государства, пытался постичь феномен В.Г. Яковенко, личность которого ярко озарила сибирские и российские просторы – подобно неведомому пришельцу из иных миров – как Тунгусский метеорит 1908 года. Мне было важно понять, как ему удалось проделать такой грандиозный путь. От малограмотного босоногого пастуха, батрачившего с детских лет на тех полях, где уже после Отечественной войны бегал и я, до главы уездного в Канске революционного комитета, потом, по личной рекомендации руководителя правительства (Совета Народных Комиссаров) В.И. Ленина – Народного комиссара земледелия РСФСР. Дальше – Народного комиссара социального обеспечения Республики. Ещё дальше – соратника М.И.Калинина (В.Г. Яковенко работал в аппарате Председателя ВЦИК – уже СССР), сотрудника Госплана СССР, а в 1935–37 гг. – директора Научно-исследовательского института новых лубяных культур Народного комиссариата земледелия СССР.

Когда в студенческие годы на факультете журналистики МГУ им. Ломоносова я с гордостью рассказывал своим однокурсникам о знаменитом земляке, который был в числе тех, кто помог В.И. Ленину найти выход из «военного коммунизма» и продовольственной развёрстки, очень непопулярной у российских крестьян, и перейти к новой экономической политике, в том числе и в сельском хозяйстве, на меня смотрели с недоверием: так ли? да ладно сочинять!..

Уже позже, работая в журнале «Советский Союз», к 70-летию Октябрьской революции, хотел рассказать о своём земляке. Наш главный редактор, член ЦК КПСС, Герой труда Николай Матвеевич Грибачёв (кстати, в те годы спикер на сессиях Верховного Совета РСФСР – они проводились дважды в год, и вёл их он) не решился опубликовать мой очерк: В.Г. Яковенко был расстрелян в 1937 году. А для нашего главного редактора это было знаком того, что, значит, мой земляк был замешан в каких-то «фракциях» и «оппозициях» и даже не принял во внимание, что имя В.Г. Яковенко было реабилитировано не только в судебном, но и партийном порядке.

Газета «Московские новости» тех лет, возглавляемая Е.Яковлевым, была решительнее. В праздничном выпуске, посвящённом 70-летию юбилею Октября, она пригласила сибирского писателя Сергея Залыгина откомментировать снимок, на котором В.Г. Яковенко, уже в качестве Народного комиссара земледелия России, встречается с земляками во время одной из своих поездок по сибирской земле. «Крестьянский нарком – крестьянин, – писал С.Залыгин, – человек, героически боровшийся за землю для крестьян всей России – Нарком земледелия – вот та истинно-революционная ситуация, психологическая,

Василии Григорьевиче ЯКОВЕНКО

социальная, историческая, существо которой мы часто упускаем из виду, когда пишем книги и исследования о гражданской войне, о десятилетиях, за этой войной следующим».

Надо не забыть, что одна из первых книг о Гражданской войне в России написана была молодым писателем Владимиром Зазубриным (Зубцовым). Она называлась «Два мира» и рассказывала как раз о Тасеевской партизанской республике, и под именем главного героя Григория Жаркова в ней выведен В.Г. Яковенко. Работая в Канске после установления новой власти Председателем уездного комитета, В.Яковенко жил в одном доме с В.Зазубриным и, пожалуй, в то время в нём вызревала книга, которую он завершит уже в Москве, находясь на посту Народного комиссара земледелия России... А В. Зазубрин потом напишет «Щепку» – литературное свидетельство того, как новая власть утверждалась на российских просторах... По её мотивам снят редкой силы фильм...

Закончен роман был в 1921 году, напечатан в военной походной типографии ПУАРМ-5 в Иркутске с пометкой «Без цены». Вместо гонорара автору выдали 5 млн. руб., на которые В. Зазубрин сумел купить три воза дров. В предисловии

к 5 изданию книги М. Горький писал (приводя слова В.И. Ленина): «Очень страшная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая, нужная книга».

В романе угадываются черты тасеевских партизан, события тех лет. Партизанский вождь Григорий Жарков – это Василий Яковенко, командарм Мотовилов – Николай Буда. Начальник агитотдела священник Иван Воскресенский – это бывший тасеевский священник. И. Вашкорин. В. Кренц, П. Быстров, Т. Витюков, другие персонажи показаны под своими именами...

Но вернёмся к судьбе В. Яковенко.

Итак, к концу 1921 года, к началу перехода к Новой экономической политике случилось так, что в крестьянской стране не было ключевого Народного комиссара – человека, с которого можно было бы спросить за состояние дел в сельском хозяйстве. Его соратники, порой ни ухом, ни рылом не смыслившие в земледелии, из кожи вон лезли, чтобы стать Наркомом, войти в Совнарком. Что делает В.И. Ленин? Он, пусть и с запозданием, понимает, что Наркомом земледелия надо делать человека не из его окружения революционеров, а из народа, из крестьян и обращается к соратникам, к тем, кому доверял, за помощью найти в России достойного человека на пост Наркома.

12 декабря 1921 года получил подробное письмо от И.А. Теодоровича, который в годы колчаковщины оказался в Сибири, неплохо знал командарма тасеевских партизан В. Яковенко, а в конце 1921 года оказался на посту заместителя Наркома земледелия (вместе с В.В. Осинским):

«Дорогой Владимир Ильич!

Позвольте сказать несколько слов по вопросу о (возможном. – Г.П.) Наркоме земледелия из крестьян.

В числе возможных кандидатов на этот пост разрешите назвать одну фигуру, на мой взгляд, имеющую к этому много данных. Это Василий Григорьевич Яковенко, сибиряк, крестьянин, старожил села Тасеевского, хлебнейшего села хлебнейшего в Восточной Сибири Канского уезда.

По внешним данным, это – мужик лет за 40 (В.Г. Яковенко на тот момент не было и 33 лет! – Г.П.), рослый, могучий, волосатый бородач от сохи...

...Безоговорочно преданный лозунгам Советской власти, дисциплинированный и трезвый, он удивительно умел сочетать «энтузиазм масс» с чисто мужицкой хозяйственностью и реалистичностью, сказавшимися в той налаженности партизанского тыла, какой знаменит Тасеевский фронт против Колчака. Авторитет его среди крестьянства – был поразительный. Вера в его личную честность и разумность – повсеместна...

На мой взгляд, он будет очень уместен на посту мужицкого наркома... Знание мужицкой души, крестьянского быта, кровная связь с деревней, безупречность личная, героическое прошлое... может быть тонко использовано наркомземским аппаратом для любой с.х. кампании. Где бы и когда бы ни появился в крестьян-

ской толще «такой» нарком, – он поможет сделать то, что нам нужно. Ив. Теодорович» (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 22443).

Кандидатур было несколько. В.И. Ленин выбирал...

22 декабря В.И. Лениным отправлена телефонограмма:

«Тов. Молотову и всем членам Политбюро.

1. Прошу ускорить ознакомление всех членов Политбюро с тем сообщением Теодоровича относительно сибирского крестьянина Яковенко, которое было мною Вам послано...».

(Этот документ также был опубликован в «Ленинском сборнике» в 1959 г., потом вошёл в его Собрание сочинений. – Г.П.).

В январе 1922 года В. Яковенко был назначен на этот пост – при непременном решении ВЦИК Российской Республики.

Не станем углубляться в повседневную деятельность Народного комиссара земледелия России в те месяцы нечеловечески напряжённой работы. Работа под руководством В.И. Ленина, плотная его опека, порой с несправедливыми придирками к Наркомзему, соседство на заседаниях с народными комиссарами И. Сталиным, А. Луначарским, Л. Троцким, Г. Чичериным, множеством других руководителей не помешала вчерашнему командарму Тасеевских партизан, ходившему на службу в начищенных сапогах и ладной гимнастёрке, подпоясанный ремнём, продолжать работу над книгой.

В 1924 году он направляет свою рукопись авторитетному коллеге в Совнаркоме Л. Троцкому, Наркомвоенмору, для отзыва. Хотя в Совнаркоме были и другие Народные комиссары, кто «баловался» литературными пробами. К примеру, тот же А.В. Луначарский, пописывавший пьесы на фэнтэзийные темы для московских театров, но И. Сталин, относился к его творчеству с улыбкой и недоверием, очень неоднозначно, если судить по документам, которые недавно мне удалось увидеть в РГАНИ...

Так вот. Л. Троцкий, прочитав не всю рукопись В. Яковенко, в июне 1924 года спешит ответить автору «Записок партизана»:

«Дорогой т. ЯКОВЕНКО!

Я успел прочитать около третьей части Ваших воспоминаний, но не хочу задерживать дальше ответа. Мне воспоминания очень понравились: написано точно, просто, строго фактически, без многословия и прочих грехов, обычных для воспоминаний. Я думаю, что очень и очень стоит издать их отдельной книжкой. Нужно только позаботиться, чтобы корректор тщательно проверял корректуру, так как в рукописи есть некоторые опуски, особенно в знаках препинания. Надо непременно издать и как можно скорее. Хорошо бы приложить к книжке схематическую карту того района, где развёртывались события.

С коммунистическим приветом. Л. Троцкий».

Книга в том же году была издана. Есть сведения, что её изучали в военных академиях – как пособие

по ведению партизанской войны (похоже, Наркомвоенмор постарался...). Некоторые исследователи утверждают, что её перевели и издали в Германии. Не раз её издавали в красноярских издательствах. Публикуемая тут обложка – это издание 1988 года...

А вот с этой запиской-рецензией в четверть листа (на машинке) случилась целая история. Она была обнаружена среди документов В.Г. Яковенко при его аресте в феврале 1937 года в квартире № 59 Наркомовского дома на ул. Грановского (ныне – Романовский пер.). Её и сегодня можно увидеть в личном (расстрельном) деле В.Г. Яковенко в Центральном архиве ФСБ России (д. № Р-8174). В отличие от иных документов (протоколы допросов других лиц из разных мест, различные справки и пр.), эта записка не подшита в дело, а вложена в конвертик, приклеенный на внутреннюю сторону картонной обложки Дела с пометкой неведомого следователя: «ПЕРЕПИСКА С ТРОЦКИМ». Думается, не надо объяснять, какую роль сыграл в то время этот крохотный отзыв на книгу в судьбе ленинского выдвиженца, сибирского партизана Василия Яковенко...

Но вернёмся в те годы, когда В. Яковенко продолжал службу на государственных постах (уже не в качестве Наркома) – сначала в Приёмной М.И. Калинина, а потом и в Госплане СССР. В его гостеприимной квартире в доме на Грановского бывали писатели А.С. Новиков-Прибой, И.М. Касаткин, С.П. Подъячев, он сам много читал...

К 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции М. Горький задумал выпустить серию книг «История гражданской войны». Работа началась вскоре после празднования 10-летия. Поток воспоминаний был столь масштабный, что создали специальную Редакцию ИГВ, возглавил которую академик И. Минц, в Секретариат вошли многие известные учёные и достойные люди. Воспоминания В.Г. Яковенко планировалось использовать в разных ипостасях. Так, в 6-м томе ИГВ, по «Плану сборника в ознаменование XV-летия освобождения Сибири от колчаковщины», В. Яковенко, как автор, значится в двух главах – «Тасеевский фронт» и «Партизанское движение в Сибири» (РГАСПИ, ф. 71, оп. 36, д. 89, лл. 9–11). Кроме того, предполагалось издать рукопись В. Яковенко «Записки партизана» отдельной книгой, за что автору выдано авансом 4500 руб. (РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1928, л. 1).

«После того, как рукопись была принята Секретариатом ИГВ к изданию отдельной книгой, – писала позже литературный редактор М. Бондаренко, – мне весной 1934 г. было поручено т. Минцем прочесть её и дать свой отзыв. Мой отзыв по прочтении был следующий.

Рукопись имеет богатый фактический материал по

Тасеевскому партизанскому фронту в Сибири, литературно хорошо обработана, но вместе с тем имеет ряд больших политических ошибок и ряд спорных мест по фактическому освещению событий... Сам Яковенко первоначально делал вид, что он не возражает против правки рукописи в редакции...» (Там же).

Сейчас прервёмся, чтобы было понятно, что свой отзыв на рукопись В. Яковенко лит. редактор М. Бондаренко пишет в мае 1937 года (!), когда бывший партизанский вождь и бывший Нарком в правительстве В.И. Ленина уже четыре месяца находится под арестом, когда позади множество допросов по «участию в контрреволюционной террористической организации правых», когда он был признан организатором и руководителем т.н. «партизанского центра» в Москве, возглавлявшего контрреволюционную повстанческую террористически-диверсионно-шпионскую организацию в Сибири и действовавшую под руководством контрреволюционного центра правых (имелись в виду Н. Бухарин и А. Рыков). И оставалось два месяца до вынесения В. Яковенко смертного приговора...

Знала ли эти данные М. Бондаренко, мы утверждать не можем. Но она, похоже, чувствовала, какие ветры задули над страной. В своём отзыве-доносе от 31 мая 1937 г. она стремится «соответствовать» моменту и пункт за пунктом ниспровергает ещё вчера квалифицированного и авторитетного автора:

1. *...Сам Яковенко – малограмотный человек, оказалось, что первоначальный проэкт книги вместе с Яковенко писал троцкист Романов (писатель тех лет. – Г.П.), дальнейшую литературную обработку делал Киртичѐв (журналист на радио. – Г.П.).*

2. *Яковенко к тому же подписывал троцкистскую «платформу «83-х» (впоследствии В. Яковенко свою подпись снял. – Г.П.)*

3. *Поступили сведения, что Яковенко имеет какое-то отношение к восстаниям в Тасеевском районе в 1931 году против коллективизации и другие материалы.*

Нарком земледелия во время поездки по Сибири

4. Яковенко занял резкую позицию против какой бы то ни было правки при сокращении рукописи и стал мобилизовать со своей стороны соответствующим образом общественное мнение (специально выезжал в Сибирь для этого), от ряда бывших партизан стали поступать заявления в Секретариат ИГВ. В этих заявлениях доказывалась абсолютная правильность рукописи и, якобы, её международное значение, отсюда – требование скорейшего выпуска книги.

5. Сам Яковенко стал подавать в Секретариат главной редакции заявления с требованием скорейшего выпуска книги, с угрозами, что он на задержку книги пожалуется т. Сталину и т.п.

6. Были поданы заявления в партийно-контрольные органы на Бондаренко и Минца, что рукопись маринуются в результате вредной политики Секретариата ИГВ «на конфискацию мемуарного фонда вообще», что Бондаренко недооценивает роли крестьянства в революции, т. е. она «троцкистка»...

7. Яковенко стал всячески дискредитировать всех тех участников-партизан, которые выступали хоть с какой-либо критикой его рукописи, не считаясь с тем, что эти товарищи пока незапятнанные члены партии (Сухотин, Говорек, братья Буда и др.).

Все эти факты я считаю необходимым привести для того, чтобы показать, какие методы применял враг народа.

- 1) чтобы протащить свою рукопись в печать
- 2) протащить и защитить свои взгляды.

Все эти факты заставили с особой настроенностью отнестись к рукописи, и по сути говоря, «замариновать» её». (РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1928, л. 1 и об.).

Судьба рукописи, о которой говорит М. Бондаренко, неизвестна до сих пор. Есть документ – Протокол обыска и ареста, в котором значится:

«На основании ордера Главного Управления Гос. Безопасности НКВД СССР за № 223 от 9 февраля 1937 г. произведён обыск у гр. Яковенко.

Взято для доставления в Главное Управление Государственной безопасности следующее:

Один тюк разной переписки – 1 тюк.

Рукописи – 4 папки...» (ЦА ФСБ, д. Р-8174, л. 3).

Далее перечисляются иные конфискованные предметы: Значок ВЦИК РСФСР – 1 шт, чемодан малый, крышка от мыльницы, футляр от зубной щётки, портмоне, шарф, галстук, портянки, 4 запонки, а чуть ранее (д. Р-8174, л. 1) – охотничьи ружья, патроны к ним, паспорт, партбилет, медкарточка Медсануправления Кремля, бинокль, а также пишущая машинка «Жеблок» с футляром – 1 шт ...

Тут самое время рассказать об этой пишущей машинке.

Принадлежала она не В. Яковенко (он на момент ареста, напомним, был директором НИИ новых лубяных культур при Наркомземе СССР), а его молоденькой жене Раисе Абрамовне Залесиной, с которой он познакомился, работая в Госплане СССР в начале 30-х годов. Сейчас трудно судить, каким образом молодая машинистка (она работала в Госплане, родилась в 1911 году на Украине)

стала его новой женой, а может, это было модное тогда «поветрие», когда жёнами крупных руководителей становились женщины с еврейскими корнями... Но факт есть факт. Из Сибири В. Яковенко приехал с женой М.А. Мулловой, дочерью крупного тасеевского купца, который помогал партизанам, и с ней они поженились вскоре после его возвращения со службы в 1917 году. Они прошли вместе все годы партизанской жизни, она была рядом с В. Яковенко в годы работы в Канске, они вселялись в правительственный дом на ул. Грановского, 3, где и прожили до начала 30-х годов. Но потом... Скорее всего, Василий Григорьевич, полностью решивший заняться литературным трудом, нуждался в помощнице, которая помогала бы ему перепечатывать его рукописи после частых переделок. Он расстался со своей «партизанской» женой, и в квартиру под № 59 в доме на Грановского привёл машинистку из Госплана.

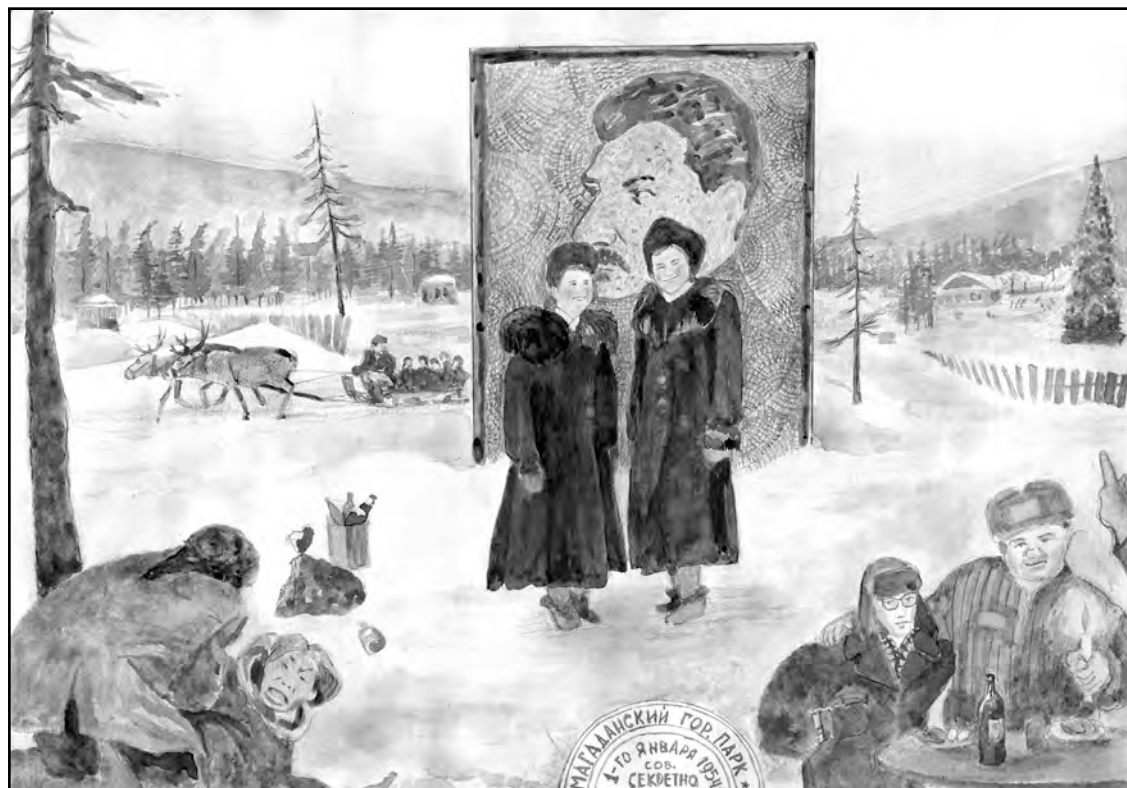
Раиса Абрамовна, получившая свой срок – как ЧСИР (член семьи изменника Родины) была арестована за две недели до расстрела В. Яковенко – 17 июля 1937 года, прошла длинный путь по лагерям. В годы оттепели она жила уже во Владимире (с рождённым в неволе сыном), до этого из Сеgezлага, а потом и из Владимира, предпринимала большие усилия (вместе с М. Мулловой) для реабилитации несправедливо репрессированного мужа. Но главное, ради чего она билась, – желание вернуть пишущую машинку фирмы «Жеблок», которая для неё была средством к существованию. Это ей не удалось. Но в архивах я видел её заявление с просьбой вернуть пишмашинку и иные документы, в соответствии с которым она получила денежное возмещение, как и за конфискованные в 1937 году книги из квартиры В. Яковенко...

Возмещения за рукопись талантливого самородка, человека недожизненных способностей, природного ума и крестьянской сметки, уроженца Сибири, ей не выплатили...

«9 января нынешнего года назначила меня Советская власть Народным комиссаром земледелия. Деды и отцы мои – природные мозольные крестьяне. Сам я коренной хлебороб, крестьянин-сибиряк Канского уезда села Тасеева. У плуга да у хлева проходила моя жизнь до тех пор, пока царь не нашёл меня в тайге и забрал в солдаты. Вынес я в окопах и боях всю великую войну и уже тогда понял, что не может быть рабочим и крестьянам ни счастья, ни свободы, пока на их шее сидят царские псы-помещики и капиталисты, и вот встал я в ряды революции бороться за рабоче-крестьянскую власть. Когда на Сибирском перроне воцарился адмирал Колчак, восстали мы, сибирские крестьяне, против его пулемётов и пушек с дробовиками и пиками за правое мужское дело. Спалил Колчак наши деревни, разорил наши хозяйства, а Советской власти не одолел. И по всей России-матушке побиты царские генералы. И крепко, дружно мы держим власть в своих руках».

(Из выступления В.Г. Яковенко в ходе его поездки по Сибири летом 1922 года).

Магаданский парк
1954 года.
Акварель автора.

Борис
САВЧЕНКО

МОЁ ЦВЕТНОЕ ОТРОЧЕСТВО

Увлечение рисованием и вообще творчеством началось для меня с событий довольно неожиданных и с нашей семьёй никак не связанных. Мы ни сном ни духом не ведали, что начальник Дальстроя генерал Никишов привёз с трассы любовницу, ставшую позже его второй женой.

Звали подругу генерала Александра Романовна Гридасова. С неоконченным средним образованием, по комсомольскому призыву, приехала она покорять Колыму. Попала на Оротуканский завод, там её и углядел владыка Колымы. Первые должности Гридасовой после переезда в Магадан — начальник женского ОЛПа, начальник культурно-воспитательной части Маглага, потом

замначальника Маглага и, наконец, с 22 июня 1943 года начальник Маглага.

Её облегающую грудь гимнастёрку украсили лейтенантские погоны НКВД. Формально Александра Романовна подчинялась начальнику УСВИТЛа полковнику Драбкину Эвелю Иделевичу, прозванному за свой характер Идоловичем, но практически была предоставлена самой себе. Даже начальство чинами повыше боялось её, заискивало перед ней, а кое-кто умело использовал её могущество для решения личных проблем и сведения счётов с неудобными. По характеру она была доброй, но сумбурной: легко откликнулась на чужую беду, но могла беспричинно выругать человека и даже заслать его

на лесоповал. Власть её действительно была велика, и про них с Никишовым ходила по Колыме поговорка: «Чего не сделает генерал-лейтенант, то сделает лейтенант».

В искусстве Александра Романовна разбиралась плохо. В записке, адресованной режиссёру культбригады Варпаховскому, она просила включить в программу концерта «куплеты До-ре-адора». Но как бы ни относиться к ней, как бы ни ругать за какие-то нелепые поступки, низкий культурный уровень и временами «аморальное» поведение, надо отдать ей должное: это Гридасова помогла спасти от небытия многие неординарные натуры. Ну захотелось ей опекать театр и сделать из этого очага культуры на краю земли

эдакий райский уголок для душевного отдохновения. Почему бы и нет, если каждый этап, приходивший на Колыму, доставлял сюда целые созвездия талантов: артистов, музыкантов, художников, певцов... И ничего не нужно просить у Москвы, никого не надо уговаривать – бери не хочу. Другой на месте Гридасовой – равнодушный к искусству чиновник в гимнастёрке и галифе – махнул бы рукой: а чем, собственно, одни лучше других, пусть все пропадают пропадом. Ценность человеческой жизни одинакова для всех. Гридасова пусть не из высоких альтруистических соображений и не ради самих отмеченных Божьей искрой избранников, а исключительно по собственной прихоти и для удовольствия колымской элиты старалась в меру сил использовать этих людей по прямому назначению, то есть дать им возможность заниматься своим любимым делом.

Она постоянно интересовалась этапным контингентом, лично просматривала формуляры прибывающих, старалась не пропускать смотры лагерной самодеятельности, отряжала гонцов на трассу или сама выезжала на прииски – словом, делала всё, чтобы выявить среди «лагерной пыли» талантливого человека. По разным причинам кто-то мог пройти и мимо её внимания, остаться незамеченным. Но многие из тех творческих работников, что попали на Колыму и чьи имена сегодня хорошо известны, благодаря Гридасовой сконцентрировались под сводами магаданского храма искусств – муздратра имени М. Горького: певец В. Козин, режиссёр Л. Варпаховский, актёры Ю. Кольцов-Розенштраух, А. Демич, Г. Жжёнов, В. Шульгин, художники В. Шухаев, И. Шерман, И. Махлис, Л. Вегенер, драматурги А. Школьник и Е. Добровольский, музыканты А. Шварцбург, Э. Рознер, П. Ладирдо, А. Дзыгар. Помогала она и многим другим, поэтому рассказ Шаламова «Иван Фёдорович», где в язвительном тоне рассказывается о Никишове и Гридасовой, кажется мне насквозь фальшивым. Некоторые из бывших репрессированных, которые и в

глаза не видели Александру Романовну, в своих воспоминаниях или рассказах поносят её почём зря, забывая напрочь о том, что не она измывалась над ними на допросах ещё на материке, не она «посадила» их и доставила на Колыму. Забывают и о том, что заведовала она не школой-интернатом, а целой системой магаданских лагерей, с возложенными определёнными обязанностями, которые, кстати, она больше нарушала, чем надлежало исполнять.

Сама того не подозревая, Александра Романовна сыграла некоторую роль и в моей мальчишеской судьбе, так что «индекс моих посягательств» (Аксёнов) склонился в сторону творчества. Вот какой нюанс. Гридасова, приехав в Магадан, поселилась сначала в отдельном домике с белёными снаружи стенами и номерной маглаговской мебелью внутри по адресу: ул. Горького, б. А мы жили рядом, на той же улице, но в доме № 7. Смешно сказать: «в доме» Это был барак-скворечник с крошечными квартирками, без воды, отопления, и все удобства на дворе. Соседи быстро узнают всё друг о друге, и до Гридасовой дошёл слух, что моя мама делает красивые вышивки. И в один прекрасный день она сама соизволила посетить нас (мои родители были вольными людьми). Вышивки ей очень понравились, но ещё больше по-

А.Р. Гридасова

разили условия, в которых мы жили. Ведь в её «особняке», с виду неказистом, было шесть комнат, имелись холодная и горячая вода, туалет, ванная. По возрасту моя мама с Гридасовой были почти одногодки, поэтому если плотно и не подружались в силу различного общественного положения, то по соседски иногда общались. И мама всегда дарила ей вышивки. Даже я, десятилетний пацанёнок, пару раз был у Александры Романовны в качестве посыльного, и она угощала меня свежим молоком.

И вдруг Александра Романовна делает нам поистине царский подарок – переселяет нас в отдельный домик напротив, да ещё с сараем и огородом, и тоже под номером 7, но с литерой «а»

Изокружок в п/л «Северный Артек». На переднем плане - Боря Савченко, позади, на стене - его копия с автопортрета К. Брюллова

03 / 2017

или «б», не помню. Там раньше жила актриса из театра, её любимица, она освободилась и сразу же уехала с мужем на материк. В домике три комнаты: две смежных и третья с отдельным входом. Для нас – отца с матерью, меня, младшего брата (ожидалось ещё пополнение) – это был просто рай! Но радоваться нам пришлось недолго – пришла страшная беда. В бухте Нагаева взорвался пароход с аммоналом, и в порту в числе многих погиб наш папа.

Погоревали, погоревали, материальное положение резко ухудшилось. Мама ещё работать

В.О. Антощенко-Оленев

не могла, поэтому мы решили взять в отдельную комнату квартиранта. Хотя это запрещалось, но Гридасова, зная наше отчаянное положение, закрыла на всё глаза.

Комнату мы сдали одному художнику, недавно освободившемуся, наружностью похожему на Василия Ивановича Сурикова. Кстати, и квартиранта нашего звали Василием. Трудился он где-то оформителем, но много работы брал и на дом. То он для кинотеатра копировал маслом «Утро нашей родины», то для какой-то организации – «Переяславскую Радугу» с Богданом Хмельницким, то рисовал акварелью и тушью эскизы праздничных транспарантов, делал большие портретные копии с фотографий фронтовиков. Фотографии были чёрно-белые, а портреты выходили цветные,

цвет Василий придумывал сам. Кроме того он писал множество всяких вывесок и объявлений. В комнате запахло олифой, красками, скипидаром, клеем, и, когда он уехал, этот специфический запах ещё долго держался и напоминал мне о художнике. Иногда мне мерещится, что я до сих пор чувствую этот запах.

Он дал мне первые уроки рисования. Иногда открывал свой ящик с мятыми свинцовыми тубиками и объяснял, как называется та или иная краска. Их чудные названия звучали для меня, как волшебная музыка: красная венецианская, сиена жжёная, стронциановая жёлтая, китайская киноварь, индейская желчь, римская охра, зелёная Веронеза, ярь медянка, берлинская лазурь, марс коричневый, умбра натуральная, пурпур империаль, ламповая копоть... Я узнал, что для того чтобы получить натуральный гаранс или краплак, нужно сделать вытяжку из корня загадочного растения марены, а пурпур для красок в древности добывали из морских улиток. Каково было моё удивление, когда я впервые надавил на тубик с надписью «слоновая кость», ожидая увидеть белую или жёлтую краску, а получил, как смоль, чёрную. Какое отношение, ломал я голову, имеет чёрная краска к благородному цвету слоновой кости?

У Василия имелось штук десять-пятнадцать книг. Названия их не запомнились, да и с тех пор они нигде мне больше не попадались. Были там книги о Леонардо да Винчи с прекрасными иллюстрациями, схемами построения человеческого тела и «золотого сечения», о Дюрере, о «фаюмском портрете», о Рафаэле с «Афинской школой», которую спустя много лет я видел в подлиннике в Ватикане и вспоминал при этом Василия.

Но первой я прочитал толстую книгу, называвшуюся просто – «Рисунок». Уезжая, Василий подарил мне эту книгу на память. Она явилась для меня сущим кладом. Масса рисунков старых мастеров, знакомство с техникой рисунка, открытие перспективы. Увидев под одним

рисунком надпись «уголь», я сбегал к ближайшей котельной, взял несколько кусков угля и попытался рисовать. У меня ничего не вышло. Потом я понял, что нужен другой уголь, древесный, а не каменный.

Натура – бог живописи. Ну, а я для начала как-нибудь уж карандашиком. По понедельникам магаданский парк закрыт, безлюден, и в один из таких дней я, захватив альбом и раскладной стульчик, попробовал реализовать своё желание. Выбрал женскую фигуру, что-то из мифологии (такие гипсовые изваяния украшали площадь перед танцплощадкой). Это была моя первая обнажённая натура, к сожалению, неживая. Выбрал ракурс, поставил у дерева (чтобы любопытные через плечо не заглядывали) стульчик и заскользил по ватману карандашом фабрики имени Сакко и Ванцетти (не понимаю толком, какое отношение к искусству имели эти работы). Я дышал запахом травы с прячущимися в ней шоколадными колокольчиками, ромашками и какими-то голубыми цветочками, вдохновения было хоть отбавляй, а рисунок получился грязным, да ещё с нарушением пропорций. Ходил к «моей женщине» ещё раз, пробовал писать акварелью. Кисть была белычья, оставляла ненужные следы, надо бы колонковую, а где взять? Василий, помнится, однажды шокировал меня: «Знаешь, Боря, лучшие акварельные кисти делаются из крысиных усов, вот так...»

Со своим приятелем я записался в «изокружок» при Доме пионеров, в конце концов поругался с руководителем, кажется, из-за методы его преподавания, и Василий отвёл меня во «взрослую» студию. Она находилась в двухэтажном п-образном деревянном доме на Пролетарской, напротив помпезного здания «Дальстроя». Второй этаж занимал горком партии с красной ковровой дорожкой в длинном коридоре, а на первом этаже ютились какие-то мелкие конторы: кинопрокат, редакции, ещё что-то. Один небольшой зал в правом крыле отдали художникам. Студией (громко сказано: при Доме

народного творчества) руководил Валентин Осипович Антощенко-Оленев, репрессированный художник, отбывший срок. О нём расскажу подробнее.

На занятиях Валентин Осипович почти всегда молчал, его объяснения сводились к тому, что изредка он подходил к кому-нибудь из молодых (чаще других под «разнос» попадал я), и, постояв немного за спиной студийца, сам садился за его мольберт «править». Помню, мы рисовали большое гипсовое ухо. Мягкий прямой свет, всё в нежнейших полутонах, ничего контрастного. Валентин Осипович уселся грузно на моё место. «Ну что вы пишете, дорогой вьюноша?» – риторически вопрошал он и начинал размахисто поправлять не нравящееся ему место, при этом так портил работу своей пачкотнёй, что потом хоть заново начинай. Мужики только тихо посмеивались.

Однажды я чуть припоздал. Мой приятель толчётся у входа в зал. «Чего не заходишь?» – спрашиваю. «А ты погляди». Как ни в чём ни бывало толкаю дверь. В небольшом зале тишина, только старшие братья-студийцы шуршат карандашами и ластиками. А на «подиуме» позирует вполоборота сидящая обнажённая женщина, чуть прикрывшая укромные части тела полупрозрачным шифоном. Самое забавное, что это была методист Дома народного творчества Лариса Тимашова, молодая дама, которую я часто видел на разных выставках. Походит на вернисаже, посмотрит, потом на страницах «Магаданской правды» учит художников уму-разуму, и от её критики зависело, купит управленческие культуры ту или иную картину или нет. Позже Лариса Ефремовна возглавляла даже в течение десяти лет Магаданское отделение Союза художников. Как Антощенко смог уговорить строгую критикессу позировать в таком виде нашим мужикам – осталось загадкой. А меня тогда мэтр тоже выпроводил – как говорится, «детям до шестнадцати смотреть воспрещается».

Свои картины и этюды Антощенко в тот период писал в не-

мыслимых лиловых тонах, точь-в-точь как Репин на склоне лет. Я даже тогда думал, что лиловый цвет – признак старческой немощи, появляющийся у художников в определённом возрасте. Хотя в какой-то физической слабости Валентина Осиповича упрекнуть никто не мог. Это был здоровый, крепкий мужик пятидесяти с небольшим лет, похожий чем-то, если б не его знаменитая тубетейка, на Котовского. Не зря же в молодости он служил телохранителем (!) у Марка Шагала. Очевидцы свидетельствовали, что, когда Шагал, назначенный Луначарским уполномоченным по делам искусства в Витебске, важно вышагивал по городу со своим портфелем, за ним следовал атлетически сложенный молодой человек в бушлате, перепоясанном пулемётной лентой и с пистолетом у пояса. Это был Антощенко-Оленев.

Не знаю, чем я приглянулся мастеру, но однажды, несмотря на свой отроческий возраст, сподобился чести быть приглашённым к нему домой. Он жил тогда на улице Сталина, дом 16, квартира 3 – это был один из первых каменных домов в Магадане, рядом с Первой школой. В квартире Валентина Осиповича на видном месте висела отлично выполненная копия «Неизвестной» Крамского. Но рядом с незнакомкой, на пустующем в оригинале месте в коляске, он изобразил себя, в неизменной своей тубетейке, обнимающим таинственную красавицу.

Этим приёмом, когда художник на картине изображает себя хоть со Сталиным, хоть с «мадонной рафаэлевой», сейчас никого не удивишь. А в середине 50-х прошлого века подобное выглядело весьма необычно. Меня это поразило надолго, так что после выхода на экран картины «Собор Парижской

Автопортрет с Дж. Лоллобриджидой, акварель Б. Савченко.

Богоматери» с Джинной Лоллобриджидой, я решил нарисовать свой акварельный автопортрет с этой красавицей, что и сделал, правда, спустя много лет.

Ещё я видел у него дома большие листы белой плотной бумаги с едва заметным водяным клеймом на английском языке – «Whatman». Я благоговеино поглаживал эти прохладные, отливающие белоснежной чистотой листы и надеялся, что когда я стану настоящим художником, то непременно буду рисовать только на такой бумаге. Профессиональным художником я не стал, но понимая искусство живописи Валентин Осипович меня научил.

Несколько раз Антощенко брал меня с собой на этюды. «На пленэр», как он выражался. Мы писали и сонные кусты стланика, и чахлые берёзы на ветру – что-то в духе Бялыницкого-Бирули, и какие-то избы на окраине Магадана. У меня получалось по-школярски плохо, я нервничал, а Валентин Осипович доброжелательно поучал: «А вы знаете, вьюноша, что такое талант? Чистяков по этому поводу говаривал так: «Талант – это один процент

03 / 2017

гения и девяносто девять потения!» А вы хотите сразу, как Левитан. Так не бывает. Терпение, мой друг»

Один мой этюд ему понравился, и он даже взял его на городскую выставку. Этюд назывался «Осенний вечер»: на переднем плане пожухлое поле, вдали силуэт города с нависшей над ним нагаевской сопкой и бегущие по жёлтому вечернему небу фиолетовые облака. «По настроению неплохо, – прокомментировал Валентин Осипович, откинул назад голову и прищурил глаза, – почти импрессионизм». От него впервые я услышал и другие загадочные слова, которые раз и навсегда врезались мне память: «барбизонцы», «лессировка», «кватроченто», «бидермайер»...

Кстати, ещё один случай, когда я ощутил прямое влияние мастера. Дома у него я видел наброски и готовые портреты французских импрессионистов: Гогена, Матисса, Ван Гога... Мне в ту пору очень нравился Карл Брюллов, и я втихую дома взялся сделать акварельную копию с его знаменитого автопортрета. А тут Валентин Осипович, как нарочно, завёл в студии разговор, что надо бы к городской выставке народного творчества что-то подготовить и его питомцам. Я показал ему полуготовую копию брюлловского автопортрета, и мне показалось, он был чуть ошарашен. «Дерзайте, выюноша, дерзайте!» Словом, мой «Брюллов» демонстрировался на выставке, потом его в качестве «учебного пособия» забрали на лето в изокружок пионерлагеря «Северный Артек».

Современному любителю живописи имя Антощенко-Оленева мало что говорит, хотя его биографию в телеграфном ключе найти можно, частности, в Сети. Мне же в начале 90-х годов, когда ненадолго открылись всякие закрытые архивы, удалось подержать в руках «лагерное дело» Валентина Осиповича, и там было что добавить к уже известным фактам его жизни.

Антощенко-Оленев родился на Полтавщине в 1900 году. В автобиографии, имеющейся в

«лагерном деле», он писал: «Отец из крестьян – в 1905 году уехал в Петербург, на земляные работы. Я с 12 лет работал с отцом на кирпичном заводе, погонщиком на вагонетках, доставлявших глину на глиномялку.

В 1914–17 годах работал слесарем Сестрорецкого оружейного завода. В это же время занимался в школе Всероссийского Общества поощрения художников в мастерской Рериха.

В апреле 1917-го вступил в Красную Гвардию, подвергался за это репрессиям со стороны Керенского.

В 1918 году учился в Академии Художеств (по рассказам мастера, в это же время он брал уроки у Кустодиева. – Б.С.). Из-за голода уехал в Псковскую губернию на ст. Ново-Сокольники, где преподавал рисование. Вступил в партию ВКП(б).

Ушёл добровольцем в Красную Армию... Участвовал в ликвидации банды Махно, а в Белоруссии – банды Балах-Балахновича.

В 1921 году подал заявление о выходе из партии за несогласие с новой экономической политикой...»

Я думаю, эта формулировка – «исключить из членов ВКП(б)» – надолго испортила биографию Антощенко-Оленева. Хотя и не сразу.

Старые охотники

Семён Дежнев

Чужие люди

В 1924 году он демобилизовался и по конкурсу поступил учиться во ВХУТЕСАС в Москве. И опять не закончил художественного образования, бросил (или заставили бросить) институт и уехал в Казахстан. Видимо чёрная метка в анкете делала своё дело. На новом месте художник сотрудничает с издательствами и газетами, а в апреле 1938 года Антощенко-Оленев был арестован и осуждён по ст. 58 УК РСФСР «за принадлежность к право-троцкистскому блоку» В доносе указывалось, что он сознательно

Разделка моржа

В поход на бочкарёвцев

Замечу, что перевод в театр – последнее доброе дело, которое Гридасова смогла сделать для Валентина Осиповича (и не только для него одного). Потому что в конце того же года генерал Никишов бросил свою «лебединую песню», как называл он Гридасову, и вернулся в Москву к своей прежней семье. Александру Романовну моментально сняли с высокой должности, а начальником Маглага назначили некоего Кузьмина. Гридасова же стала директором столовой № 14 (кстати, туда она взяла официанткой и мою маму). Недоброжелатели Гридасовой и там не давали ей покоя, советуя «похорошему» убраться из Магадана, что она и сделала в 1951 году.

Биографию художник написал, очевидно, в 1953 году. Но до этого у руководства Магаданского УМГБ случился очередной «бзик», и следователь Ворошин опять «нашёл», что «Антощенко-Оленев В.О. подозревается в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-8, и 58-11 УК РСФСР. Принимая во внимание, что Антощенко-Оленев, на-

ходясь на свободе, может уклониться от следствия и суда, постановил: мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении Антощенко-Оленева В.О. избрать содержание под стражей, о чём в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении»

Однако «сидеть» в этот раз художнику пришлось недолго, и после смерти Сталина он был освобождён, но взят «под гласный надзор» (с регистрацией в УМГБ 1-го и 15-го числа каждого месяца).

Интересно, что во время всех этих пертурбаций Антощенко-Оленев продолжал работать в театре, то в качестве зэка, то спецпоселенца, то опять зэка,

то наконец вольного художника. Я помню, ещё долго висела в фойе театра его большая картина «Утро в колымской тайге» (чуть ли не аналог Шишкина). Именно в 1953–55 годах и существовала его студия при Доме народного творчества.

Ещё в Казахстане Валентин Осипович пробовал работать в различных видах изобразительного искусства, он признавался, что «любил фантазировать, делать различные эксперименты», но в конце концов выбрал линогравюру: «Я понял и осмыслил этот простейший и вместе с тем богатейший материал. Линия может делать чудеса, ею можно передать сокровенные чувства и мысли – от самых тонких лирических до остро драматических. Она поистине неисчерпаема».

За время пребывания в Магадане Валентин Осипович выполнил серию линогравюр на чукотские темы. Эти произведения демонстрировались на областных выставках изобразительного и прикладного искусства в 1956–57 годах. Но с тех пор и репродукций с них я нигде не видел. Даже в роскошных магаданских альбомах «Прекрасного след» (2002 г.) и «Живописный Магадан» (2014 г.) линогравюрам мастера места почему-то не нашлось. Частично восполняю этот пробел, представляя пять «чукотских» работ Антощенко-Оленева.

В 1957 году художник покинул Магадан и вернулся в Казахстан, где его ждали новые художественные свершения и общественное признание. Достаточно сказать, что его работы экспонировались на пятидесяти выставках, и география их обширна: Москва, Алма-Ата, Баку, Монреаль, Париж, Милан, Кёльн, США, Япония, Индия, Цейлон, Англия и т.д.

Он говорил: «В Китае я услышал поговорку: «Не забывай старого, создавай новое» Это и стало моим девизом».

С его отъездом сошло на нет и моё увлечение живописью. Пришла юность, а вместе с нею возникли и другие интересы.

Линогравюры Антощенко-Оленева – работы середины 1950-х гг.

окарикатуривал в своих рисунках для газеты «Турксиб» образы вождей и достижения Советской власти.

Читаем «лагерное дело»: «[На Колыму] прибыл 22 июля 1939 года. С августа-месяца работал в клубе (пос. Спорный Заплага. – Б.С.) художником.

В 1946 году по спецнаряду (читай: по вызову А.Р. Гридасовой. – Б.С.) был вызван в Магадан для выполнения очень срочной работы по изданию альбома о послевоенной пятилетке, которую сдал раньше срока. После чего меня оставили работать в издательстве «Советская Колыма». В 1948 году по собственному желанию перевели работать в Дом культуры им. Горького, где и работаю до сих пор...»

Андрей ШАПРАН

«Танкай Владимир, Етылян Сергей, Света Нутескина, Маралькот Коля и Тентынкев Виктор и Етылян Анатолий утонули в тот день. Было наводнение, и речка поднялась. Пастухи подъехали с табуна к речке поздно и решили переплыть, ни лодки надувной, ни спасательных жилетов у них не было... Выплыли только те, кто мог хоть немного плавать, — Кияв Вова и Юттын Серёжа... И речка была такой большой, что искали тела долго».

(Из письма Александра Сафонова, отправленного с северного камчатского посёлка Ачай-Ваям)

Памяти этих ушедших людей посвящается

Две недели они стояли в горах, несколько выше места нашей стоянки. Почти каждый день спускались к Апуке с желанием увидеть вездеход. Но вездехода не было. Из продуктов у пастухов давно остались только крупа и сахар. Не было муки, чая, варили ягоды, когда пошёл снег — собирали торчащие метёлки иван-чая.

На вездеходе к табуна нам не подняться — узкое место, почти горловина, в том месте, где река, берущая начало в Жирном каньоне (местное название долины в горах), делает поворот. Камни и множественное количество бродов. Наши разведчики ушли на поиски табуна и, спустя несколько часов, встретили двоих пастухов с лошадьми. Олени и стоянка оленеводов остались наверху, в горах.

Выходим на следующее утро. Навьючиваем мешками с продуктами и тёплой одеждой лошадей — чукчи из посёлка будут менять пастухов из табуна — и мы выдвигаемся в сторону перевала. Здесь почти однообразный рельеф, тропа с одного берега реки перескакивает на другой, теряется в высоких кустах. Пастухи, сдерживаемые лошадьми, идут, вытянувшись в цепочку.

Холодно. На обледенелых камнях скользят ноги и конские копыта, болотники (болотные высокие сапоги) — сухие и неповреждённые, отданные мне Володей Киявом, хоть и на размер меньше, но спасают в высокой воде.

Впереди виден перевал, покрытый белоснежным снегом, и где-то там, в белых полях, пасут своих оленей оставшиеся пастухи. С началом зимы — под снег — оленей пасти гораздо легче — говорят оленеводы. Они не убегают из табуна за грибами, их не достаёт гнус, и они всё время копытят из-под снега ягель. На этом маршруте, по этим горам, табун не водили почти два десятка лет. Ягель в Жирном каньоне действительно стал крупным, а незнание местности животными (в горах, так же как и люди, олени ориентируются по памяти — достаточно провести табун один раз по круговому маршруту — на этот круг уходит один год — и олени начинают ориентироваться, а значит и передвигаться быстрее, подгоняя тем самым пастухов), позволяет пастухам вести относительно спокойный образ жизни.

Но пастухи говорят, что несколько дней назад на перевале заметили двух одиноких волков. Чукчи говорят, что это были разведчики,

а значит, скоро появится и вся стая. От нападения хвостатых спасают только ружья и разведённый костёр. Днём хвостатые редко нападают на табуны. Ночью же попасть в зверя из карабина практически невозможно.

Засыпаем под снег, просыпаемся – по палатке снова барабанит снежная крупа. Чаюем и выходим из палатки навстречу табуну. Видимость слабая, а непогода только усиливается. Следы быстро пропадают под снежным покрывалом, места с разросшимся кустарником приходится обходить и снова топтать тропу на снежной целине. На весь подъём – не более получаса, но спина становится мокрой, и в любую остановку ровно через минуту начинаешь промерзать.

Оленей в табунах принято считать дважды в году – весной и поздней осенью. Впрочем, здесь, в первом табуне, уже начало зимы. Одновременно с просчётом оленеводы завозят в горы продукты на предстоящие месяцы автономной кочёвки людей и животных, меняют пастухов. В среднем люди работают безвыездно в табунах от двух месяцев до полугода. Любое возвращение в посёлок для них это всегда праздник, но возвращение в табун – праздник вдвойне. Сами оленеводы говорят, что тундра и олени – это их образ жизни. Сюда они стремятся, только здесь, они говорят, можно дышать и быть здоровыми. Чукчи так и говорят – тундра лечит. Танкай рассказывал мне – что кашель или голова болит – это для пастухов – не болезнь. Болезнь, когда ноги болят, и человек не может уже много ходить.

Спрашиваю, сколько времени занимает просчёт? Анатолий Етылян говорит, что обычно от нескольких часов, до двух дней. Всё зависит от оленей, пастухов и погоды. Сам сейчас всё увидишь!

Я действительно вижу всё сам. Пастухи, зааркавив в табуне старого оленя, уводят его в сторону от табуна и оставляют привязанного в качестве приманки. Сами выстраиваются в живую цепочку примерно посередине между ним и табуном. Между людьми есть место для прохода оленей – с одной и с другой стороны стоят люди, в обязанность которых входит просчёт пробежавших

животных. Основная задача состоит в том, чтобы табун небольшими партиями переместился с одного места в другое. Во время перемещения оленей и считают. Но это в теории. На практике неуравновешенный, но уже разбитый на две части табун начинает капризничать. Основная масса табуна всегда притягивает отбившуюся, малую. Олени, оторвавшиеся от табуна и прошедшие между людьми в сторону одинокого оленя, вновь и вновь пытаются вернуться на прежнее пастбище. Срываются с места олени, срываются и пастухи – бегут навстречу животным, машут руками, кричат, пытаясь остановить беглецов. Получается. Но получается не всегда. Олени возвращаются и из списка счётчики вычёркивают какое-то количество. В принципе можно ошибаться. Людей с ручками в руках и с чистым листом бумаги – несколько. Данные подсчёта они сверять будут в конце, и погрешность в несколько голов здесь в принципе допустима.

Если закрыть глаза и просто слушать, такое ощущение, что находишься на абсолютно другой планете. Открываешь глаза – и ты всё ещё здесь, в тундре... За века, прошедшие на этой земле, в тундре, в горах, не изменилось ровным счётом ничего. Всё так же кочуют олени, всё так же вслед за ними идут люди.

Анатолий Етылян – «здесь ты гость! И каждый в тундре за тебя отвечает, пока ты здесь живёшь. Это закон» (он называет это законом тундры).

Ачканьял – Жирный каньон. Спросил откуда такое название? Из-за ягеля, в обилии растущего в горах? Ответили – нет. Назвали ещё предки современных кочевников – из-за обилия жирных горных баранов. Когда ложится снег – они спускаются вниз, и тогда охотиться становится намного легче.

8 октября. Мы всё-таки остались.

9 октября. Ушли...

Встали в шесть утра, почаявали, собрались и вышли. Морозно. До восхода солнца ещё больше часа. Через полчаса на тропе – оглянулся – там, где стояла палатка, скрытая от глаз нарубленным кедрачом, виднелось облако сизого дыма – пастухи разожгли огонь, готовили еду. Над вершинами гор нависли снежные низкие облака, снегом затянуло и перевалы...

Шаг-другой – всё дальше мы уходим по Жирному каньону в направлении заброшенного лагеря золотодобытчиков, туда, где остался наш вездеход... Смёрзшийся мох легко пружинит под ногами, в этих условиях передвигаться проще, утренний мороз только подгоняет... Встаёт солнце и вот уже вдоль тропы на высоких стеблях пожухлой травы появляются первые росинки растаявшего льда.

Через полчаса мы выезжаем из лагеря в поисках теперь уже нагульного табуна. Где он находится, оленеводы знают весьма приблизительно. Все сроки заброски продуктов давно миновали, табуны кочуют постоянно, свои поправки в движение оленей вносит не только голод (как для оленей, так и для людей), но и погода.

Ночью звёздное небо буквально на глазах затягивает облаками. Анатолий говорит – накрыло

одеялом. Он говорит – небо жалеет. Спрашиваю – кого? Отвечает – дежурных пастухов. Под облаками, объясняет он мне – не так холодно в тундре.

На дверях культбазы – письмо, написанное углём специально для нас. Олени и люди уже прошли, указано направление движения. Случилось это не так давно. Но мы на несколько дней опоздали. Табун нам теперь только догонять.

Табун подошёл накануне. Весь день пастухи сгоняют отставшие косяки к месту стоянки. Основная часть оленей ушла далеко вперёд.

Перед палаткой на разложенных ветвях ольховника лежат куски нарубленного мяса (местный холодильник), в котле на огне варится оленина.

Мы разгружаем вездеход, ставим и укрепляем палатки, несколько человек уходит на поиски оленей – в горы, вездеход отправляется на сопку за сухим кедром для костра. Стоять на этом месте нам ровно двое суток, количество людей – вновь прибывших и старожилов таково, что еды готовить придётся много. А значит, потребуется и большое количество дров. У девушки-чукчанки со странным для этих мест именем Дина и приятным восточным лицом, стеснительной улыбкой, спрашиваю – не тяжело будет готовить пищу для такого количества людей? Отвечает – тяжело, но гости в табуне бывают очень редко и поэтому можно не беспокоиться.

Воск со свечи застыл на пальцах руки...Свечи стоят в одной и в другой палатках. Ночи в горах уже длинные и дополнительный свет становится необходимостью.

С утра в табуне снова пересчёт оленей – но он происходит необыкновенно быстро. Табун, окружённый с двух сторон пастухами и рекой, перемещается с одного пастбища на другое. Общее количество – около 2300 голов. Это самый большой табун в Ачай-Ваяме. Бригадир табуна – Володя Танкай – говорит, что это нормальное количество. Табун в этом году дошёл практически без потерь.

Танкай

Танкай – значит красивый человек, его чукотское имя – Райтыгыргын – оно означает домашний человек. Отца Танкай называли – маленький человек, хотя рост у него был под 1.90. Танкай объяснил, что у чукчей принято – могут в шутку называть маленького человека большим, человека, который дурно пахнет – вонючим, и это имя за ним останется на всю жизнь. Я знаю чукчу по имени Ковчекн, но местные жители его иначе как Ковшик не называют. Я спросил, почему его так зовут? Он ответил, что однажды один человек не услышал настоящего его имя, и обратился к нему – Ковшик. В посёлке стали называть только так.

Спросил – детям сегодня чукотские имена дают или нет? Танкай ответил – обязательно.

Танкай говорит, что покинутая долина – одно из самых снежных мест на севере Камчатки. Он её сравнивает с полюсом холода с той лишь разницей, что если на полюсе зарегистрирована самая низкая температура на земле, то здесь, говорит Танкай, выпадает самое большое количество

снега за зиму. Табун, объясняет он, отсюда обязательно надо выводить до ноября, потому что, когда пойдёт снег – отсюда выбраться не смогут ни олени, ни люди.

Спрашиваю – такое случалось?

Танкай говорит – что однажды пастухи совершили ошибку – завели табун снизу, долго водили оленей по горам и, в конце концов, большую часть оленей потеряли из-за снега.

Но кроме того, объясняет оленевод, существует опасность попасть в гололёд, тогда животные не могут копытить ягель и тоже погибают от голода.

Такая история произошла в 1997 году, – говорит Танкай, – когда в декабре в горах пошёл дождь и все горы превратились в сплошной каток. Он говорит, что на Чукотке в тот год потеряли 150 тысяч оленей, у них в районе – половину всего табуна.

Танкаю – 47 лет. Он говорит, что родители его чукчи – пришли на север Камчатки с Чукотки вместе с оленями. Он среднего роста, сухощав и поджар. Говорит, что его нормальный вес – под 70 килограммов, но сейчас он весит не больше 60 – пришлось голодать и много бегать за оленями. Он говорит, что в этом году каждому в его табуне пришлось работать за троих.

Спрашиваю Танкаю – сколько километров он проходит в день за оленями? Он говорит, что не меньше 50 (это с учётом полного отсутствия дорог, по тундре и по горам, минуя перевалы).

Спрашиваю – сколько за год? Танкай смеётся – наверное, весь земной шар огибаем.

Танкай носит очки – говорит, что в детстве много читал – всю ачай-ваямскую библиотеку перечитал. Но в табун он пришёл только в 21 год. До этого, признаётся Танкай, он даже не знал, что такое олени. Он говорит, что сегодня работать приходится столько же, сколько и в прежние времена, и ответственность ничуть не меньше. Но раньше, говорит Танкай, за такую работу награждали орденами и вручали премии. Теперь? Танкай говорит, что в совхозе последний раз зарплату они получали в феврале, как будут жить дальше – никому в посёлке не известно.

* * *

Танкай рассказывал – я не боюсь ничего. Но когда у волков начинается гон, волосы дыбом встают. Однажды две стаи волков стояли рядом с табуном. Табун лежал всю ночь – семь часов, и ни один олень за это время не встал. Но во время гона, говорит Танкай, волки на табун не нападают. Только воют.

Он говорит, что хвостатые могут гипнотизировать человека. Дважды он попал в такие ситуации – сидел у костра, а глаза сами собой закрывались. Проснулся оттого, что его топчет собственный табун – олени в случае нападения волков, в первую очередь бегут-прячутся за человека. Танкай вскочил, закричал и замахал руками, но беда уже случилась – хвостатые отбили косяк и убили оленя... Но я всегда говорю, значит так надо было, – объясняет Танкай.

Танкай про медведей – живём в мире, поскольку и нам, людям, и им приходится жить в тундре вместе. Это закон. Но если медведь убивает наше-

го оленя, мы стараемся найти этого медведя и убить, поскольку медведь однажды этот закон уже нарушил.

Ночь... На культбазе на деревянных нарах спит пожилая чукчанка, её пятилетний внук, средних лет чукча и я. Одни полати. В домике ещё два таких же места, занятые пастухами.

Чукчанка просыпается, садится на свой кукуль, достаёт сигарету, закуривает. Красный огонёк мерцает в ночи. Расстёгиваю спальный мешок, выхожу на свежий воздух.

О мухоморах

Анатолий Етылян – «А я сегодня ночью спор выиграл! Вопрос – у кого, Анатолий? Ответил – всю ночь спорил с ведущим телевизионного кулинарного шоу, как его?.. он мне, гад, всю ночь на мозги давил, но всё равно я у него выиграл!»... У Анатолия сегодня хорошее настроение. Он встал в шесть утра, растопил в нашей палатке печь, согрел чай, опрокинул на свой меховой кукуль заварник с чаем, сварил рис, и теперь сидел и перебирал у зажженной свечи сушеные мухоморы.

«Анатолий, от мухоморов зависимость может появиться?» – спрашиваю его. Отвечает – «может. У меня уже появилась». «Человек из телевизора – это тоже следствие зависимости?» Вопрос повисает в воздухе.

Танкай говорит, что мухоморы хитрые и с людьми вытворяют разные штуки. И не такие... Я соглашаюсь, но пробовать мухоморы отказываюсь.

Танкай – «удивляюсь я тебе! – впервые вижу путешественника, который отказывается от мухоморов. Иностранцы, которые бывают у нас – всегда пробуют. Полтора мухоморчика можно съесть»...

«Сейчас не буду, Володя, – говорю я Танкаю, – потом вечером свою камеру в тундре я уже не найду!» Танкай отстаёт.

В тундре от передозировки мухоморами люди иногда погибают. У Ковшика брат умер. Но сегодня чукчи и эвены мухоморы считают меньшим злом, нежели водку. Танкай говорит, что его народ за всю историю не смогли завоевать ни американцы, ни русские. Завоевала их только водка.

20 октября. Стоим в табуне.

Танкай – «холодно на Камчатке. Очень холодно».

Утром пригнали оленей – в клубах тундровой пыли, в парах тёплого дыхания и восходящего солнечного света. Ещё до места стоянки раздался вой с одной стороны, тут же через минуту – подхватили на другой. Хвостатые заняли позиции с разных сторон прохода по тундре. Ночью они снова приходили в табун, но пастух Василий Айнагиги говорит, что сегодня всё обошлось.

* * *

Танкай раскачивался из стороны в сторону, стоя на коленях, обхватив голову руками, и пел одну и ту же песню.

Что он поёт? – Своё имя...

Скажи, что он поёт? Он поёт своё имя...

Пастухи, сидящие по кругу в палатке, как будто замерли или онемели. Танкай останавливался, будто прислушивался к кому-то или чему-то, и снова пел. Он сидел в центре палатки, раскачивался из стороны в сторону, крепко сжав ладонями свою голову, весь напрягался и пел...

Временами песня его прерывалась, он говорил что-то по-чукотски, потом подносил руки со сложенными ладонями к лицу, поворачивался лицом к печи и, закачавшись из стороны в сторону, снова пел свою песню, своё имя.

Танкай резко встаёт, проходит по кругу, обращаясь к каждому из сидящих, кроме меня, по-чукотски. Меня он пропускает, будто не замечает. Возвращается на середину круга, садится на колени и снова поёт, прерывая свою песню чукотским многословьем. Кажется, и поток слов и сама песня не кончатся никогда. Никто не решается остановить Танкаю, но и каждый, к кому он обращается, отвечает на его вопросы.

– Теперь ты знаешь моё чукотское имя, Андрей, – в его голосе слышится как будто сожаление. Но русские слова сменяются чукотскими, запомнить их невозможно, спрашивать у сидящих около меня пастухов вроде бы бессмысленно – Танкай говорит быстро, словно кто-то заставляет его произносить слова, снова становится на колени, начинает раскачиваться из стороны в сторону, крепко сжав ладонями свою голову, весь напрягается и снова поёт...

– Я всех вас вижу, но выйти из этого состояния я не могу, – Танкай обращается ко всем

присутствующим. – Теперь ты видишь, Андрей, – его слова относятся только ко мне, но он даже не поворачивается лицом в мою сторону, – какие они мухоморы, что они способны вытворять.

Танкай покидает нашу палатку, но напряжение в воздухе остаётся...

Проходит несколько минут. Дёргается брезентовый полог, и его невысокая фигура вновь вырастает в центре нашего полукруга.

– Мне нужно только одно слово, чтобы выйти из этого состояния – обращается он ко всем сидящим при свете единственной свечи. Казалось, что он временами приходит в себя, а потом снова покидает этот мир. В эти минуты он снова опускается на колени, и вновь и вновь поёт свою бесконечную чукотскую песню...

– Я всех вас вижу, – продолжает он, обращаясь ко всем сидящим в палатке пастухам – и всё понимаю! Но выйти из этого состояния не могу. – При этом он сжимает руки в кулаки, прячет их в карманах своей куртки и делает шаг по направлению к выходу из палатки

Потом он признаётся, что видел этой ночью только одно лицо – пастуха по имени Ергун. Всё остальное происходило в полной темноте. «Я слишком далеко ушёл от вас на этот раз, – говорит Танкай, – если бы не Ергун, я вряд ли бы сегодня вернулся назад».

– Теперь ты видел всё, – сказал мне Танкай перед отъездом. – Можешь уезжать.

Я согласно киваю в ответ.

КАМЧАТКА – МАТЕРИК

30

Никита КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

В А Б Ы Т Ы Й

Р У С С К И Й

А Д М И Р А Л

Н.Н. Коломейцев

28 июля 2017 года исполняется 150 лет со дня рождения Николая Николаевича Коломейцева (1867–1944). В историю арктических исследований он навсегда вошёл, как первый командир яхты «Заря» – судна Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля 1900–1902 гг. Имя Н.Н. Коломейцева неоднократно отмечено на карте Арктики. Но большинству читателей, даже интересующихся историей полярных путешествий, биография этого незаурядного человека практически неизвестна. Помимо участия в знаменитом плавании на «Заре», в жизни Коломейцева было многое – дальние походы, три войны, служба на крейсере «Варяг», командование ледоколом «Ермак», родство с писателем В.В. Набоковым, жизнь в эмиграции и трагическая смерть на склоне лет вдали от Родины. Опираясь на архивные документы, хочется рассказать читателям о биографии этого выдающегося моряка и исследователя.

Николай Николаевич Коломейцев¹ родился 16 июля 1867 года² в деревне Покровка Нечаевской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии в семье потомственных дворян – отставного поручика Николая Васильевича Коломейцева и его супруги – Надежды Васильевны (урождённой Келеповской). Н.В. Коломейцев (1834–1901) происходил из дворян города Одессы. Он окончил гимназию при Ришельевском лицее и с 1854 по 1859 гг. служил в кавалерии. 23 декабря 1859 года он был уволен в отставку поручиком из Лейб-Кирасирского Псковского Его Величества полка и в дальнейшем жил в своём имении, где и появился на свет его сын. О матери Н.Н. Коломейцева известно лишь то, что она была дочерью подполковника. Выбор военной карьеры стал вполне логичным решением для вы-

ходца из дворянской и военной семьи, но что подтолкнуло Николая Коломейцева к поступлению именно в Морское училище (так в 1867–1891 гг. именовался Морской кадетский корпус – одно из старейших учебных заведений России, готовивших кадры для строевого состава Российского Императорского флота) точно неизвестно. Окончил он его вполне успешно – в списке из 70 гардемарин, произведённых в мичманы 29 сентября 1887 г., он значится 27-м (фамилии выпускников располагались в порядке их успехов в учёбе и поведении). С октября того же года началась его служба в 4-м флотском экипаже на Балтике.

Уже в начале флотской карьеры выявилась определённая склонность Н.Н. Коломейцева к научной деятельности. Весной 1888 г. он был «назначен для занятий штурманским делом» в Кронштадтскую астрономическую обсерваторию, в которой занимался до апреля следующего года. Через год Николай Николаевич впервые тесно соприкоснулся с Севером. С 1 июня 1890 г. по 12 октября 1891 г. он, будучи прикомандирован к Главному гидрографическому управлению, служил производителем гидрографических работ в отдельной съёмке (современный аналог – гидрографический отряд) Белого моря, организованной в 1884 г. Потребность в этих работах была весьма высока, в силу того, что после завершения в 1832 г. работ экспедиции М.Ф. Рейнеке (главным результатом которой стала неоднократно переизданная лоция Белого моря) новых исследований не проводилось. В связи с развитием судоходства морякам нужны были новые, уточнённые карты и лоции. В 1890-х гг. работы велись в основном в Онежском заливе. В состав съёмки входили 7 – 10 производителей работ. Главной проблемой гидрографов было отсутствие до 1896 г. собственных судов. Их приходилось привлекать из состава военно-морского флота (постоянного присутствия которого в тот

¹ Существует два варианта написания фамилии: Коломейцев (в большинстве официальных документов) и Коломейцов (так подписывался сам Николай Николаевич). В данной статье приводится официальный вариант написания фамилии.

² Все даты приводятся по Юлианскому («старому») стилю.

Пароход «Лейтенант Овцын»

период в регионе почти не было). Во время своей службы на Белом море Коломейцев впервые самостоятельно командовал небольшим судном – баркасом «Кузнечиха». Результаты работ Отдельной съёмки Белого моря оказались весьма скромными (были составлены лишь три путевые карты и несколько планов бухт, рейдов и островов), но недолгая служба в её составе, по всей видимости, зародила у Коломейцева любовь к Северу.

Вернувшись в Петербург, Н.Н. Коломейцев решает продолжить своё военно-морское образование. 1 сентября 1891 г. он поступил в Минный офицерский класс – один из краткосрочных «курсов повышения квалификации» для офицеров, прослуживших не менее двух лет, основанный в 1874 г. в Кронштадте. Через год, после его успешного окончания, мичман Коломейцев был «зачислен минным офицером 2-го разряда» и в течение почти всего следующего года его служба проходила в этой должности на броненосце береговой обороны «Адмирал Спиридов», миноносце «Кроншлот».

Но спокойные плавания по Финскому заливу не прельщали молодого моряка, и при первой же возможности он вновь отправился на Север. На сей раз в более серьёзную экспедицию. В послужном списке Коломейцева отмечено: «14 июня 1893 г. назначен на суда, отправляющиеся из Англии в устье Енисея. 3 июля 1893 г. отправлен для плавания на пароходе «Овцын». В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали. Правительство было заинтересовано в максимально быстром осуществлении этого стратегически важного проекта. Одной из важных проблем была организация доставки строительных материалов из Европы в Сибирь. С этой целью при участии Морского министерства организовали экспедицию, которую возглавил лейтенант Л.Ф. Добротворский. Перевозку

грузов на морских судах (пароходах «Орестес», «Минусинск» и паровой яхте «Бланкатора») до устья Енисея взяла на себя английская торгово-транспортная фирма. Эту часть экспедиции возглавил капитан И. Виггинс. Рельсы и строительные материалы, доставленные к устью Енисея, нужно было отправить по реке до Красноярска. Подходящих для этих целей судов в наличии не было и их пришлось заказать в Англии. В июне 1893 г. со стапелей английской фирмы «Денни» сошли пароходы – «Лейтенант Овцын» (винтовой), «Лейтенант Малыгин» (колёсный) и стальная баржа «Лейтенант Скуратов». Несмотря на то, что, по отзывам принимавших их русских моряков, суда были построены очень плохо, они не только выполнили возложенную на экспедицию задачу, но и прослужили весьма долго. «Лейтенант Овцын» был списан в 1924 г., а «Малыгин» «дожил» аж до 1957 г. «Лейтенантом Овцыным» командовал Добротворский, «Лейтенантом Малыгиным» – лейтенант Е.Л. Шведе, баржей – лейтенант П.К. Тундерман. Всего на трёх судах находились 6 офицеров и 43 матроса.

Изначально при подготовке похода не исключалась возможность зимовки, но, к счастью, её удалось избежать, чему способствовала благоприятная ледовая обстановка в Карском море. Суда вышли из Думбартона (вблизи Глазго) 6 июля 1893 г. Миновав норвежский порт Вардё, 14 августа они пришли к проливу Югорский Шар, куда вскоре подошли и пароходы под командованием И. Виггинса. Через три дня караван направился в Карское море и 22 августа пришёл в Гольчиху – село на берегу Енисея, пункт перевалки грузов с морских судов на речные. А вот этим возникли немалые сложности. Разгрузка проходила в штормовую погоду, никаких причалов и оборудования не было. По словам Добротворского, открытый рейд Гольчихи едва не сделался их могилой.

Офицеры «Зари»: А.В. Колчак, Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Матисен (слева направо)

Яхта «Заря» в Норвегии, 1899 г.

Три баржи, гружёные рельсами, переломились и затонули (они были подняты в следующем году), погибли 16 лодок. Повреждения получил пароход «Лейтенант Малыгин» и баржа «Лейтенант Скуратов». Пароход «Орестес» не успел разгрузиться полностью и ушёл обратно (часть рельсов с него выгрузили в Архангельске, откуда в следующем году их вновь отправили в Сибирь). В приказе начальника экспедиции отмечен ряд лиц, проявивших мужество и самоотверженность в борьбе за спасение баржи и рельсов. Среди них упомянут и мичман Коломейцев. По словам Добротворского, сознание и пренебрежение к опасности этих людей «равняется с лучшим военным подвигом». 8 сентября суда отправились вверх по Енисею и 5 октября пришли в Енисейск. Экспедиция завершилась.

Помимо главной задачи – доставки грузов, плавание имело государственное и научное значение. Суда шли под Андреевским флагом, что должно было напомнить западным державам об интересах Российской Империи на Севере. Проводились гидрографические работы – моряки исследовали пролив Малыгина, уточнили местоположение остров Белого и Диксона, мыса Марсала, в Обской губе был открыт остров, названный впоследствии в честь К.К. Неупокоева, глазомерная съёмка велась и при следовании по Енисею. Глобальным же результатом экспедиции Морское министерство признало подтверждение того факта, что морской путь в Енисей доступен в определённое время года. 13 декабря 1893 г. Н.Н. Коломейцев вернулся из Енисейской экспедиции и в тот же день он получил чин лейтенанта (с формулировкой «за отличие»).

Дальше вновь продолжилась служба на Балтике – на уже знакомом «Лейтенанте Ильине», затем – на миноносце «Сестрорецк», строящемся в Гавре на заводе А. Норманна (на нём Коломейцев пришёл в Кронштадт, исполняя обязанности штурманского офицера). В 1894 – 1895 гг. Коломейцев, в должности старшего штурмана и ротного командира, принял участие в дальнем походе минного крейсера «Гайдамак» с Балтики на Дальний Восток. Вместе с однотипным «Всадником» он вышел из Кронштадта 10 сентября 1894 г. Весной следующего года, после долгого и изнурительного перехода (из-за океанских штормов, к которым минные крейсера не были

приспособлены), корабли пришли в Японию, в портах которой в конце XIX – начале XX вв. в зимнее время базировалась значительная часть Сибирской флотилии. В 1895 – 1897 гг. Коломейцев вновь участвует в дальних плаваниях, уже на Дальнем Востоке, в должности минного офицера мореходной канонерской лодки «Отважный». В 1897 г. он выходит в запас для того, чтобы продолжить службу на пароходах Добровольного флота (одной из крупнейших судоходных компаний России, созданной в 1878 г. при активном государственном участии). Капитанами и штурманами на суда Добровольного флота чаще всего назначались офицеры флота, находившиеся в запасе. Следующие два года Николай Николаевич плавает на пароходах «Тамбов», «Москва» и «Екатеринослав», выполнявших рейсы из Одессы во Владивосток. 26 апреля 1899 г. Коломейцев вернулся на военный флот.

Сразу же после возвращения он встретился с бароном Толлем, активно занимавшимся подготовкой Русской полярной экспедиции и предложил ему свои услуги в качестве командира экспедиционного судна. Начальник экспедиции обещал подумать. А пока, 1 июня того же года, Николай Николаевич отправился в американский город Филадельфия, где по заказу России на верфи «Вильям Крамп и сыновья» строился крейсер «Варяг», чьё имя менее чем через пять лет, навсегда войдёт в историю Российского флота. В задачу Коломейцева входило сопровождение команды строящегося корабля. После прибытия в Соединённые Северо-Американские Штаты (так в тот период официально назывались нынешние США), он занял должность минного офицера «Варяга». Но уже 21 октября 1899 г. Коломейцев отправился в Норвегию в связи с назначением командиром яхты «Заря» Русской полярной экспедиции.

О Русской полярной экспедиции 1900 – 1902 гг. под руководством барона Э.В. Толля написано немало и подробно рассказывать о её ходе и результатах мы не будем. Остановимся подробнее на участии в ней Н.Н. Коломейцева. В задачи экспедиции входило исследование Новосибирских островов, проход (второй раз в истории мореплавания) Северным Морским путём и поиск легендарной «Земли Санникова». Плавание на «Заре» проходило с июня 1900 по октябрь 1902 гг. (с двумя зимовками – в на Таймыре и у берегов острова Котельный). Оно значительно обогатило науку: были исследованы полуостров Таймыр, Новосибирские острова, открыт ряд географических объектов, собраны богатые естественнонаучные и геологические коллекции. В начале июня 1902 года барон Э.В. Толль вместе с тремя спутниками отправился на остров Беннета с целью изучить его геологическое строение и уйти оттуда на юг. К оговорённому крайнему сроку они не вернулись, и «Заря» пришла в бухту Тикси без них. В 1902 – 1903 гг. для поисков начальника экспедиции и его спутников была предпринята героическая санно-шлюпочная экспедиция на остров Беннета под руководством лейтенанта А.В. Колчака. Но, покинувшие остров ещё

03 / 2017

в октябре 1902 г. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг и двое промышленников погибли во льдах.

Н.Н. Коломейцев пробыл в экспедиции с 21 октября 1899 г. по 29 октября 1901 г. В Норвегии он наблюдал переоборудование купленного для экспедиции тюленебойного барка «Harald Naarfoger», получившего название «Заря». На нём был поднят флаг Невского яхт-клуба, из-за чего в большинстве документов и исследований судно именуется яхтой. Экспедиция, проходившая под эгидой Императорской Академии Наук, щедро финансировалась государством, за судовое снабжение «Зари» отвечало Морское министерство. Все три офицера яхты (имя каждого из них навсегда осталось в истории России) – лейтенанты Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Матисен и А.В. Колчак находились на действительной службе в составе Российского Императорского флота. Из его состава было и большинство команды. Именно этот факт и стал главным «камнем преткновения» в отношениях между командиром «Зари» – Коломейцевым и начальником экспедиции – бароном Э.В. Толлем.

Коломейцев писал в одной из своих работ об экспедиции: «Главный морской штаб, несмотря на яхт-клубский флаг, поднятый на «Заре», предписал командиру пользоваться правами [командира] военного корабля 2-го

ранга в отдельном заграничном плавании, штатские чины числились «судовыми пассажирами», а всем чинам Морского ведомства действительная служба засчитывалась как действительная служба на судах флота...». Барон Толль, будучи выдающимся учёным, но при этом человеком сугубо штатским, не всегда мог и хотел понять и принять реалии военно-морской жизни. Учёный настаивал на том, «...что в таком исключительно трудном плавании разница между офицерами и командой должна быть сведена до минимума, что все члены экспедиции являются товарищами по общей работе и лишениям, без различия чинов и служебного положения». Он считал, что «придерживаться параграфов Морского устава на «Заре» следует настолько, насколько это содействует наилучшему выполнению задач экспедиции, не в таких случаях, когда это связано с ущербом для неё». Кроме того, Толль знал о том, что Коломейцев «считается хорошим офицером и моряком», но признавал, что ему «он известен был, как человек трезвый и исполнительный, но имеющий тяжёлый характер, как единогласно свидетельствовали его товарищи». В силу того, что офицеров флота, имевших опыт серьёзных полярных плаваний, в тот период было немного, да и не все из них имели возможность и желание

Участники Русской полярной экспедиции на борту яхты «Заря». 1. Ф.А. Матисен, 2. Н.Н. Коломейцев, 3. А.В. Колчак, 4. Э.В. Толль, 5. А.А. Бялыницкий-Бируля, 6. Ф.Г. Зееберг, 7. Г.Э. Вальтер

пойти в рискованную экспедицию, барон Толль поневоле вынужден был согласиться на кандидатуру Коломейцева. При этом он отмечал и целый ряд его положительных качеств: большой опыт судоводителя, исполнительность, аккуратность, «некоторую энергию», проявленную во время пребывания судна в Норвегии.

Первый серьёзный конфликт между Толлем и Коломейцевым произошёл уже в начале похода «Зари» (она вышла из Кронштадта 8 июня 1900 г.). На переходе из Тромсё в Александровск-на-Мурмане один из матросов напился до такой степени, что его пришлось силой изолировать в отдельном помещении. У ещё двоих тогда же обнаружили венерические заболевания. Всю троицу Коломейцев вполне резонно решил списать с «Зари» (так как в Александровске на судно прибыли два каюра, то потеря трёх человек была вполне восполнима). Списанные матросы устроили на берегу драку с поножовщиной, обвиняя остальную команду в том, что она выдала их начальству «секретную болельзнь», из-за которой они лишились возможности участвовать в интересном плавании.

Инцидент был быстро улажен, но после этого барон Толль заявил Коломейцеву, что дальше он с ним плавать не может из-за категорических разногласий во взглядах на отношение к матросам. По словам начальника экспедиции, командир «Зари» «уверял, что с командой вообще справиться можно, только принимая меры телесного наказания». Думается, что это несколько преувеличенно, так как Коломейцев прекрасно понимал, что впереди долгое и тяжёлое плавание в неизведанных местах и озлоблять подчинённых ему людей не стоит. Но в то же время за его плечами было 13 лет службы на флоте (не считая времени, проведённого в стенах Морского училища) и он прекрасно знал «...о низком уровне общего развития нижних чинов и о веками выработанных взаимных отношениях на флоте между офицерами и командой» (цитата из записок Коломейцева об экспедиции).

Толль решил послать телеграмму с просьбой о замене командира в Санкт-Петербург Президенту Императорской Академии Наук Великому Князю Константину Константиновичу³. После того, как о конфликте узнали другие офицеры, командира поддержал лейтенант Колчак, заявивший о том, что он также подаёт рапорт о списании. Столь долго готовившееся плавание оказалось под угрозой срыва. Благодаря усилиям лейтенантов Матисена и Колчака, а также зоолога А.А. Бялыницкого-Бирули конфликт удалось «погасить». Барон извинился перед Коломейцевым, всем без исключения участникам экспедиции были прочитаны инструкция и соответствующие статьи Морского устава. 18 июля 1900 г. «Заря» покинула Александровск-на-Мурмане.

³ Перед самым отплытием из Петербурга Президентом Академии Наук была подписана специальная инструкция (дополняющая статьи Морского устава с учётом специфики предстоящего плавания). Инициатором её составления выступил Коломейцев. По его словам, она должна была «нейтрализовать разницу личных взглядов и направить общие усилия к одной цели, т. е. к успеху Экспедиции».

Яхта «Заря» в полярных льдах. Снимок сделан в первый день зимовки у побережья Таймыра, 1900 г.

Как почти всегда и бывает, в море всё оказалось проще, чем на берегу, и конфликтов между Толлем и Коломейцевым (равно как и между другими участниками экспедиции) не возникало. Хотя предметом серьёзных споров служили не только «общегуманитарные» вопросы, но и вполне практические. «Другой пункт взаимного расхождения выразился при обсуждениях и расчётах санных поездок и вообще условий будущих работ. Барон Толль смотрел на всё оптимистично; при своих расчётах он базировался на самые благоприятные условия, тогда как командир брал в расчёт «неизбежные в море случайности» и делал на них поправку в сторону осторожности» – вспоминал Коломейцев.

Новые проблемы в отношениях возникли на зимовке «Зари» в бухте Колина Арчера, которая началась 18 сентября 1900 г. На сей раз их причиной стал порядок дежурств на береговой магнитно-метеорологической станции. Барон предложил распределить дежурство на ней и несение вахты на судне, вмёрзшем во льды, между всеми участниками экспедиции. Командир же этому резко воспротивился, заявив, что оба офицера ему нужны на судне постоянно, а гражданские лица нести даже стояночную вахту не могут. Ссылался он (вполне обоснованно) на соответствующие статьи Морского устава. В свою очередь начальник экспедиции оставил в силе объявленный им порядок дежурств, понимая, что в «ледяной пустыне» говорить о замене командира будет гораздо сложнее. После этого, 8 ноября 1900 г., Коломейцев потребовал от Толля списать его с «Зари», а также выделить ездовых собак и проводника с тем, чтобы он мог добраться до «большой земли» и далее следовать в Петербург. Но ещё 28 октября наступила полярная ночь и страсти несколько поутихли. Хотя всем стало очевидно, что дальнейшее нахождение Толля и Коломейцева на одном судне просто невозможно. Начальник экспедиции оказался перед нелёгким выбором – заменить командира или покинуть «Зарю» самому...

Окончание следует

Оксана и Тарас ХОМЧУК

ПАДЕНИЕ СИТКИ

Ситка произвела на новоприбывших американцев гнетущее впечатление. Она была совсем не такой, как прежде представлялось себе в Штатах: что-то экзотическое и красочное, вроде далёких портов Вест-Индской компании. Их встретил колониальный средневековый городок. С одной стороны – гора, с другой – жидкий подлесок. Замковая гора, на ней настоящий замок – «Баранова», в котором живёт князь Максудов, главный правитель. Это единственное сооружение из камня. Все остальные домики деревянные. Наилучшие – из кругляка, отёсанных колод, а бедные – из досок. Много домов, когда-то наскоро построенных из мокрого дерева и не просмолённых, погнивали. В порту – два старых корабля, поднятых на постоянный фундамент и приспособленных под помещения. Склады, бараки и верфи русской меховой компании, солидные и большие. Единственное украшение города – православная церковь святого Михаила, с богатым интерьером, серебряными звоночками, яркими зелёными куполами. Есть ещё одна церковь – Воскресенская часовня, которую чаще называют «колошешенской церковью», – она стоит на меже, отделяющей городок от поселения местных тлингитов – индейцев-ситка. Справа и слева от часовни тянется плетёный частокол, упирающийся местами в остатки крепостной стены.

Индейское село порядка пятидесяти домишек, почти все на одну комнату, небольшие. Некоторые – с претензией на комфорт и украшены орнаментом. Весьма неприятная на европейский

вкус деталь интерьера: подсушенная рыба, которую туземцы подвешивают на потолке над огнём. Практически все индейские лица без татуировок и краски. Местные говорят, что в сезон село почти пустое, ну, может, есть под двести женщин и детей, а мужчины – на заготовках. Все индейские жилища беспорядочно разбросаны возле воды вдоль всего берега. Так же, без улиц, построена и Ситка.

Бездорожье. Деревянный помост на улице, ведущей к церкви, ещё один – от озера к большому складу. И склад, и эту мостовую князь уже продал, прямо перед приходом американцев. Вместе с землёй, то есть незаконно.

Всё принадлежит меховой компании. Патриархальные обычаи. Кожаный мешок с поступившей в Ситку почтой поступает на стол князю Дмитрию Максудову, а не Кинкеду – американскому почтмейстеру, недавно присланному из Сан-Франциско. И Кинкед молчит, потому что «чувствует себя малой картошкой» по сравнению с князем.

Князь живёт роскошно: почти каждая комната губернаторского дома имеет собственный обогревательный котёл с дорогими медными дверцами, много больших зеркал, мебель тяжёлая и солидная.

Население города – около 1200 душ. Из них три четверти – не меньше девяти сот – креолы, то есть, как объяснил прибывший из Сан-Франциско репортёр, это «смесь русских с местными индейцами». Большинство креолов – на разных работах в Российско-Американской компании, без

Ситка в 21 веке

ключка земли, тихий, покорный и бессловесный народ. Каждый день получают от компании порцию водки. Первой категории работников, в которую компания зачисляет самых трудолюбивых и старательных, выдают по одному стакану водки в день. Второй категории – полстакана. А самый буйный и непокорный контингент выпивает по рюмочке. Такое «разделение рабочих на категории, в видах поощрения хороших рабочих водкою, принадлежит изобретательности последнего колониального губернатора нашего, князя Максудова», – удивился один русский путешественник, Павел Огородников. Также, ещё совсем недавно, водку продавали из-под полы: некая благородная дама торговала через служанок, за бутылку – 25 рублей. Её не трогали. Для экономии дама разливала и меньшими фляжечками, на 1 рубль, да ещё разбавляла «водицею, чтоб не сильно било в голову».

Работники в Ситке женаты в основном на местных женщинах, – писал в дневнике в ноябре 1867 года один газетчик. – Это простые и благонадёжные люди, которые работали на РАКомпанию около 200 дней в году. Получали в год, в пересчёте с рублём, до 60 долларов. Жили «от руки до рта» – впритык, но голодных не было. Компания держала пекарню, где продавала белый хлеб по 4,5 цента за фунт. Суп и рыбу раздавали бесплатно. Суп готовили каждый день свежий и после инспекции качества раздавали семьям без ограничений, по желанию. Компания содержала также врача, священника и школьного учителя. Вся еда, напитки и одежда отпускались по фиксированной цене. Человеку не оставалось ничего другого, кроме одного – работать. Вся жизнь рабочих в Ситке была монотонной. Их мир – это маленький городок, в котором они живут, а вокруг – леса и воды. Окружающий мир, с его революциями, торговлей, прогрессом, был для них таким малозначимым, каким он был бы и для жителей Марса...

Остаток нерабочих дней – церковные праздники. «В старые добрые русские времена тут, как говорят, было до 180 церковных праздников ежегодно. Если просвещённые граждане решат воспользоваться привилегией [и остаться], то они смогут наслаждаться двумя воскресениями каждую неделю, учитывая тот факт, что их воскресенье приходится на нашу субботу», – писал английский турист Фредерик Вимпер. У новоприбывших американцев это восторга не вызывало. «Работе низших классов ощутимо мешает большое количество церковных праздников, количество которых за год достигает не меньше 180 дней, когда все работы запрещены» (DAS, July 1867).

По церковному штату в Ситке после передачи территории должно было быть шестеро духовных особ: епископ, три священника и два дьякона. Но викарный епископ Павел после последней, накануне передачи территории, службы куда-то исчез. Поздней осенью 1867-го в Ситке осталось четыре священнослужителя, а ещё через год – только двое: батюшка и его помощник.

В октябре 1867 года в Ситку приехал первый налоговый инспектор – Вильям Додж. Он насчитал в городе 1200 человек. «Население – русские, немцы, шведы, – миролюбивые и законопослушные, ссоры им почти неизвестны, как, похоже, и законы санитарии. Не существует критерия, чтобы сравнить население Аляски с населением великой Русской империи, потому что большинство поселенцев тут были преступники и осуждённые. Жили в основном поддержкой РАК, которая поставляла солёную рыбу, чёрный хлеб, водку – русский ром, конфеты, горячее и обеспечивала жильём. Местная кузница, лесопильная фабрика, сапожные и швейные мастерские целиком удовлетворяли все нужды. Деньги – маленькие кусочки кожи с печатью и ещё одна большая медная монетка – копейка. Цены на мясо и овощи регулировали российские чиновники. Индейцы снабжали рынок рыбой, картошкой, олениной и дичиной. Оленя можно было купить за 50 центов, большого лосося – за 10 центов» (GFT, Nov. 1885). Вообще, – изумлялся летом 1867 года репортёр из Калифорнии, – «цены на всё жизненно необходимое чрезвычайно низки...».

Эти времена закончились.

В октябре 1867 года цены резко прыгнули вверх. На продукты – в два, в пять и даже десять раз по сравнению с прошлым годом. Если год назад, в 1866-м, среднего по размеру оленя можно было купить на базаре за 1 доллар, то 25 октября 1867 года, на том же базаре, – за 5,5 долларов. В зависимости от веса, цена оленя колебалась теперь от 2,5 до 9 долларов, за фунт (чуть меньше полкило) – 5 центов. Цена за дюжину уток возросла от 75 центов до 3 долларов. За 100 штук лосося в 1866 году просили 40 центов, в октябре 1867-го – 3 доллара, но всё равно невозможно было купить, не сезон. Корзинка клюквы подорожала от 1 до 3,5 долларов. Пара гусей – от 25 центов до 2 долларов.

5 ноября 1867 года в Ситке прошёл второй базар. Оленей продавали уже за 10 долларов или за две фляги виски. «Русские, не пропустив ещё через свои головы наши законы и регуляции, использовали виски как денежную единицу», – съябедничал один из приезжих.

«Волна эмиграции» в Ситку росла, взвивались и цены. В конце ноября 1867 года в городе находилось уже свыше 800 американцев. За одну рыбину или одну куропатку теперь нужно было отдать 25 центов. Корреспондент «The British Colonist» написал, что День благодарения праздновали лишь военные – «мы ж не имели настроения, да и не могли нигде достать индюшек».

Пытаясь контролировать ситуацию, командующий Военным дистриктом Аляски генерал Дж. Дэвис решил установить фиксированные цены на базаре. Тогда начался натурообмен: виски и ром – на рыбу и дичь. 3 декабря 1867 года генерал Дэвис дал приказ американцам рассчитываться только деньгами, а русские и дальше расплачивались ромом.

Продажа индейцам спиртного и расчёты с ними алкоголем были запрещены. Торговля с

индейцами, распорядился генерал Дэвис, может вестись только на базаре, от рассвета до захода солнца, 6 дней в неделю, больше нигде.

Цены на жильё стали фантастические. За устроенную на лодке «избёнку» запрашивали 10 тысяч долларов. Осенью 1867 года там побывал Ф. Вимпер: «Ситка в руках Российской компании и Ситка в руках новых владельцев – две разные вещи... Городские земельные «лоты» стоят сказочных денег, за маленький лог-хауз просят 10 000 долларов (это две тысячи фунтов), и я не был удивлён, когда услышал, что лосось идёт по полдоллара за фунт...»

Купить говядину, свинину или баранину было невозможно. В конце октября 1867 года на всю округу было 17 коров, принадлежащих РАК, да ещё три коровы, привезённые американскими офицерами. Также было ещё 117 овец – все на питание американских войск зимой. Русские, – писала «Daily Alta California» 23 ноября 1867 года, – за исключением семьи губернатора, не потребляют другого мяса, кроме солёной говядины с Балтийского побережья. Вся масса россиян и креолов живёт на рыбе и хлебе, иногда у них дичь. Американцы, выезжая из Ситки, рассказывали, что сидели там на тюремном пайке...

Армия рассчитала по неделям привезённую с собой провизию, со своими пайками прибывали из Штатов и рудокопы. Капитан Говард с куттера «Lincoln» вернулся из Ситки в Сан-Франциско 18 ноября 1867 года и доложил, что армии хватит запасов только на 6 месяцев, и хоть пока разговоры о голоде преждевременны, Ситка, видимо, будет покинута – бухта очень бедна. Разговоры о предстоящем голоде дошли до города Вашингтона. В январе 1868 года генерал Бенджамин Батлер выразил в Палате представителей свои симпатии войскам на Аляске, которые «терпят большие страдания от холода и голода».

Корреспондент «Daily Alta California» предсказал, что из первых приехавших летом 70 американцев не меньше, чем 20 или 30, выедут в Сан-Франциско ещё до зимы. Прожить зиму 1867–1868 года в Ситке стоило столько же, как в Сан-Франциско. И тем не менее, поставками провианта в конце навигационного сезона никто так и не заинтересовался. В Ситку прибыли десятки торговцев другими товарами: «лотами» и мехами.

Ещё до отъезда из города американского коммиссионера – генерала Ловелла Гаррисона Руссо, все незанятые земельные участки в Ситке – «лоты» – были уже захвачены и поделены между спекулянтами, но не для строительства, а для перепродажи. Ожидали, что поселенцы потянутся за армией. Надеялись, что начнётся строительство железных дорог и «Pacific Railroad» притянет эмиграцию на побережье Аляски, обеспечив по ходу работой огромное количество населения. Однако случилось неожиданное: американское правительство закрыло доступ поселенцам и вся территория была объявлена «общественной собственностью, находящейся в распоряжении Соединённых Штатов». 26 октября 1867 года ко-

миссионер главного правительственного Агентства по распределению земель Джозеф Вильсон официально заявил, что всякие претензии на земельные участки являются незаконными. Собственники купленных в Ситке участков моментально потеряли свои деньги, оказавшись под угрозой насильного выдворения с территории. Секретарь внутренних дел Соединённых Штатов О. Броунинг предупредил, что «для изгнания пришельцев может быть применена военная сила». В итоге, наплыв переселенцев, который ждали в Ситке, не состоялся. Один коммерсант грустно писал в Нью-Йорк: «Я не вижу ни малейших признаков устремления в этот регион следующей весной...»

Без прав на землю какая-либо разведка ресурсов тоже не имела практического значения. Кроме тех ресурсов, что манили на Аляску с самого начала: пушного и мехового сырья – главной и истинной цели покупки Аляски, инспирированной калифорнийскими бизнесменами. «Настоящей причиной смены государственных флагов на Аляске была меховая торговля», – категорично утверждал в своих мемуарах бывший сенатор Калифорнии Корнелиус Коль, он же – инициатор межгосударственных переговоров и близкий друг государственного секретаря Вильяма Сьюарда.

Осенью 1867 года в Ситку съехались десятки меховщиков из Калифорнии, Сандвичевых островов, Территории Вашингтон, Нью-Йорка и Британской Колумбии. Однако на месте выяснилось, что, во-первых, в самом городе мехов практически нет, а то, что есть, лежит на складах Российско-Американской компании. Во-вторых, что индейцы, которые привозят в Ситку шкуры, не хотят принимать «гринбеки», а обменивают шкуры на оружие и алкоголь. В условиях военного режима, провозглашённого 29 октября 1867 года, это был тупик. И торговцы «устроили между собой настоящие гонки за приобретение собственности и имущества Российско-Американской компании» (Petroff I. 1882). Но было поздно. Князь Максудов уже распродал шкуры тем, кто успел первым: Босковицу, Шмидбергу, Хатчинсону. Этому последнему Максудов тайно продал и всё прочее имущество РАК, под маркой юридически пока не существующей компании «Hutchinson, Kohl & Co.», за вывеской которой стояли реальные и богатые покупатели – калифорнийские бизнесмены Луис Шлосс и Леви Гершль – будущие хозяева Аляски.

Наблюдавший эту картину англичанин Фредерик Вимпер писал:

«Сама Ситка имеет ограниченное количество шкур; и это была ошибка, которую сделали в прошлом [1867] году многочисленные евреи и другие торговцы, которые рассчитывали получить здесь преимущество. В конечном счёте, вы могли приобрести шкуры даже дешевле в Сан-Франциско!.. В результате, пароходы возвращались в Калифорнию, забитые израильтскими торговцами, полными отвращения и негодования».

27 октября и 8 ноября прошли первые собрания граждан города. На них было решено создать

временную гражданскую администрацию, до принятия Конгрессом законов для территории. 11 ноября состоялось заседание масонов, на котором присутствовали с три десятка человек. В тот же день подготовили набросок «хартии» города. Был избран городской совет, и создан муниципалитет с мэром – с юридической точки зрения чистая самодеятельность. Вашингтон не спешил с признанием какой-либо администрации в Ситке, так что городской совет не имел права ни составлять контракты, ни регулировать налоги. Суд представлял собой на деле самосуд, и никакие решения его не были законны.

Никто из бывших российских подданных не вошёл в самопровозглашённую исполнительную власть, кроме жуликоватого Йосифа (а нынче Джозефа) Люгебиля, а он в ближайшем времени, до конца года, уже собирался выезжать в Сан-Франциско. Все российские учебные заведения в городе, а таких в бывшем Ново-Архангельске было пять, закрылись. В 1868 году появилась одна крошечная американская школа «для белых». Только 18 русских «белых» детей смогли раз в неделю в эту школу ходить. «Учить русскому языку в наших публичных школах, которые их [русских] дети посещают, только поощрит их попытки сохранить родной язык, который никогда не достигнет высшей стадии развития, – писала одна из крупнейших газет тихоокеанского побережья «Golden Era». – Самые цивилизованные и образованные русские в своей родной стране сознают это несовершенство народного языка и стыдятся этого, потому они пользуются в основном иностранными языками, в основном французским».

За несколько месяцев после передачи территории Ситка расстроилась больше, чем была когда-либо при монархическом режиме. Эмиль Тейхманн, молодой агент меховой компании «J.M. Oppenheim & Co.», которого послали в 1867 году тайно наблюдать за всем, что творится в городе, писал, что американское население поделилось на три класса.

Первый – самый уважаемый: это начальство Военного департамента и таможи, ограниченное количество муниципальных работников, военный капеллан и агент американской меховой компании, сменившей российскую компанию.

Второй класс занимал положение намного ниже. Это торговцы, собственники бильярдных салунов и дилеры алкогольными напитками: «Эти в основном еврейской расы и занимаются более или менее незаконной торговлей с солдатами и индейцами, избегают налогов и таможенных сборов и подлежали бы судебному преследованию, если бы соблюдение закона не было таким слабым и небрежным. Особенного упоминания стоит один польский еврей, который благодаря знанию русского языка занялся постыдным бизнесом, позорно ссужая деньги американцам и русским, и под маской поставщика алкоголя налаживал грязную торговлю русскими и индейскими девушками – за оба занятия должен был бы сидеть в тюрьме».

К третьему сорту принадлежали «авантюристы, которых можно найти во всех новых поселениях, но даже они имели свою градацию. Это были пропащие морячки, ожидавшие шанс вернуться на юг, неудачники-золотоискатели без средств к существованию. Большинство же состояло из так званых «Rowdies» – хулиганов и профессиональных бродяг, которые всё время ждали, когда подвернётся удобный случай, зыркали по сторонам, оценивая взглядом каждого пристойного прохожего. Они взяли в обычай держать на виду свои заряженные револьверы». Их пробовали, писал Тейхманн, принудительно вывезти из Ситки, но капитан корабля, уходящего на юг, не взялся ни за какие деньги...

Сам Тейхманн так боялся за свою жизнь, что старался держаться постоянно на глазах у американских солдат. Он писал, что уполномоченные чиновники Российско-Американской компании, которые заправляли ликвидацией имущества компании в Ситке, были почему-то в основном немецкоговорящими. И таких было очень много. Они заключали и перезаключали какие-то тайные договоры, после которых поределели и были опустошены склады компании. Но получить доказательства мошенничества Тейхманн не мог: все держали язык за зубами, при этом ежедневно неумолимо допытывались у самого Тейхманна, ради чего он приехал. Осторожный Тейхманн представился как «турист и натуралист» и был убеждён, что за ним следят российские шпионы. Он отказался выехать через Сибирь на российском корабле, поскольку испугался «с него исчезнуть». Тейхманн побоялся даже принять приглашение «попировать на борту». Он чувствовал себя «неуклюжим свидетелем», которого могут легко убрать. «За всё время моего пребывания я ни разу не вышел за границы поселения и даже при этом никогда не расставался с револьвером».

Немец Тейхманн стал первым, кто описал, во что превратилась столица «Русской Америки» за полгода. У него не хватило на это немецких слов, и он назвал по-французски то, что происходило в Ситке: «chronique scandaleuse».

«Почти каждый вечер весь город пьян. <...>

Высшее начальство пьёт дома, чтобы скрыть своё состояние. <...>

Пьют все. Даже русские леди, почти у каждой из которых в пальцах сигаретка, не отстают от своих мужей и любовников в употреблении крепких напитков. <...>

В самом худшем положении – жёны простых и несчастных русских. Они, и не только самые молодые, открыто отдают себя для проституции, а их половые отношения с американскими солдатами распространяют самые ужасные болезни. В таких условиях только на небесах известно, что случится с детьми этого надломленного народа. <...>

Если верить русским, это горькое положение дел началось с появлением американских войск. <...>

Большой ошибкой было бы считать, что американское население демонстрирует большую сдержанность в пьянстве и разгульной жизни,

чем русское. Офицеры и солдаты, живущие в бывшем помещении русского клуба, проводят всё своё время, кроме нескольких часов на службе, в сидении за стойками салуна. Играют и пьют до тех пор, пока не кончится кредит. Они заводят с жёнами российских чиновников такие скандальные интриги и ведут себя настолько непристойно, что на них жалуются даже те россияне, которых непорочными никак не назовёшь... Пьянство и дебоши, вкупе с нездоровым климатом, обеспечивают такую нагрузку госпиталю, что больных некуда класть. Количество смертей растёт ужасно. <...>

Поведение офицеров достаточно кошмарно, однако не хватит слов, чтоб описать поступки рядового состава. Даже заключённые, выпущенные из тюрьмы, не были бы так опасны для общественного спокойствия, как эти мужчины, призванные следить за порядком. Редкий день проходит без ограбления, или отравления, или насилия. И респектабельные граждане нуждаются в охране больше от солдат, чем от добродушных в основном россиян и даже коварных индейцев...»

То же самое, о чём писал Эмиль Тейхманн, пробивалось изредка и в американскую прессу, но очень дозированно.

10 декабря 1867 года, в холодный и ветреный день, генерал Девис заставил русских работать на улицах под проливным дождём: «Это нечто новенькое для наших русско-американских граждан – заплатить штраф и работать на улицах за их маленькие проступки», – отмечал один газетчик.

Солдаты, расхотев ловить рыбу, которая должна была пополнить их рацион из вечнозамороженной свинины, выкинули за борт русского лодчмана: «После этого никакие 5 долларов не соблазнят ни одного русского иметь дело с американскими солдатами...»

На православную Пасху 1868 года трое американских солдат решили устроить салют. Подтянули к стене православного собора 24-фунтовую бронзовую гаубицу, весом свыше 1300 фунтов, и выпустили заряды. Каждый снаряд – калибром 5,82 дюйма и весом 18,4 фунта. В соборе повывлетали окна. Прихожане выскочили на улицу, началось столпотворение. Выбежал священник, кричал солдатам: «Стоп, стоп! Христос Воскрес!...» «Я никогда не забуду этого случая, – весело вспоминал бывший рядовой из 2-го артиллерийского полка в Ситке. – Ведь мы же пообещали дать салют и сдержали слово».

Весной 1868 года несколько газет сообщили, что в Ситке ожидается массовая резня американцев русскими и индейцами. Теннессийская газета «Public Ledger» заявила 16 апреля 1868 года, что резня американцев неминуема, если там немедленно не будут усилены американские войска. То же самое написала в Огайо газета «The Spirit of Democрасу». Но ведь ещё в конце 1867 года капитан А. Пещуров жаловался посланнику Эдуарду Стекло в Вашингтон, что прибывшие в Ситку американцы ведут себя недостойно – особенно

солдатня, которая состоит из всякого сброда, и потому было уже немало случаев кражи и драк, а из сравнительно небольшого пока ещё гарнизона Ситки постоянно до 30 человек арестованных...

Присланный на Аляску контингент производил впечатление даже на самих американских военных. «Среди американских солдат на Аляску пришли самые конченые головорезы, каких когда-либо создавал мир, – вспоминал капитан Прайс в 1899 году, – а злодейство, вместе со всеми разновидностями мошенничества, получило полный размах».

Летом 1868 года один комиссованный солдат убил другого демобилизованного, по фамилии Коффман. Убийцу задержали, но судить не могли: официально он выбыл из армии. Так что, сказали, судить «невозможно, пока не будет сформировано гражданское правительство для Аляски».

3 мая 1868 года газетный корреспондент написал из Ситки, что один американский «гражданин, очень славный человек, когда не пребывает в состоянии белой горячки», прострелил ногу русскому, и у того очень серьёзная и опасная рана. Гражданина арестовали, но мэр города сказал, что «нет достаточно доказательств, чтобы его и дальше держать под стражей, а русский поправляется», и того отпустили.

20 июня 1868 года подстрелили на охоте лейтенанта Бенджамина Ливермора, который недавно обручился с ситкинской россиянкой. Случайно или специально – никто не разобрался.

С местным населением вообще не церемонились, не важно, русские это или индейцы. На общение с ними, как убеждали Эмиля Тейхманна, хватит восемь дежурных фраз:

Открой дверь =
Закрой дверь =
Садись =
Я ничего не хочу =
Хватит говорить =
Я не понимаю =
Что ты хочешь =
Что такое =

23-летнюю креолку солдаты побили так жестоко, что она сошла с ума. Как выразился комиссионер по индейским делам Винсент Кольер, «получила необратимое мозговое расстройство».

Русское население погружалось в отчаяние.

17 июля 1868 года в Ситке покончил жизнь самоубийством Николай Волков. Солдаты задержали

его за то, что он вроде бы продавал индейцам спиртное. Пообещали посадить... Волков был молодым ремесленником, зарабатывал на жизнь тем, что чинил и шил обувь. Алкоголя индейцам в действительности не передавал: отдал своё недопитое виски какому-то креолу. Волков закрылся в комнате, написал два письма друзьям в Россию, заклеил конверты и застрелился.

16 июля 1868 года на центральную улицу города вышла уже немолодая женщина, Ликерия Андреевна. Стала посреди дороги, выпила, не останавливаясь, бутылку водки и тут же, на месте, умерла.

Школы в Ситке, бывшие под российской администрацией, закрылись ещё в сентябре 1867 года, с того времени дети оказались на улицах, — писала «Alaska Herald». — Теперь дети 8-летнего возраста идут в американские магазины и как только заработают там 10 центов, так сразу пропивают их; не проходит и дня, когда на улице не находят на тротуаре какого-то ребёнка в бессознательном состоянии.

1 ноября 1868 года «Alaska Herald» вышла со статьёй на первой странице, под заголовком «MILITARY RULE», про тиранию военной администрации генерала Дэвиса: «Русские на Аляске никогда раньше не были субъектами военного режима, теперь их потомки, после установления американской военной власти, больше контролируются, чем преступники и каторжники Сибири...» Но генерал Джефферсон Дэвис чувствовал себя неуязвимым. В 1862 году, во время Гражданской войны, он убил из револьвера собственного командира — генерал-майора Вильяма Нелсона, и даже тогда сумел выйти сухим из воды. Особые связи адвоката Дэвиса при кабинете президента Кливленда позволили генералу-убийце избежать военно-полевого суда и заключения...

Зимой 1867–1868 года в Ситке закрылись все российские предприятия: бондарная фабрика, кожевенная мастерская, почти все кузницы и слесарные мастерские, которые обслуживали корабли РАК. В городе, где когда-то спускали на воду новые корабли, теперь нельзя было достать рыболовные снасти. Остановился лесопильный завод. Но кроме магазинов и салунов, ничего нового не открылось. Чтобы выжить, население Ситки стало торговать всем, что попадало под руку. Иногда таким хламом, что это веселило американцев: «Русские, похоже, очень заняты, — несмотря на то, что это народ простой и нерасчётливый, они не такие дурные, когда по ходу дела можно получить хоть несколько американских монет». Вскоре распродались так, что остались даже без столовых приборов: вилки и ложки, сделанные из меди, охотно принимали торговцы. Медь была дорога, её покупали по 8 центов за фунт, и спрос был большой. Стало быть, скручивали медные болты, решётки, бойлеры и всё, что можно было ещё разобрать.

Такие же злыдни — в других русских колониях...

29 марта 1869 года на имя Российского Государя Императора из Ситки было отправлено письмо от бывших работников РАК. В нём сообща-

лось, что князь Максutow, угрожая «лишить всего», в присутствии комиссионеров заставлял людей подписывать документы на английском языке неизвестного содержания. «Люди, которые были уволены от службы Ко., без всякого расчёта, русские и креолы, не получили даже одного гнилого дома, в котором бы могли жить; правда, князь поместил их в бывшую парусную мастерскую под № 56 (против клуба), уверив их, что этот дом предоставляется в их полное распоряжение, но в то же время продал его американцу Доджу, который варварски выгнал всех людей через несколько времени, называя себя владельцем этого дома... Креолов, которые служили без условий, князь рассчитывал как попало: выдавал он одному 20 дол., другому 10 дол., и проч., в контору посылал расчётные записки и писал вдвое или втрое противу выданного... Множество вдов и сирот из числа служащих остались без всякой помощи по милости князя. Большая часть из них и прежде мало получали от компании, а теперь остались без куска хлеба...»

Ответа на письмо не пришло. Сам Максutow в начале 1869-го выехал в Сан-Франциско, Коскуль стал российским консулом вместо Максutowа и жалоб подобного рода не принимал. Осенью в том же году и сам Коскуль уехал в Санкт-Петербург. Российское консульство в Ситке было ликвидировано.

Летом 1869-го на Аляске в составе военной делегации побывал капитан Альфред Гаф, 24 июля в Ситке он написал в дневнике:

«Из наблюдений и расспросов... — большая несправедливость была устроена тут российским правительством его гражданам. При старом режиме все граждане Ново-Архангельска были служащими Российской меховой компании. Этнических русских привезли сюда с такой целью. Колония была как одна большая семья, они были счастливы и довольны, некоторые из них провели тут всю жизнь. Про них заботились, их защищали, тут не было нищих, руководство было строгое, но хорошее. Передача [Соединённым Штатам] разрушила всю эту защиту и трудоустраиваемость, и постепенно большинство старых жителей, все, кто был способен к путешествию, покинули [Аляску] и выехали к чужим. Те, кто остался, были в многочисленных случаях тяжело унижены грубыми американцами, и все кажутся несчастными. Они очень гостеприимны, вежливы и сердечны. Про это тяжело думать, как была сломлена счастливая община».

Вскоре, в начале сентября 1869 года, в Ситку из Сан-Франциско прибыл пароход «Newbern» с партией заключённых, в кандалах и с привязанными к ногам чугунными гирями. В октябре тем же кораблём генерал Дэвис отправил в Сан-Франциско свыше сотни комиссованных солдат — пьяниц, дебоширов и мошенников. Несколько из них — из тех солдат, что ограбили в июне Русскую православную церковь Св. Михаила. Так дальше и тянулось: пока одних преступников генерал Дэвис высылал, других ему взамен присылали. А тем временем четыре законопроекта о создании гражданской администрации и суда на

03 / 2017

территории Аляски, поступившие в Конгресс за год с марта 1868-го по март 1869 года, были провалены.

В августе 1869 года из продажи исчезли мука, масло и смалец. Стало известно, что на исходе другие продукты. Жизнь стала невозможной. Ни госпиталя, ни врачей. Болеть уезжали в Штаты. В ноябре 1869 года, потеряв надежду стать губернатором Аляски, выехал в Сан-Диего мэр Ситки Вильям Додж. «Главный развращающий эффект на Аляске создаёт армия, – писал он на борту уходящего корабля. – Подавляющая масса солдат – это или отчаявшиеся до крайности люди, или люди глубоко аморальные. Было много ночей, когда солдаты захватывали русские дома, запугивали и угрожали русским женщинам, вынуждая их удовлетворять свои похотливые страсти. Часто после полночи меня вызывали мужчины и женщины, русские и алеуты, в ночных рубашках, умоляя защитить их от солдат с преступными затеями. В тех случаях, когда виноватых опознавали, их наказывали; в большинстве случаев их не могли узнать, и они избегали кары...»

После В. Доджа за год в Ситке сменились ещё два мэра, Джон Кинкед и Самюэль Сторер, оба тоже выехали с Аляски. Единственный армейский капеллан покинул Ситку в сентябре 1869 года. После этого много месяцев в городе не было ни одной службы для протестантов. Вслед за Доджем выехала и его свояченица, Едди Мессер – первая учительница ситкинской американской школы. Маленькую школу ещё два года кое-как содержала армия, а потом и она закрылась, – как написали в официальном докладе, «школа умерла».

По мере того, как выезжали американцы, хирела вся нехитрая экономика края, державшаяся на одной торговле. С октября 1867-го по август 1869 года с Аляски было вывезено товара на сумму почти 600 тысяч долларов. Завезено на сумму в 16 раз меньше: на 34 673 доллара. За 11 месяцев 1868 года, с января по ноябрь, экспорт из Ситки превысил импорт почти в 10 раз. Так не могло продолжаться бесконечно: вся Аляска стала объектом нещадной эксплуатации, с территории выкачивали всё, что было произведено, заготовлено, выловлено и сохранено в прошлом. Спрос на клерков, моряков и ремесленников иссяк, на врачей и учителей – исчез. На оставшихся работах заняли солдат.

От апреля до августа 1868 года газета «The Daily British Colonist and Victorian Chronicle» печатала регулярные репортажи:

«Бизнес на Аляске совсем вылый. На работу – малый спрос. Даже работники при армии уволены – их заменили солдаты». <...>

«В Ситке останется очень мало россиян, когда Российская компания закончит все свои дела». <...>

«Ситка почти обезлюдела, и если бы не солдаты, которые навещают нас, то могло бы показаться, что это покинутое шахтёрское местечко где-то в Калифорнии».

В декабре 1868 года корреспондент этой газеты сообщил: «В настоящее время Ситка опустела. Большинство американцев, которые приехали сюда жить и развивать страну, – не только в Ситку, но и на Кадьяк, и в залив Кука, сотни миль отсюда, – выехали, кто в Орегон, кто в Калифорнию и другие места». Репортёр другой, калифорнийской, газеты писал о том же: «Сотни людей прибыли на Аляску, осмотрелись и убралась прочь, разочарованные. Теперь тут нет других иммигрантов, кроме тех, кто потянулся за армией и устроился в биваках. Население сократилось, и ни малейших улучшений при американской оккупации не произошло... Покинутое и забытое русское население теперь существует за счёт американского департамента...»

В декабре 1868 года газета «Alaska Herald» предупредила, что русское население в Ситке тоже вскоре полностью исчезнет: часть выедет в Калифорнию, остальные вернутся в Россию, а когда последний русский уедет из Ситки, то Ситка превратится в город солдат и индейцев.

Но выехать было не так-то просто.

Лишь в апреле 1868 года, спустя год после продажи Аляски, князь Максудов огласил в Ситке прокламацию про «бесплатную транспортировку в Сибирь или Россию каждого русского, креола или алеута». Вместе с тем стало известно, что денег на переезд выделено мало и не хватит даже на тысячу человек. Началась метушня с очередью на транспорт. Максудов крутил выездными списками. Комиссионер Пещуров считал, что служащие, которые перестали работать на РАК, утратили право на бесплатный переезд. Тем, кто собирался возвращаться самостоятельно, в удобное для себя время, Максудов отказался выплачивать проездные. Покинули Ситку работники РАК – эти выезжали весь 1867 год, с июня, да русские солдаты. В декабре 1867 года в Россию через Лондон на корабле «Царица» была отправлена часть военного гарнизона. В январе 1868 года приготовили к отправке остаток военных – на двух барках «Wesser» и «Moth», уходящих к берегам Сибири. В том же месяце бриг «Нахимов» вывез в Восточную Сибирь последних 69 солдат. А масса остальных желающих застряла. Только в декабре 1868 года долгожданный корабль «Winged Arrow» с более чем тремя сотнями пассажиров взял курс из Ситки на Кронштадт. Те, кто не сумел попасть в список его пассажиров, в начале ноября забили все места на барке «Regu», уходящем в Гонолулу. В январе 1869 года гавайская газета поместила заметку «Недовольные аннексией» про «остатки русских поселенцев, которые покинули колонии и отправились искать свой дом среди соотечественников, под всемогущим скипетром Российской империи».

Если бы остатки!

В мае 1869 года свыше ста русских Ситки подписали письмо в Санкт-Петербург, в котором умоляли прислать транспорт для немедленной эвакуации с Аляски:

«Князь написал в Вашингтон, русскому посланнику, что русских в Ситке никого нет, а на поверку

выходит, что их живёт здесь более 100 человек.. Принимая в уважение бедственное положение брошенных на произвол страданий и бедствий в территории Аляски, русских и креол, без куса хлеба и не имеющих в виду работ для снискания себе пропитания, – покорнейше просим... о подаении нам страждущим, – определив одно транспортное Русское судно из реки Амура, для вывоза страждущих в Ситхе, по желанию, или на реку Амур или в Калифорнию, – где работы дадут нам средства к существованию...»

Но корабль не пришёл. В июне 1869 года «Daily Alta California» поместила письмо из Ситки. Кто-то в отчаянии писал, что после ухода кораблей «Ольга», «Кутузов» и ещё нескольких шхун жители Ситки оказались в полнейшей изоляции, «без малейшей возможности покинуть город». В итоге, даже не все русские сумели выехать с Аляски на протяжении отведённого договором трёхлетнего срока. Те, кто не успел удрать, остались там на милость новой власти, единственным представителем которой до 1877 года была американская армия, а после её ухода с территории и до 1884 года не было вообще никакого представителя.

Кроме ситкинских русских, остались ещё десятки и десятки тысяч людей, которые не знали или не понимали, к кому уезжать. Поспешность, с которой была продана российская территория, и выбор: покинуть эту землю или потерять российское гражданство, застали врасплох всё население, значительная часть которого, к тому же, услышала о продаже только годы спустя. Даже население островов Прибылова узнало о продаже почти через год после подписания договора, а за Юконом были селения, получившие «новость» в середине 1870-х годов. Для большинства всего этого «русского» населения никогда не стоял вопрос «вернуться или нет». Вопрос стоял иначе: покидать ли те земли, на которых их предки жили всегда, веками. Три года было отведено договором на «зазор» между старой, хорошо ли, плохо ли прожитой жизнью, её темпом, планами и надеждами, и новым неизвестным будущим в далёкой России, где 99 из каждой сотни жителей Аляски не были вообще никогда. На практике не оказалось и этих трёх лет. И они остались. «Московиты вернулись в Россию в один аккорд, освободив пространство целиком, как это сделало и их правительство, – написала в 1876 году сан-францисская газета, – а туземцы, раса флегматичная и бестолковая, никак не могла сообразить, или выезжать или оставаться. Они всё сомневались, нравится ли им право голосовать, – республиканская форма правления... И они остались. Пока они раздумывали, то уже были физически аннексированы Соединёнными Штатами. Таких наших любопытных соотечественников было тысяч 25 или 30. И был момент, когда возникла опасность, что через Берингов пролив отступит тысяч с двадцать пять...»

По подсчётам географа Вильяма Долла, зимой 1869–1870 года число этнических русских на Аляске составляло как минимум 483 человека, из них в бывшем Ново-Архангельске, нынешней Ситке, – 349. По данным, опубликованным в 1882

году правительственным агентом И. Петровым, русских осталось значительно больше – до 1000 человек. Генерал Джордж Томас докладывал руководству в сентябре 1869 года, что в Ситке «достаточно большое число русских и полукровок, также их много и в индейском селе за частоколом»...

В 1870 году в Ситке остались самые обездоленные и беспомощные. Около 400 русских и креолов.

Самая старая – Надежда, 90 лет.

Остался 78-летний русский Ярлов, хоть и мог выехать. Но дети и даже внуки его померли, и Ярлов не захотел оставлять пять правнуков, хоть и не мог им ничем помочь: самая старшая, 16-летняя правнучка Ульяна зарабатывала проституцией.

В том же самом доме, где жили Ярловы – № 84, проживала ещё одна проститутка: сирота Лиза Ватова, 22 лет. Вообще, сирот осталось много, все они, от 2 до 16 лет, родились в Ситке.

В Ситке осталась 37-летняя Амелия Кострометинова – вдова Ионы Кострометинова, с тремя несовершеннолетними детьми. Покойный Иона, как и оба его брата, Пётр и Иннокентий, пробыл на службе РАК почти двадцать лет, и Амелии уже не к кому было возвращаться в Россию.

Какой-то несчастный остался при российской обсерватории на соседнем Японском острове. К 1870 году он совсем спился.

Половина всех русских города жила в одном доме – № 62. Это был большой и подозрительный для приезжих «Русский Дом», который американцы прозвали «Double Decker», потому что у него с каждой стороны было два ряда окон. Каждое окно – комната. Дом имел два этажа и был похож на каркас палубного корабля, накрытый крышей. Но это был не корабль. «В действительности это арендное жильё, занятое самыми нижними слоями народа, брошенного тут русскими – в основном пропащие женщины, а также индейцы да некоторые опустившиеся неудачники, приехавшие сюда после покупки Аляски», – писал у себя в дневнике в 1869 году капитан Альфред Гаф, адъютант генерала. «Русский Дом... построен как жильё для беднейших обитателей, – тех, которые не выехали, когда Аляска была отдана американцам... Там живут 200 бедных россиян, у которых не было средств покинуть Ситку, когда её оставляли русские, и ещё те, кто предпочёл остаться при новом режиме. Только сегодняшним утром, как нам сказали, были похоронены трое детей», – написала в своём дневнике английская леди София Крокфорт 14 мая 1870 года.

В октябре 1870 года военное командование провело перепись населения Ситки. Из белых – ещё не уехавших американцев и европейцев – осталось только 88 человек, а русских людей – 391. Треть русского женского населения занималась проституцией. Самая младшая – 14 лет – Анастасия Александрова, сирота с Кадьяка, которую соблазнил и бросил Альберт Рихтер, родом из Пруссии, владелец булочной и салуна в Ситке. Самая старая – 45 лет, Мария Потапова. Возле её имени в переписных листах военные поставили ремарку: «в отчаянном состоянии».

03 / 2017

Возле нескольких женских имён стояла примётка «жена и проститутка». Почти возле каждой русской фамилии стояли замечания такого рода:

«если найдёт работу, сможет себя содержать»;
 «нет работы: бывшая медсестра в госпитале Российской компании, страдает от лишений»;
 «сирота, проститутка, комната маленькая и грязная».

Большинство ремарок уточняли:

«в нужде»;
 «старый, в нужде»;
 «срочно требует помощи: вдова, в нужде».

Военные насчитали в городе 12 собственников салунов. Некоторые имели и «салун», и «бар». По самым осторожным подсчётам, в октябре 1870 года на каждых 32 жителей Ситки, включая маленьких детей, приходился один кабак.

Проституция *volens volens* превратилась в «русский бизнес», – как заметил один репортёр, потому что на всю Ситку нерусских женщин было не больше десятка: пятеро из них – семейные американки и ещё пять женщин в армии. «В былое руссаго владычества время, креолы были свободны, – жаловался один креол редактору «Alaska Herald» Агапию Гончаренко. – В Аляске теперь свободны только американские офицеры, они что хотят, то и творят. Старых отцов и матерей как пенсия прокармливают молодые дочери; молодость и красота пред американцами первое достоинство, а бедность заглушает совесть несчастным. Нас сажают без вины в полицию и заставляют работать без платы, для нас нет ни суда, ни расправы».

Осенью 1870 года десятки русских семей Ситки, не имея никаких средств к существованию, начали так голодать, что американские военные из жалости стали выдавать им «рационы» – пайки из собственных резервов. В середине декабря «Alaska Herald» сообщила, что целая партия умирающих с голоду подала прошение русскому посланнику в Вашингтон о высылке им денег на проезд в Россию. А ещё через две недели майор И. Людингтон, инспектировавший ситуацию на Аляске, сообщил командованию, что 135 жителей Ситки, а это треть русских жителей города, получают теперь половинный солдатский рацион, без чего просто перемерут с голоду, и в 1871 году число это должно быть как минимум удвоено, чтобы избежать невыносимых страданий и катастрофы. Женщины в городе почти все проститутки, включая девочек 12–13 лет, – писал Людингтон, – «и почти все эти [русские] люди хотят, чтобы их транспортировали хоть куда-нибудь в российские владения, и ждут корабль, который пришлёт за ними летом [1871], но похоже, эти ожидания ничем не подкреплены... Их около 300. Их материальное состояние очень тяжёлое, а моральное ещё хуже. У них нет ни малейшей перспективы на трудоустройство здесь... Поэтому про их положение необходимо доложить российскому министру в Вашингтон, и если его правительство не вывезет их быстро в какую-нибудь русскую провинцию, мы не можем терять время и должны сделать это сами. В данном случае это вопрос чести, совести и гуманности».

Но никто никуда никого не повёз, а кризис на Аляске только начал набирать обороты. «Коренные русские Ситки из-за своей смерти быстро уступают место сменяющим их янки»; «Коренные русские Ситки вымирают, и американцы занимают их места», – сухо, без комментариев, сообщали американские газеты по всей стране. К лету 1871 года русские дошли до того состояния, что капитан Фрэнк Гамильтон написал с Аляски брату: лучше было бы нам иметь рядом с собой индейцев, чем этих русских – они слишком бедны и стали равнодушны и безразличны ко всему...

Грязные, оборванные, жадные к каждому кусочку хлеба, месяцами в неуголимом голоде, скученные в арендованных дешёвых «номерах» или в сгнивших домишках, среди растерянных индейцев, которые великодушно пустили к себе стародавних врагов, – у этих людей никогда не было своего Диккенса. Ему неоткуда было взяться. Они начали умирать, как и жили – молча, без ропота. «Без образования, без примера, без надежды, без возможности порядочной жизни и без какой-то скорби о преждевременной и жалкой смерти – лишь с одной единственной мыслью о загробной жизни, навеянной пьяными ситкинскими священниками, играющими в карты до забытья» (HNMM, 1872/44).

В 1871 году в Ситке как была, так и осталась единственная улица, которую американские солдаты продлили от центра города до кладбища и леса, длиной в три мили. Все магазины и «променады» – по этой одной улице, названной в честь Линкольна. Крыши, когда-то почти все красного цвета, совсем выцвели, стены полиняли, повсюду бурьян. Развелось несметное количество бездомных собак. Псов в Ситке теперь больше, чем было саранчи в Египте, – говорили вернувшиеся в Сан-Франциско американцы. Похожие на волков, истощённые от голода, в поисках чего-нибудь съедобного, они устраивают в городе беспрерывный вой. Но лают не как обычные псы, а издают протяжный звук, похожий на плач совсем отчаявшегося человека. А ночью оголодавшие собаки «устраивают такие концерты, что если бы одновременно включились свистки десяти тысяч пароходов и ещё скрежет десяти тысяч пил, всё равно этот звук был бы приятней, чем такой тяжёлый вой».

И даже солнце, казалось, то не садится вовсе, а когда, наконец, идёт на закат, то лишь прячется немножко за горизонтом, и повсюду остаётся светло. Люди закрывают окна плотными занавесями, как могут, чтобы заснуть в темноте. А потом приходит зима, и всё происходит на оборот: солнце, только показавшись на пару часов, садится, и наступают долгие тёмные ночи, страшно тёмные. И дождь, и снег не прекращаются неделями, и не выйти наружу хоть с малейшим чувством какого-то комфорта. Летом снег не успевает растаять в горах, но никогда не холодно, так чтоб холодно, и никогда не тепло, ибо близко океан...

ЧИКАГО – КИЕВ

Варвара
КОРЯКИНА

Слушающая Вечность

Виктория Павловна села на пригретый солнцем тёплый большой и гладкий камень. Она смотрела, как перекатываясь, ударяясь о камни, бурлит горная речка с чистой ледяной водой, как по бездонному ясному небу плывут пушистые облака. Вдыхала аромат цветущей хвои лиственниц и едва доносящийся из леса пьянящий запах цветов багульника. В этом прекрасном своей первозданной прелестью мире не ощущалось время, женщина чувствовала, что она растворена в вечности и безмятежной красоте цветущего лета. Эти горы, эти деревья, эта река и даже жужжащий над золотыми одуванчиками шмель знали её под красивым и нежным именем Лэрэдо-Мотылёк. Так её певучим, необыкновенно тёплым, голосом звала бабушка, так до сих пор зовут сородичи на стойбище, так её зовёт родная тайга, когда она погружённая в свои заботы, живёт в каменном многолюдном городе, и тогда щемлящая тоска вселяется в её душе. А в шумном городе её величают Викторией Павловной...

Лэрэдо знала, что её всегда ждёт тихий уютный мир, где реальность людей и Вселенная сливаются, и Вселенная голосом её бабушки шепчет ей: «Лэрэдо-Мотылёк, девочка моя, рождённая с нежной и лёгкой, летающей душой, подобной хрупким крыльям бабочки, я всегда оберегаю тебя...». И этот ловимый душой шёпот вселял в неё надежду, когда ей было плохо, такой близкий, но в то же время далёкий родной мир успокаивал её.

Сидя на берегу, слушая шум воды, утопая в лучах вечеряющего солнца, женщина вспоминала детство и бабушку свою Имаану, её ласковые шершавые, греющие особой теплотой, руки.

Летом в стойбище хорошо. Маленькая Лэрэдо спит в тордохе со своей бабушкой, её сладкое и тихое дыхание умиротворяет засыпающую девочку. Иногда по ночам Лэрэдо просыпалась и слышала, как мягко ходят олени вокруг, изредка будто бы покашливают тихо, словно боясь тревожить ночной покой, царящий в этом безоблачном безмятежном мире. От этих ночных звуков становилось так хорошо на душе. Девочка чувст-

вовала себя защищённой и безгранично счастливой.

Утром её будил ни с чем не сравнимый вкусный запах бабушкиных лепёшек и сладкий с ноткой кислинки аромат варенья из морошки. Увидев, что внучка зашевелилась, Имаана, слегка протягивая слова, говорила: «Лэрэдоо, птенчик мой, вставай, иди к речке умываться, поздоровайся с солнышком, с деревьями, с оленями, с сородичами. Скажи всему миру, что ты проснулась и радуйся новому чудесному дню». Девочка выходила на свет из полутёмного чума, зажмуривала глаза и дарила счастливую улыбку всему миру. Потом она бежала по проторённой тропинке к речке. Холодная вода освежала и очищала, дарила неповторимое ощущение.

Лэрэдо-Вика была городским ребёнком, поэтому дети в стойбище сначала её сторонились, потом поняли, что она такая же, как они, стали с ней дружить. И бабушка ветврач Елизавета Петровна-Имаана тоже жила в городе, только часто выезжала на стойбища делать прививки оленям, осматривать их, а лето-отпуск проводила в своём родном месте, где испокон веков жили её предки и пасли своих оленей.

03 / 2017

Родители Лэрэдо жили и учились в далёком красивом городе, куда на Новый год ездила она с бабушкой. Маму зовут Лариса, у неё нет нежного звучного эвенкийского имени и не любила она ездить по стойбищам. Мама у Вики очень красивая, высокая, стройная, ухоженная, всегда одета со вкусом. Папу зовут Павел, тоже высокий и крупный, улыбчивый и добрый. Девочка скучала по родителям. Поженились они ещё в студенческие годы, на третьем курсе родили Виду, учёбу закончили и поступили в аспирантуру. Дедушка Лэрэдо тоже был своего рода учёным, учителем истории, изучал свой родной край, но рано ушёл из жизни.

Долгими зимними вечерами Имаана рассказывала удивительные сказки, собранные дедушкой Алексеем-Дугулчаан. В рассказах бабушки оживали удивительные сказочные миры и необычные герои былых времён.

Певучим голосом Имаана говорила:

«В каждом дуновении ветра слышится говор исчезнувшего племени, в каждом шелесте деревьев таятся слова улетевших в даль веков великих народов... Но они здесь, Мать-Земля хранит память обо всех...».

ЖИВАЯ ВОДА

Бабушка Имаана выглядела очень молодо и была легка на подъём. Когда Лэрэдо было пять лет, бабушке было пятьдесят с лишним, но люди ей давали не больше тридцати пяти лет. Свою красивую молоджавую внешность Елизавета Петровна объясняла тем, что она часто купается в «живой воде», которой богаты её родные края. И однажды Имаана рассказала маленькой Лэрэдо удивительные легенды об этих источниках минеральных живительных вод.

«Давным-давно в незапамятные времена в этих местах жил богатый эвенкийский род нюрмаган. У вождя рода было семь дочерей и не было сыновей. И однажды на закате лет боги даровали ему сына. Но ребёнок родился болезненным и покрытым струпьями. Сколько знахарей и шаманов пытались вылечить малыша, вроде бы язвы заживали, но спустя некоторое время опять появлялись. Нюрмаганы кочевали по всей Южной Якутии и однажды во время переезда малыш выпал из люльки. Сначала не заметили, что ребёнок выпал, потом услышали весёлый смех малыша и плеск воды, и обернулись. Давно не слышали родители звонкий смех своего сыночка, зудящие раны так беспокоили, что малыш всё время плакал и капризничал.

А тут сидит мальчик посреди неглубокого родника с тёплой ласкающей водой, бьёт по воде, плещается и задорно хохочет. На глазах умиленной матери выступили слёзы счастья. После этого купания малыш спокойно спал всю ночь, а на утро болячки покрылись корочкой и стали заживать. Род нюрмаган целое лето провёл у живительного родника. Каждый день купали малыша в целебном источнике. К зиме мальчик полностью выздоровел. С тех пор эти источники стали почитаться как священные места. Мальчик вырос и

стал вождём своего рода, отважным, смелым и сильным. И народная молва из уст в уста из века в век стала передавать тайну живительных горных ключей.

Ещё до этого рассказанного в распространённой легенде случая о выздоровлении сына вождя рода нюрмаган, были удивительные рассказы охотников, наблюдавших за ранеными оленями и лосями. Окровавленные животные, собрав последние силы, добивались до таинственных горячих ключей, окунались в ручейки и озёрца, куда стекалась целебная вода, и раны заживали очень быстро. Их природное чутьё знало, что в этих запрятанных в горах ручьях течёт особенная вода.

С тех пор великие шаманы древнейших эвенкийских родов нюрмаган, пуэгир и бюлю стали почитать и охранять эти заповедные места, совершали обряды и берегли от чужаков эти дары богов.

Было ещё одно прекрасное предание об этих загадочных источниках живой воды.

В одном роду, неизвестно в каком, за туманами веков, когда эвенки были могущественны, когда у них были великие князья и в те далёкие времена лучшие сыны этого гордого и благородного народа управляли провинциями Поднебесной, жила девушка неопишуемой красоты. Днём она сияла подобно солнечным лучам, а лунной ночью она затмевала свет Луны красотой прекрасного лица. И звали красавицу Аэврит. Влюбился в эту юную чарующую красавицу император одной большой провинции Китая. Послал он сватов к родителям девушки, всё сделал честь по чести. Престарелые родители Аэврит не могли отказать Его Величеству – наместнику богов на Земле. Соглашение было заключено, калым оплачен, назначена дата свадьбы на осень.

Жарким чудесным летним днём юная Аэврит сидела у прохладного горного ручья, пела серебристым проникновенным голосом песню о красоте родной природы и обрабатывала оленью шкуру. Её чудесный голос услышал проезжавший мимо молодой отважный охотник Мэндэ. Его очаровал голос поющей девушки. Он из-за кустов наблюдал за прекрасной певуньей. Спиной к

нему сидела девушка с точёным гибким станом, по спине струилась густая длинная цвета воронова крыла коса, и конец роскошной косы, украшенной косоплеткой, лежал на п р и б р е ж н ы х камнях. Почувствовав чужой взгляд на себе, красавица обернулась. Юноша Мэндэ оторопел от неземной красоты девушки, словно девственный снег на высоких вершинах гор была белоли-

ка, бездонные тёмные, как омут глаза, были ярче зимних звёзд, свежие губы цвета алой утренней зари приоткрыты в удивлении, румянец на девичьих щеках нежнее розового рассвета. Влюбился Мэндэ с первого взгляда в девушку удивительной редкой красоты.

Вышел юноша из своего укрытия к девушке. Юная красавица потупила взор. Мэндэ подошёл к девушке и спросил:

- Как тебя зовут, прекрасная дева?
- Аяврит, – ответила девушка, улыбаясь.
- А тебя как величают отважный юноша?
- Мэндэ нарекли меня мои родители.

Долго гуляли вдоль речки юноша и девушка. В их юных сердцах зародилось удивительное, прекрасное и нежное, как первый подснежник, вобравший в себя весеннюю небесную синь, выросший сквозь лёд и снег, чувство.

Юноша обещал осенью вернуться за прекрасной девой и увезти её далеко-далеко, на свою родину. Юная Аэврит не успела сказать благодарному и отважному охотнику, что она уже обручена. Молодой охотник так быстро и ловко сел на ухаха-оленья и ускакал.

Аэврит утаила от родителей встречу с молодым охотником, который затронул её юное девичье сердце.

Наступила осень. Император северной провинции Поднебесной прислал свадебный караван за своей красавицей-невестой. Был проведён обряд проводов невесты, попрощалась прекрасная Аэврит со своими старыми родителями, залилась горячими слезами. Но сказанное слово и произнесённое вслух обещание не нарушимы, суждено было юной Аяврит стать женой императора. Тронулась богатая процессия в дальний путь.

Опоздав лишь на сутки, приехал в стойбище, где жила красавица Аяврит, смелый и храбрый молодой охотник Мэндэ. Юноша узнав, что его

возлюбленная уже была обручена, сначала отчаялся. Но любовь к прекрасной Аэврит была настолько сильна, что отважный юноша смог перебить все свои страхи и сомнения. Отчаянный и бесстрашный Мэндэ решился догнать возлюбленную и выкрасть её, увезти в дальние дали, скрыться в труднодоступных горах Станового хребта и начать новую счастливую жизнь.

На третьи сутки пути Мэндэ догнал караван. Своих оленей оставил в другом месте и ночью тайком пробрался к повозке, где спала юная Аяврит. Услышав голос возлюбленного, красавица встрепенулась, обрадовалась. Под покровом ночи влюблённые сбежали.

Наутро обнаружили пропажу, исчезла невеста императора. Никто ничего не знал, никто никого не видел, ни один чужак не приближался к каравану. Ужас охватил воинов, сопровождавших невесту властелина. Они рассыпались по тайге в поисках сбежавшей красавицы. Один из воинов, опытный и пытливый, увидел следы оленей, ушедших в сторону гор вдоль реки. Отряд воинов помчался в погоню за беглецами. Вскоре они догнали юношу и девушку. Меткий стрелок прицелился в спину молодого охотника и выстрелил острой пронзительной стрелой, прострелил насквозь и попал прямо в сердце. Упал замертво отважный юноша на землю, хлестала ключом горячая кровь из его раны. Нагнулась над умирающим возлюбленным красавица-дева, и залилась горячими слезами, которые текли из её прекрасных глаз ручьями. Оканемели от горя Аэврит и Мэндэ. Догнавшие китайские воины застыли в недоумении и тоже превратились в камни. Говорят, где-то в горах есть семь скал, очертанием напоминающих воинов, и камни, похожие на юношу и девушку, заключивших друг друга в объятия на вечные века, которых не смогла разлучить даже смерть.

Кровь Мэндэ и слёзы Аэврит превратились в горячий источник. Вода, рождённая из крови сердца, наполненного неземной любовью, и чистейших слёз, оплакивающих несостоявшееся великое чувство, стала обладать целебной силой и дарила энергию жизни.

Такова печальная и красивая легенда о живой воде, которая бьёт горячим ключом в наших краях», – закончила свой долгий рассказ Имаана.

В воображении Лэрэдо оживали яркие образы былых легенд, она всем существом ощущала то далёкое время, куда можно было попасть только на крыльях мечтаний и грёз. Предания предков не были похожи на волшебные сказки, которые ей читала из ярких и глянцевых книжек бабушка. Они были особенные, пронизанные запахом тайги, журчаньем горных речек, дымом костра и ещё чем-то неуловимо прекрасным и родным, от чего на груди рождалась необыкновенно тёплая волна, трепетно и медленно распространялась по всему телу, обволакивая сознание ожиданием чуда и безмерного счастья.

Иван МЕДВЕДЕВ

ПЛАВАНИЕ «ЖАННЕТТА»

Многие путешественники, пытавшиеся проникнуть к центру Арктики, видели за дрейфующими льдами Северного Ледовитого океана обширные пространства открытой воды – до самого горизонта. Постепенно сложилась легенда о нескованных льдом морях в околополюсном районе, где в зоне умеренного климата может располагаться целый материк. Эту гипотезу поддерживали и защищали многие видные учёные и исследователи XIX века.

ЭКСПЕДИЦИЯ НОВОГО ТИПА

Полярники, пробывавшиеся в высокие широты через западную часть Северного Ледовитого океана, сталкивались с мощным потоком льда, выносимым из океана встречным течением. Поэтому родилась другая идея – идти не навстречу льдам, а совершить пассивный дрейф вместе с ними с противоположной стороны океана – восточной, через Берингов пролив. Предполагалось, что тёплое попутное течение из Тихого океана проникает в Северный Ледовитый океан достаточно далеко. Казалось вероятным, что в его русле можно достичь рекордно высоких широт, где находятся свободные ото льда моря и загадочный материк. Высказывались авторитетные предположения, что на макушке планеты располагается зона с жарким климатом, «источником которого служит центр земли».

Спонсором необычной экспедиции выступил владелец крупной американской газеты «Нью-Йорк Геральд» Джеймс Беннетт. Из 1300 кандидатов специальная комиссия отобрала тридцать самых лучших американских моряков. В июле 1879 года шхуна «Жаннетта» под командованием лейтенанта Джорджа Вашингтона де Лонга направилась из Сан-Франциско к Берингову проливу. Мало кто сомневался в успехе этого предприятия: считалось, что можно достигнуть намеченной цели за одну навигацию. На борт судна даже взяли специальный медный ящик с выгравированными именами участников экспедиции, который капитан корабля намеревался оставить на Северном полюсе.

ЛЕДОВЫЙ ПЛЕН

По пути «Жаннетта» сделала остановку на Аляске, где на борт судна погрузили собак, сани, лодки. Затем шхуна взяла курс на остров Врангеля. В те времена его считали выступом арктического материка или частью большого архипелага, протянувшегося цепочкой островов до самого полюса. План был таков: если льды остановят судно, американские моряки предпримут санный поход к полюсу по этой суше.

Но уже первые дни плавания в Северном Ледовитом океане показали, что на деле не всё идёт так просто. Миновав Берингов пролив, «Жаннетта» почти сразу же оказалась зажатой льдами, и

начался дрейф в северо-западном направлении. Де Лонг надеялся, что ледовый плен продлится недолго, что шторм разобьёт льды, и судно сможет продолжить путь по намеченному маршруту. Но надежды не оправдались. Вскоре «Жаннетта» окончательно вмёрзла в ледовый панцирь. Ничего не оставалось, как дрейфовать на северо-запад в окружении бескрайних ледяных полей. «Только землетрясение может высвободить нас», – с горечью отметил в дневнике капитан корабля.

В тайне де Лонг верил, что «Жаннетта» принесёт к неизвестной земле волею случая, как это случилось шесть лет назад с австрийским судном «Тегетхоф» под командованием Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера, когда те открыли огромный архипелаг и назвали его Землёй Франца Иосифа. Верил, что его ждут великие открытия, сравнимые с плаваниями Колумба.

Проходили месяцы. «Жаннетта», запорошённая снегом и инеем, одинокая в белой безбрежной пустыни, медленно двигалась со льдами по непроторённым океанским дорогам. Время от времени в ясные дни далеко на юге появлялись смутные очертания призрачных берегов. Де Лонг не сомневался, что это земля, а не мираж, но всё же не рискнул отправить отряд на разведку: приближалась полярная ночь, метели и морозы усиливались с каждым днём.

Начались подвижки льда, а потом мощное толчок. Лыдины высотой до семи метров, двигаясь в разных направлениях, с грохотом и скрежетом громоздились друг на друга, кругом ухало, выло, трещало и дрожало, как при артиллерийской канонаде. В воздухе, словно снаряды, пролетали осколки разбитого льда. Вспученные валы, перемалывая льдину и сметая всё на своём пути, приближались к кораблю всё ближе и ближе. В предчувствии катастрофы американские моряки спали одетыми, если можно назвать сном тревожное забытие на линии фронта. Де Лонг распорядился приготовить на палубе сани с запасом продовольствия и снаряжения на случай, если придётся срочно покинуть судно. Но всё обошлось. Лёд внезапно расступился, и «Жаннетта» вышла на чистую воду. Однако, оказаться на плаву среди движущихся льдов было не менее опасно, и капитан поспешил снова поставить корабль «на прикол» в молодое ледяное поле.

Джордж де Лонг рассчитывал, что к лету лёд растает, судно вырвется из оков и уйдёт на большие

Джордж Вашингтон де Лонг

океанские просторы, где более разреженный лёд не будет представлять серьёзных препятствий для плавания в район полюса. Но этого не случилось. Летнее полярное солнце не смогло растопить окружающие корабль льды.

Начался второй год дрейфа. Появились первые больные. Де Лонга всё чаще начали посещать мрачные мысли и приступы меланхолии. Вторая зимовка оказалась не менее сложной, но экипаж уже привык к атакам вздыбленных торосов и относился к ним гораздо спокойнее, чем в прошедшем году. Уже четырнадцать месяцев моряки не видели вокруг ничего, кроме снега и льда. Воспоминания о земле, траве и деревьях казались такими же далёкими как воспоминания детства, словно всё это было на другой планете. Во время затишья возникало ощущение, что весь мир состоит из белого сурового безмолвия.

ГИБЕЛЬ «ЖАННЕТТЫ»

16 мая 1881 года, после двадцати месяцев дрейфа, на западе показалась земля. И хотя это был всего лишь небольшой скалистый остров, его открытие вселило в американских моряков новые надежды. Через восемь дней появился ещё один остров. Воспрянувший духом капитан надеялся, что за островами, получившими названия Жаннетты и Генриетты, наконец, откроется долгожданный арктический материк. Через две недели ледяное поле, в котором дрейфовал корабль, пришло в движение, и судно, опасно накренив-

шись, задрожало как в лихорадке. Затем последовал мощный удар. Подводная льдина протаранила судно, и в машинное отделение хлынула вода. Разрыв в корпусе увеличивался с каждой секундой. «Жаннетта» начала раскалываться на две части. Капитан приказал выгрузить на льдину заготовленный на случай катастрофы запас снаряжения и продовольствия. Как только вся команда оказалась на льду, судно затонуло.

К БЕРЕГАМ СИБИРИ

В распоряжении потерпевших крушение моряков осталось пять саней, четыре шлюпки, 23 собаки и запас продовольствия на два месяца. Де Лонг принял решение пробиваться на юг к устью сибирской реки Лена, до которой было 1200 километров.

Походу по дрейфующим льдам препятствовали торосы, разводья, туманы, штормовые ветры, рыхлый снег. То и дело приходилось устраивать переправы, прорубаться сквозь частокол вздыбленных ребристых льдин, впрягаться вместе с собаками в тяжело нагруженные сани. В день удавалось проходить от двух до десяти километров. На пути попадались целые озёра талой воды, которые преодолевали вброд – по колено в холодной воде. Риск поскользнуться и упасть в полынью между льдинами расценивался как неизбежный атрибут опасного путешествия. Однажды в разводье угодил и сам де Лонг. Бросившийся на помощь моряк принял бакенбарды капитана за капюшон одежды, ухватился за них, мгновенно извлёк де Лонга из воды, чуть не свернув капитану голову.

На одной из стоянок капитан определил место положения лагеря. К его удивлению и отчаянию оказалось, что дрейфующие льды отнесли экспедицию ещё дальше на север. Тяжёлые труды и неустанные стремления достичь берегов Сибири перечеркнули непредсказуемые силы безжалостной природы. К счастью, ветер скоро переменялся и стал отжимать льды к югу.

Поход затягивался, ежедневный рацион пришлось урезать вдвое.

Через месяц изнуряющего пути с вершины высокого тороса де Лонг увидел в бинокль ещё один неизвестный географической науке остров, который назвал именем Беннетта – спонсора экспедиции. Предвкушая отдых, моряки устремились к открытой земле. И как раз вовремя. Едва они оказались на суше, как покинутая людьми льдина разломилась надвое и перевернулась.

За островом Беннетта до самого горизонта к югу простиралось открытое море. Набравшись сил, моряки разделились на три группы и дальше поплыли на шлюпках.

В одну из ночей разыгрался шторм. В темноте лодки разлучились и больше никогда не встретились. Группа под командованием механика Мелвилла высадилась в устье Лены. Американцам удалось добраться до поселений эвенков, которые доставили обессиленных путешественников в посёлок Булун.

СУДЬБА КАПИТАНА ДЕ ЛОНГА

О судьбе двух других шлюпок, одной из которых командовал сам капитан де Лонг, ничего не было известно. Организованные Мелвиллом поиски оказались безуспешными, но он продолжал ждать и надеяться.

Две недели спустя до посёлка дотащились два обмороженных и истощённых матроса из шлюпки де Лонга. Посланные капитаном на разведку, они рассказали, что их группа высадилась в устье большой реки и находится на грани голодной смерти.

Мелвилл с местными жителями поспешил на помощь. Спасатели прочёсывали многочисленные рукава Лены, но наткнулись только на брошенные стоянки, а наступление зимних метелей сделали дальнейшие поиски бессмысленными.

Третья шлюпка пропала без вести.

Только следующей весной Мелвиллу удалось обнаружить последнее пристанище капитана де Лонга. Так и не дождавшись помощи, группа погибла от голода на острове Барон Бельской в устье Лены. Рядом с телом капитана лежал его дневник. Скупые строки рассказали о разыгравшейся

трагедии: «Еда закончилась, дров мало, ночуем под открытым небом. Съедаем куски оленьей кожи. Снова провалился под лёд, высушиться не представляется возможным. На обед сварили две пригоршни полярной ивы. На ужин – кружка горячей воды с двадцатью граммами спирта. Сто сороковой день экспедиции. От посланных матросов нет никаких вестей... Истощены окончательно. Дальше идти нет сил. Ждём спасения лишь от чуда...».

ЖЕРТВА ВО ИМЯ ИСТИНЫ

Суровая Арктика не спешила раскрывать свои тайны даже самым отважным полярникам. Капитан де Лонг пал жертвой не только суровых условий и жестоких обстоятельств, но и географических заблуждений своего времени. Истина рождалась в борьбе, жертвенном служении науке. Трагическое плавание «Жаннетты» обогатило бесценным опытом и знаниями многие последующие экспедиции в высокие широты, а имя Джорджа Вашингтона де Лонга увековечено в названии открытой им группы островов в море Лаптевых.

История изучения Арктики богата удивительно смелыми проектами, героическими подвигами и проявлениями мощи человеческого духа. Яркое тому подтверждение – путешествия норвежского исследователя Фритьофа Нансена, навсегда вошедшие в золотой фонд летописи Севера.

ВИКИНГ ПОЛЯРНЫХ МОРЕЙ

ЧЕМПИОН НОРВЕГИИ

Фритьоф Нансен родился 10 октября 1861 года в имении Стуре-Фреён, вблизи норвежской столицы Христиании (Осло). В школе юноша проявил блестящие способности к естественным наукам, серьёзно увлёкся бегом на коньках и лыжах. В 17 лет стал чемпионом Норвегии по конькобежному спорту, а в 19 побил мировой рекорд на дистанции одна миля. Двенадцать раз подряд выигрывал национальный чемпионат по лыжным гонкам.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В университете Фритьоф посвятил себя изучению зоологии. Будучи студентом второго курса, на китобойном судне «Викинг» Нансен совершил плавание к берегам Гренландии. В то время внутренние районы самого большого острова планеты оставались совершенно неизученными. Ещё никому не удалось проникнуть туда достаточно

далеко. Среди айсбергов, у берегов сурового и таинственного острова, в голове студента созрел план его первой экспедиции.

ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ

В 1888 году Нансен защитил докторскую диссертацию и начал готовиться к осуществлению своих дерзких замыслов. Он решил пересечь Гренландию. Многие учёные полагали, что в глубине острова могли находиться «оазисы» – луга и даже леса на свободной ото льда земле.

План молодого исследователя Арктики состоял в том, чтобы высадиться на необитаемом восточном побережье и идти к поселениям на западном берегу острова. Нансен сознательно «сжигал» за собой все корабли. Чтобы выжить, ему придётся в тяжелейших условиях преодолеть 600 км и дойти до цели. Скептики считали, что амбициозный молодой полярник, не имевший опыта подобных походов, обрекает себя на гибель.

К опасному путешествию Нансен очень хорошо подготовился, лично разработал и заказал снаря-

Фритъоф Нансен и «Фрам»

жение, предусмотрел каждую мелочь. Выбрал себе в спутники пятерых опытных лыжников.

В августе 1888 года из фьорда Умивик экспедиция отправилась в путь, которым ещё не ходил ни один человек. Подъём на ледники Гренландии сопровождался холодными ливнями и пронизывающим ветром, потом ударили сорокоградусные морозы и начались снежные метели. Ветер достигал такой силы, что местами приходилось передвигаться ползком. Нансен не щадил ни себя, ни спутников. Вперёд, и только вперёд! Он шёл за победой.

Используя силу попутного ветра, полярники установили на нарты брезентовые паруса. 5 сентября экспедиция достигла самой высокой точки ледяного купола острова – 2716 метров над уровнем моря. Дорога пошла под уклон. Однажды в сумерках путешественники, подгоняемые сильным ветром, напоролись на широкую трещину и с большим трудом остановили свои «корабли» на краю пропасти. Через сорок дней пути экспедиция добралась до селения Готхоб на западном берегу Гренландии. Никаких «оазисов» в центре острова не существовало. Только мощный ледяной панцирь, скованный вечными морозами и горными цепями.

В Норвегии Нансена встретили как национального героя. Одного этого подвига хватило бы, чтобы почивать на лаврах до конца жизни. Но отважный полярный викинг вынашивал планы ещё более грандиозной и опасной экспедиции.

ЛЮБОПЫТНЫЕ НАХОДКИ

В 1884 году на плавающей льдине у юго-западных берегов Гренландии были найдены предметы с американской шхуны «Жанетта», раздавленной льдами в районе Новосибирских островов тремя годами ранее. Каким образом вещи американских моряков через Северный Ледовитый океан попали в другую часть света? Занимаясь изучением этого вопроса, Нансен установил, что плавник, примеси почвы и микроскопическая растительность в морском льду у острова Гренландия в значительной степени имеют сибирское происхождение.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Нансен сделал вывод: существует течение, направленное от берегов Сибири в Северную Атлантику, которое проходит через околополюсную область. Чтобы достичь Северного полюса совсем не обязательно бороться с суровыми и могучими силами природы, как это делали моряки «Жанетты». Надо построить надежное судно и отдаться дрейфу вместе со льдами! В Англии виднейшие полярные авторитеты сочли идею Нансена «чистым безумием» и «проектом бессмысленного самоубийства». Но Норвегия верила в своего героя. На правительственные ассигнования и частные пожертвования Фритъоф Нансен приступил к осуществлению замысла по смелости и оригинальности не имевшего равных в истории полярных исследований.

ИМЯ ЕМУ – «ФРАМ»

Для необычного плавания требовался корабль совершенно особой конструкции. На верфи Колина Арчера норвежские корабли построили судно, напоминавшего формой продольно разрезанное яйцо. Нансен считал, что под натиском льдов корабль с округлыми боками будет выдавливаться вверх. Судно оснастили последним достижением техники – электроосветительным оборудованием. На борт погрузили топливо и разнообразное продовольствие из расчета на пять лет плавания.

В октябре 1892 года корабль необычной формы торжественно спустили на воду. Жена Нансена певица Ева Сарс разбила о его борт бутылку шампанского и звонким ясным голосом произнесла: «Имя ему – «Фрам». Это было слово, которому Нансен неуклонно следовал в жизни. По-русски оно означает – «Вперёд».

В СТРАНЕ ДРЕЙФУЮЩИХ ЛЬДОВ

В июле 1893 года «Фрам» покинул берега Норвегии. Через два месяца он вмерз во льды северо-западнее Новосибирских островов. Начался беспрецедентный трансарктический дрейф. На борту судна находилось тринадцать

человек. Кораблем командовал капитан Отто Свердруп.

На судне соблюдался строгий режим, круглосуточно велись метеорологические, океанографические, геофизические наблюдения. Никто не сидел без дела. Нансен подобрал на удивление психологически совместимый экипаж единомышленников. В каютах было тепло и уютно, люди не чувствовали себя одинокими и заброшенными среди белой пустыни океана.

Когда начались подвижки льда, «Фрам» с честью выдержал все испытания. Окружённое многотонными семиметровыми торосами судно каждый раз выскальзывало из смертоносных объятий как угорь и подминало под себя глыбы льда.

«Фрам» дрейфовал в северо-западном направлении. Через год стало ясно, что его пронесёт мимо и довольно далеко от полюса. Почему льды не движутся прямо на север? Может быть, там есть земля, неоткрытый материк? В сторону полюса простирались ровные ледовые поля. «Фрам» отделяло от макушки планеты 700 км.

В начале 1895 года Нансен принял решение покинуть судно, достигнуть Северного полюса на собачьих упряжках, после чего самостоятельно добраться через Землю Франца-Иосифа до поселений на архипелаге Шпицберген. Спутником Нансена в этом походе стал лейтенант Ялмар Йохансен.

К ПОЛЮСУ НА ЛЫЖАХ

Очень скоро гладкий лёд сменился частоколом торосов. Нансену и Йохансену пришлось впрягаться в сани вместе с собаками и, обливаясь по-

том, перетаскивать гружёные нарты через нагромождения льдин. Чем дальше к северу, тем труднее становился путь. К ледовым барьерам добавились полыньи.

К концу дня пропитанная потом одежда смерзлась и становилась твёрдой и жёсткой, как рыцарские доспехи. Вечером её невозможно было снять. Оттаивать одежду удавалось лишь в спальном мешке во время ночёвок, прямо на себе. Обложенные холодным «компрессом» с головы до ног, путники часами дрожали от озноба.

Ледовый хаос усиливался, в воздухе висел туман, видимость была почти нулевой. Тонкий слой снега предательски скрывал трещины и впадины на льду. Малейшая неосторожность – и перелом ноги покажется лучшим исходом. Вперёд продвигались черепашим темпом. Юхансон два раза провалился в полынью.

Полярники напрягали все силы, а расстояние до полюса не уменьшалось: льды относили путников к югу. Нансен взобрался на самый высокий торос. К северу до самого горизонта простирался такой же ледовый хаос. Идти дальше не имело смысла. Даже если они и достигнут Северного полюса, до которого оставалось 400 километров, им не хватит продовольствия на обратную дорогу. На 86°14' северной широты норвежцы решили возвращаться. До Нансена ещё никому не удавалось так далеко продвинуться на север.

ЗЕМЛЯ ГИЛЛИСА

До ближайшей земли они добирались четыре месяца, преодолев около 1000 километров. Когда продовольствие почти закончилось, начали по-

Нансен и Йохансен покидают «Фрам»

падаться моржи и белые медведи. Охота на медведей была очень опасна, так как хищники зачастую сами нападали на людей. Остановился хронометр, и Нансен не мог точно определять своё местоположение. Когда отважные исследователи наконец-то дошли до одетой в хрусталь ледника суши, они решили, что это Земля Гиллиса¹. Здесь им пришлось застрелить двух последних собак. Норвежцы продолжали пробиваться на юг пешком по льду и на каяках по воде.

Короткое полярное лето подходило к концу. Налетели метели. Побережье завалило выброшенными морем глыбами льда. Стало ясно, что до наступления полярной ночи достичь Шпицбергена не удастся. Надо готовиться к зимовке.

ЗИМНЯЯ БЕРЛОГА

Нансен и Юхансон сложили из камней небольшую хижину, уплотнили стены гравием, проконопатили мхом, сверху покрыли медвежьими шкурами. Заготовив большой запас мяса, сала и жира, полярники заползли в свою берлогу. За время долгой зимовки они сшили себе из шкур животных новую одежду и обувь – старая совсем износилась. Путешественники приручили песцов, которые скрашивали одиночество и долгое ожидание весны. Чтобы убить время, полярники старались больше спать. Через восемь месяцев, 19 мая 1896 года, они продолжили свой путь.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды во время привала лодки оторвало от берега. Их уносило в открытое море со всем имуществом путешественников. Нансен бросился в

ледяную воду и с огромным риском для жизни вплавь догнал каяки.

Ещё через несколько дней пути в затянутом туманом проливе пришлось дать морское сражение моржам – те огромными клыками пытались опрокинуть проплывавшие по их владениям лодки непрошенных гостей.

Утром 17 июня Нансен взобрался на высокий торос, чтобы осмотреть окрестности. Неожиданно до слуха путешественника донёлся собачий лай. Нансен вздрогнул. Неужели показалось? Нет, снова где-то залаяла собака, а потом послышался человеческий голос! Сердце полярника заколотилось, кровь прилила в голову. Глотнув воздуха, Нансен закричал во всю силу своих лёгких. Вскоре между торосами показался тёмный силуэт собаки. А за ней... за ней шёл человек! Им оказался Фредерик Джексон, глава английской экспедиции на Земле Франца-Иосифа.

На мысе Флора англичане оборудовали базу и уже два года занимались изучением архипелага. Джексон любезно приютил отважных норвежцев и сказал, что со дня на день ожидает корабль, который доставит Нансена и его спутника домой.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТРИУМФ

13 августа 1896 года на пароходе «Уиндворд» Нансен прибыл в норвежский порт Вардё. В тот же день закончился трехлетний трансарктический дрейф «Фрама». Севернее Шпицбергена он сбросил ледовые оковы и направился в норвежский порт Тромсё. Все члены экипажа были живы и здоровы.

Благополучное возвращение экспедиции, которую уже считали погибшей, вылилось в Норвегии в национальный триумф.

Более ста лет десятки экспедиций безуспешно пытались достигнуть Северного полюса на судах – по воде или в пассивном дрейфе среди льдов, на санях или пешком. В конце XIX века шведский инженер Саломон Андре предложил новую идею: долететь до полюса на воздушном шаре!

К ПОЛЮСУ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

АНДРЕ

Саломон Август Андре родился 18 октября 1854 года на юге Швеции в многодетной семье аптекаря. С блеском окончил Высшую техническую школу в Стокгольме. В 1876 году молодой инженер посетил Всемирную выставку в Филадельфии (США).

¹ Загадочная полулегендарная земля, на предполагаемом месте которой позже был открыт остров Белый в проливе между Шпицбергом и Землей Франца Иосифа.

Под влиянием американского воздухоплавателя Джона Уайза он увлёкся авиацией. В составе международной научной экспедиции на Шпицбергене Андре изучал атмосферное электричество и направление воздушных потоков. Определив, что за Полярным кругом преобладают южные ветры, он решил достичь Северного полюса на воздушном шаре и выяснить, что находится на макушке планеты – земля, открытый океан или ледяная пустыня?

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ ВЕКА

В 1892 году Андре выступил со своей идеей в шведской Академии наук. Его поддержали многие видные учёные и известные полярные путешественники. Андре получил денежную субсидию и приобрёл воздушный шар «Свеа», на котором совершил серию пробных полётов и установил на тот момент рекорды дальности (400 км) и высоты (4087 м). Для управления шаром Андре предложил систему парусов и гайдропы – свисающие с гондолы тяжёлые, волочащиеся по земле канаты, масса и трение которых о поверхность позволяла частично контролировать высоту и курс движения шара в пределах 27° по обеим сторонам от направления воздушного потока.

На подготовку экспедиции требовалось 130 тысяч шведских крон. Чек на 65 тысяч выписал изобретатель динамита Альфред Нобель. По 30 тысяч внесли король Оскар и барон Диксон. Недостающую сумму в 5 тысяч крон пожертвовали супруги Ретциус.

По проекту Андре во Франции построили новый воздушный шар «Орёл» вместимостью 5100 м³ и грузоподъёмностью 3000 кг. В гондоле располагались каюты для трёх аэронавтов, кухня, подсобные помещения для продовольствия, снаряжения, саней и разборной лодки.

Местом старта Андре выбрал остров Датский в северной части архипелага Шпицберген. Отсюда до полюса было 1200 километров. Достигнув цели, Андрэ намеревался пролететь далее до Северной Америки или Сибири.

НАД АРКТИКОЙ

Два корабля доставили экспедицию на Шпицберген. Дикие берега огласились человеческими голосами и стуком молотков. Вспомогательная команда возвела ангар, где воздушный шар наполнили водородом.

Дождавшись попутного ветра, 11 июля 1897 года Соломон Андре, Кнут Френкель и Нильс Стринберг заняли свои места в гондоле. Под приветственные крики провожающих «Орёл» медленно поднялся на стометровую высоту, потом вдруг быстро начал опускаться. Гондола коснулась воды в заливе, воздушный шар подпрыгнул, снова взмыл в небо и исчез в облаках за ближайшим хребтом.

«Орёл» летел на высоте 700 метров. Внизу раскинулась слабо всхолмлённая ледяная пустыня с озёрцами талой воды. Когда аэронавты попадали в полосу тумана, и солнце скрывалось за облаками, воздушный шар резко терял высоту: с понижением температуры газ в нём сжимался, и подъёмная сила шара уменьшалась. Иногда приходилось сбрасывать мешки с балластом.

На второй день полёта пошёл мелкий дождь. Шар отяжелел и опускался всё ниже и ниже. Высота 430 метров. Температура упала до 0°. «Орёл» покрылся коркой льда, обнаружилась утечка газа. Высота 200 метров, 120, 75... Ночью гондола ударилась об лёд. Андре и его спутники выбросили

за борт весь балласт. Воздушный шар медленно набрал высоту, но ненадолго.

Обледенение оболочки шара усилилось. Гондола опять стукнулась об лёд, потом ещё и ещё... «Орёл» двигался прыжками, как кенгуру. За балластом последовала за борт часть снаряжения и 200 килограмм провианта. Воздушный шар поднялся, но уже через несколько часов снова начал снижаться, пока гондола окончательно не замерла на ледяном поле. Полёт, продолжавшийся 65 часов, закончился. Аэронавты преодолели около 500 километров, менее половины пути до полюса. Андре распорядился открыть клапаны, спустить газ и выгрузить на льдину снаряжение.

«Шарокрушение» произошло на 82°56' северной широты и 29°52' восточной долготы. В 350 километрах к западу находился Шпицберген, на таком же расстоянии к востоку лежала Земля Франца-Иосифа. На случай аварии и там и здесь вспомогательные отряды экспедиции заготовили склады продовольствия.

ХОЖДЕНИЕ МЕЖ ДВУХ АРХИПЕЛАГОВ

Шведские аэронавты отправились по льду к Земле Франца-Иосифа. Несмотря на неудачный полёт, чувствовали они себя хорошо и были полны оптимизма.

Трое отважных людей тащили тяжело гружённые нарты, переправлялись на лодке или льдине через полыньи, преодолевали торосы и трещины. После 10–12 часов каторжного труда шведы

Соломон Август Андре

ставили на высоком сухом месте палатку. Стринберг готовил еду, Френкель чинил снаряжение, Андре шёл вперёд разведать дорогу в лабиринте воды и льда. Потом обедали и укладывались спать в общий спальный мешок. Сквозь сон они слышали треск и ощущали содрогание льда.

Андре подстрелил белого медведя, и на ужин Стринберг подал жаркое. Мясо оказалось жилистым и жёстким.

– Андре, твой медведь самый старый в Арктике, – шутил Френкель.

– Ты прав, в следующий раз отоваримся в другой мясной лавке, – улыбался Андре.

Юмор и хорошее настроение не покидали полярников, хотя в их положении уже было не до шуток. Когда Стринберг взял высоту солнца и определил координаты, оказалось, что за две недели пути экспедиция почти не продвинулась на восток: океанское течение сносило льды на запад. И тогда Андре принял решение идти на Шпицберген.

Запасы продовольствия таяли. Сухарей осталось 12 килограмм. Медвежатину доели накануне. Обувь пришла в негодность. Френкель вывихнул колено, у Стринберга разболелся натёртый палец, Андре мучился желудком.

Переправившись через очередную полынью, Стринберг заметил трёх белых медведей. Андре, изображая тюленя, выполз приманкой на открытое место, но животные оказались равнодушны к этому отчаянному шоу. Тогда Стринберг и Френкель «пошли в атаку». Никому из медведей не удалось уйти. Угроза голода миновала.

В середине августа начался снегопад, ударили первые сильные морозы. Полыньи затянулись предательским молодым льдом, который под тяжестью путников проваливался. Купание в холодной воде стало почти ежедневным.

Стринберг в очередной раз определил местоположение экспедиции. Ему нечем было обрадовать товарищей: льды изменили направление дрейфа и теперь двигались на юго-восток. Шпицберген для попавших в оковы Арктики людей оказался столь же недостижим, как и Земля Франца-Иосифа.

Заканчивался полярный день, задули метели. Ничего не оставалось, как готовиться к зимовке во льдах. Выбрав большую прочную льдину, Андре и его спутники построили на ней ледяной трёхкомнатный дом.

16 сентября на западе показалась покрытая ледниками глыба скал – остров Белый. Он оказался удачным местом охоты на медведей и тюленей. Шведы заготовили солидный запас мяса. Но зимовать Андре решил всё же на дрейфующей льдине: он надеялся, что к весне их вынесет в район Шпицбергена.

К концу сентября льдина, на которой устроились зимовщики, оказалась у южной оконечности острова Белый. Окружающие льды напирали, раскалывались, громоздились друг на друга, образуя колоссальные торосы. 2 октября раздался треск и грохот, словно наступил конец света. Люди выбежали из дома. Их льдина раскололась и

уменьшилась до 20 метров в диаметре. Одна из трещин прошла прямо у стены жилища. Половина снаряжения оказалась на других обломках и уплыла в разные стороны.

Шведы решили перебазироваться на остров Белый. «Никто не потерял бодрость духа», – отметил в дневнике Андре.

ОСТРОВ БЕЛЫЙ

Спустя 33 года после описанных событий на острове Белый высадились норвежские моряки с промысловой шхуны «Братворг». Матрос Олаф Сален подобрал среди камней крышку от кастрюли. Внимательно осмотрев берег, норвежцы заметили торчащий из-под снега край брезента. Подёргав за него, они поняли, что это нос брезентовой лодки. Рядом валялся багор. На нём позеленевшая латунная табличка с надписью: «АНДРЕ».

Команда «Братворга» занялась раскопками. В лодке нашли два ружья, консервы, спички, компас, секстант... В десяти метрах от лодки лежал вмёрзший в лёд труп. Моряки сняли с него куртку, на подкладке которой сохранилась монограмма «А». Неподалёку норвежцы наткнулись на расщелину с захоронением. На пальце скелета обнаружили золотое кольцо с гравировкой: «Стринберг». Позже специальная шведская экспедиция рядом с останками Андре обнаружила истлевшее тело Кнута Френкеля.

В найденных дневниках аэронавтов записи о событиях на острове Белом почти не сохранились. Разыгравшаяся здесь драма, вероятно, навсегда останется тайной Арктики.

ВЕРСИИ

Три отважных шведа погибли не от голода: кроме заготовленного на зимовку мяса у них оставался неприкосновенный запас – шоколад и консервы. Возможных причин смерти несколько: замёрзли во сне; отравились угарным газом примуса; заразились трихинеллёзом – болезнью моржей, тюленей и белых медведей, мясо которых употреблялось в пищу. Нильс Стринберг скончался первым: его успели похоронить. Андре и Френкель, поскольку их останки нашли вне спального мешка, вдали от палатки, скорее всего, попали под снежную лавину – лагерь на острове Белом находился под скалой, с которой свисал ледник, покрытый толстым слоем снега.

ДАТЬ УВАЖЕНИЯ

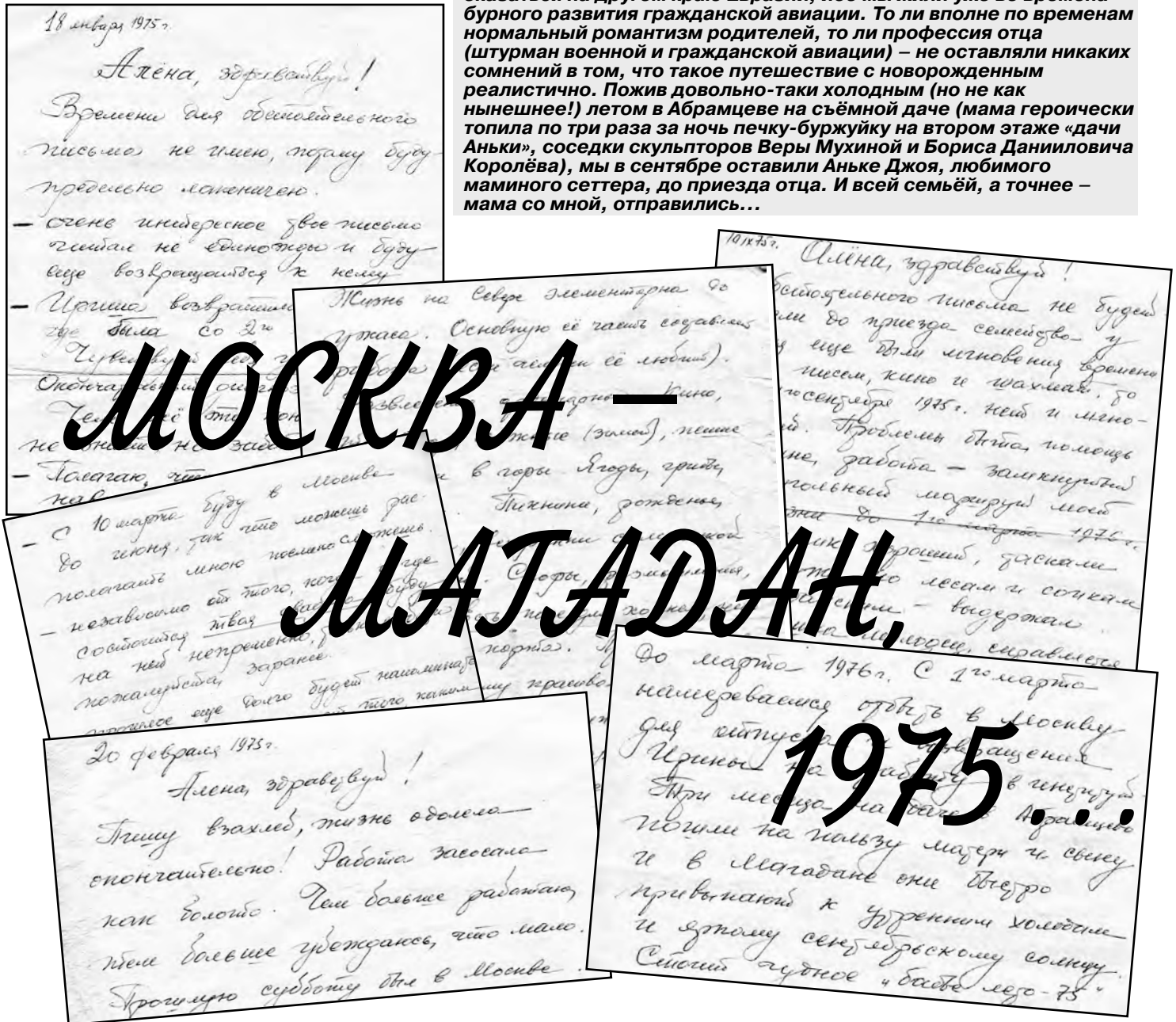
Канонерская лодка «Свенсксунд» доставила прах аэронавтов в Швецию. В гавани Стокгольма её сопровождал почётный эскорт из сотен моторных лодок.

Андре первым применил летательный аппарат в исследовании Арктики. Но будущее оказалось за более совершенными конструкциями – самолётами. Соломон Август Андре пытался обогнать время.

03 / 2017

Дмитрий ЧЁРНЫЙ

Север и конкретно Магадан со мной познакомились гораздо раньше, чем я о них узнал. Возможно такое было только в Советскую эпоху – чтобы родиться в Москве и в том же году оказаться на другом краю Евразии, ибо мы жили уже во времена бурного развития гражданской авиации. То ли вполне по временам нормальный романтизм родителей, то ли профессия отца (штурман военной и гражданской авиации) – не оставляли никаких сомнений в том, что такое путешествие с новорожденным реалистично. Пожив довольно-таки холодным (но не как нынешнее!) летом в Абрамцеве на съёмной даче (мама героически топила по три раза за ночь печку-буржуйку на втором этаже «дачи Аньки», соседки скульпторов Веры Мухиной и Бориса Даниловича Королёва), мы в сентябре оставили Аньке Джоя, любимого маминного сеттера, до приезда отца. И всей семьёй, а точнее – мама со мной, отправились...

На Иле 18-м через весь длинный Советский Союз - к месту «приписки» отца. Конечно же, с попутными посадками и пересадками. Место нам уступили в самолёте «с люлькой», были такие в винтовых Илах. Полетели потому, что отец, лётчик-полярник Владимир Александрович Чёрный (Штурман Чёрный, как звали его друзья) с такой важной работы отлучаться надолго в Москву не мог, а там платили и «северные»... И долетели мы вполне спокойно. Ближайшим рейсом и отец привёз Джоя из Абрамцева. И учил меня ходить

там, в посёлке Сокол, ни кто иной, как Джой, он же Джося – благороднейший сеттер. Ползая по коврику, я хватался за его шерсть, и он терпел, понимая свою миссию, не кусался, иногда рычал, но медленно тянул за собой, ставил на ноги. Так успешно учил, что через полгода, как раз к годичку вернувшись, в московскую квартиру я уже вбежал сам, чем поразил бабушку...

Не знал, что эта история, существовавшая только в устно-семейной, фольклорной ипостаси, имела и эпистолярную предысторию и вообще какой-то письменный «аналог», но вдруг одна из общих знакомых мамы

и отца, отдала письма. И вот – они, прекрасно сохранившиеся, рассказывают, глядят небольшими карими глазами отца – на меня, мелкого... Аккуратные письма как первый мой след на Земле, а точнее – в жизни родителей и в пространстве Союза, так стремительно познаваемом, ещё до воспитания адекватного событиям сознания...

Почерк у отца чёткий, письма имеют собственный колорит и, наверное, даже стиль. Отец любил не только выглядеть аккуратно и галантно, но и переписываться с друзьями, с лёгкой иронией стилизуясь под век 19-й...

Здравствуй, Алена!
 Очень тронул твои советы, мысли,
 душевные пылкость и интерес к
 нашей жизни и проблемам.
 Ещё как на ближайшее письмо
 разговор времени не рассчитаю
 по поводу поездки съездившей на
 лыжи Вера.
 Ирину увидала – дело сложное,
 так как она разговаривает между
 мамой и бабушкой. Внешне она
 совершенно не изменилась, а внутренне
 безудельно и верно в каком-то
 же мере как и ты. С мамой
 она вполне управилась, при этом
 мамой и мамой Люда, Васильевна.
 Наши отношения с ней совершенно
 не изменились и различия только
 обозревая наши чувства и эмоции.

Милой мам, конечно, обожает и, как
 мне кажется, бабусей. 10 марта ему
 исполнился 2 года и он вполне
 соответствует этому возрасту
 по всем параметрам за исклю-
 чением психологической сдержанности
по своему роду машинной.
 Квартера замкнула широким
 ассортиментом самодвижущихся и
 не само-текущих. Это конечно,
 когда я нахожусь своих сокровищах
 прежде чем пойти домой – звоню
 в детский мир.
 Обещает мне в Магадане одно-
 ко и доскучно, но многолюдно
 «суть» такой жизни выработал
 у меня чудотворный инстинкт ко
 всем неожиданным ситуациям этого
 существования. В 1975 году мне
 предстоит съезд с вами с детьми

С помощью отца я вижу то, что
 видел и в 1975-м (но не пони-
 мал: ведь видишь только что
 знаешь, первый закон психоло-
 гии восприятия), не осознавая
 огромности мира.

18 января 1975 г.

Алёна, здравствуй!

Времени для обстоятельного
 письма не имею, потому буду
 предельно лаконичен. Очень
 интересное твоё письмо чи-
 тал не единожды и буду ещё
 возвращаться к нему. Ириша
 возвратилась из больницы, где
 была со 2-го по 18-е января
 (на сохранении – ныне закры-
 тый Городской родильный дом
 им. Абрикосовой, – успели! ведь
 с 1976 по 1980 гг в роддоме про-
 водился капитальный ремонт, –

прим. Д.Ч.). Чувствует себя
 удовлетворительно. Оконча-
 тельный диагноз – ревмокар-
 дит. Чем всё это кончится, ни-
 кто не знает, но забот пред-
 стоит много. Полагаю, что ты
 можешь навестить её однаж-
 ды без опасения быть непоня-
 той, ибо если кто и сочувству-
 ет ей по-настоящему, то это
 ты. Всё, что предстоит испы-
 тать тебе сейчас и в будущем
 – неизбежно и очень похоже на
 нас с Иришкой.

С 10 марта буду в Москве до
 июня, так что можешь распо-
 лагать мною поелику смо-
 жешь. Независимо от того,
 когда и где состоится твоя
 свадьба, буду на ней непременно,
 только сообщу, пожалуй-
 ста, заранее. Прошлое ещё дол-
 го будет напоминать о себе,
 независимо от того, каким
 станет настоящее. Ирэн зна-
 ет, что ты выходишь замуж за
 Володю, которого они не знает
 (без всяких подробностей).

Жду всяческих подробностей
 и откровений. Всегда с тобой,
 твой друг Слон.

20 февраля 1975 г.

Алёна, здравствуй!

Пишу взахлёб, жизнь одолела
 окончательно! Работа засоса-
 ла как болото. Чем больше ра-
 ботаю, тем больше убеждаюсь,
 что мало. Прошлую субботу
 был в Москве. Иришка вот-вот
 отправится в больницу. Кеса-
 рево обеспечено. Все мысли, ко-
 нечно, дома. Работаю как «Ро-
 берт» по заданной программе.
 Телеграмма, и на другой день я
 уже в Москве. Вот оно, «свет-
 лое» будущее, ближайшее при
 том. Жильё обещают 15 мар-
 та, а к возвращению из отпуска
 гарантируют крышу даже
 для всего семейства. Погода
 звенит безоблачным небом и
 морозам – 25. Здорово!

Жизнь на Севере элементар-
 на до ужаса. Основную её
 часть составляет работа
 (если человек её любит). Раз-
 влечения ординарны. Кино, те-
 левизор, лыжные (зимой), пе-

шие прогулки в горы. Ягоды,
 грибы, рыбалка. Пикники, рож-
 денья, поминки, вечеринки с
 музыкой и без оной. Споры, раз-
 мышления, книги. Есть поле
 для хоккея, нет теннисного
 корта. Природа сурова, но по-
 своему красива.

Северо-Восточный комплекс-
 ный НИИ в г. Магадане. Зара-
 ботки приличные, снабжение
 хорошее. Народу поднаехало, но
 ещё не муравейник. Договор на 3
 года, а там как пойдёт. Люди
 разные, всякие как и везде.

Целую тебя, Елена.

Слон

10 IX 75 г.

Алёна, здравствуй!

Обстоятельного письма не
 будет. Если до приезда семей-
 ства у меня ещё были мгнове-
 ния времени для писем, кино и
 шахмат, то с 1-го сентября
 1975 г. нет и мгновений. Про-
 блемы быта, помощь Ирине,
 работа – замкнутый треу-
 гольный маршрут моей жизни
 до 1 марта 1976 г.

Мальчик хороший, таскали
 его уже по лесам и сопкам ма-
 гаданским – выдержал. Ириш-
 ка справляется со всем ком-
 плексом ухода за младенцем
 при моей, конечно, помощи.
 Думаю, что к зиме жизнь на-
 ша войдёт в колею и так – до
 марта 1976 г. С 1-го марта
 намереваемся отбыть в
 Москву для отпуска и возвра-
 щения Ирины на работу в ин-
 ститут (ГЕОХИ – прим. Д.Ч.).
 Три месяца на даче в Абрамце-
 во пошли на пользу матери и
 сыну, и в Магадане они быст-
 ро привыкают к утренним
 холодам и яркому сентябрь-
 скому солнцу.

Стоит чудное «бабье лето –
 1975». Так и подмывает бро-
 сить всякую работу и податься
 в горы по грибы-ягоды.

За тебя и Володю очень рад,
 но сожалею, что не встретил-
 ся с ним здесь, в Магадане.

03 / 2017

Итак, Ёлочка, свидимся в 1976, а пока что хоть изредка пиши о Москве и о вас.

Ваш В.

Здравствуй, Алёна!

Очень тронут твоим обстоятельным, душевным письмом и интересом к нашей жизни и проблемам. Так как на настоящее письмо-разговор временем не располагаю, попробую хотя бы ответить на твои вопросы.

Иришу повидать – дело сложное, так как она разрывается между домом и работой. Внешне она совершенно не изменилась, а внутренне – безусловно, и вероятно, в такой же мере, как и ты. С малышом она вполне управляется при минимальной помощи Людм. Васильевны (Былеевой, бабушки моей, - прим. Д.Ч.). Наши отношения с ней совершенно не изменились и разлука только обостряет наши чувства и эмоции.

Митю мы, конечно, обожаем и, как мне кажется, балуем. 10 марта ему исполнится 2 года и он вполне соответствует этому возрасту по всем параметрам за исключением патологической страсти ко всякого рода машинам. Квартира (89-я, на 8-м этаже дома 5/10 на Каретном Ряду, с видом на центр, - прим. Д.Ч.) заполнена широким ассортиментом самодвижущейся и не само-техники. Ежемесячно, когда я навещаю своих Сокровищ, прежде чем идти домой – захожу в Детский мир.

Живётся мне в Магадане одиноко и тоскливо, но многолетний «стаж» такой жизни выработал у меня устойчивый иммунитет ко всем негативным сторонам этого существования. В 1975 году мне предложили стать самым старшим итурманом крупнейшего в магаданской области авиаотряда. Работы очень много и фактически вся моя жизнь здесь, это работа. Даже в редкие дни «хозяйственных» забот по дому, вечером после всех «упражнений»,

пишу, читаю, размышляю. В кино бываю редко, обхожусь телевизором и радио. Изредка меня навещают приятели-шахматисты или знакомые нам с Иришкой семьи.

Осенью 1979 года, когда мне исполнится 50 лет, оформлю пенсию и оставлю любимый Север, чтобы заняться домом и сыном, а Ириша, вероятно, займётся диссертацией. Такова действительность и ближайшие планы нашего семейства. За тебя искренне рад и желаю Вам с Володей удачи, денег и жилья ещё в этой пятилетке.

Нам тоже предстоит заняться проблемой жилья, ибо втроём в наших «апартаментах» тесновато. Здесь, в Магадане, у меня однокомнатная секция на 1-м этаже 5-этажного дома, рядом с аэродромом. В сильные морозы не жарко, но и не холодно (+18).

Время летит. В сентябре этого года будет 4 года, как я здесь. Останется 2, но они будут самыми напряжёнными и, конечно, пролетят быстро.

Вот и всё, Ёлка.

Владимир

P.S. на этот минимум информации ушло 57 минут, а если письмо написать?!

P.P.S. Д.Ч.

Мама так и не взялась за диссертацию (считала ненужной борьбой за чины, но не подлинно-научным рвением – зато её именем назвали кратеры на Луне и на Венере, там много таких кратеров с весёлыми названиями – «Верочка», «Ира», «Кимарина», по именам и фамилиям картографинь

из ГЕОХИ, обрабатывавших данные с нашего Лунохода и американский лунный грунт исследовавших). И отец не перебрался в Москву, хотя квартиру мы и разменяли, переехали в 3-комнатную, побольше метражом. Действительно, в 2-комнатной (не смотря, что дом Большого театра, по метражу – самая типичная квартира 70-80-х, только с видом на далёкую гостиницу «Россия» и Кремль) нашей квартире вчетвером с бабушкой, наверное, казалось им тесновато, но не мне. Мне было

итурманом крупнейшего в магаданской области авиаотряда. Работы очень много и фактически вся моя жизнь здесь, это работа. Даже в редкие дни «хозяйственных» забот по дому, вечером после всех «упражнений», пишу, читаю, размышляю. В кино бываю редко, обхожусь телевизором и радио. Изредка меня навещают приятели-шахматисты или знакомые нам с Иришкой семьи. Осенью 1979 года, когда мне исполнится 50 лет, оформлю пенсию и оставлю любимый Север, чтобы заняться домом и сыном, а Ириша, вероятно, займётся диссертацией. Такова действительность и ближайшие планы нашего семейства. За тебя

искренне рад и желаю Вам с Володей удачи, денег и жилья ещё в этой пятилетке. Нам тоже предстоит заняться проблемой жилья, ибо втроём в наших «апартаментах» тесновато. Здесь, в Магадане, у меня однокомнатная секция на 1-м этаже 5-этажного дома, рядом с аэродромом. В сильные морозы не жарко, но и не холодно (+18). Время летит. В сентябре этого года будет 4 года, как я здесь. Останется 2, но они будут самыми напряжёнными и, конечно, пролетят быстро. Вот и всё, Ёлка. Владимир. P.S. на этот минимум информации ушло 57 минут, а если письмо написать?!

Пицунда. 1979 г.

Тува, 10 лет спустя. 1986 г.

Москва - Магадан, 1975...

весело и познавательно – хотя, действительно коробку с деревянными кубиками пришлось у бабушки поставить, возле письменного стола и туда же встал потом велосипед, второй по счёту, уже не трёхколёсный... Переехали мы на два этажа ниже при участии отца, когда я ходил в 1-й класс, зимой 1982-го, переезд был постепенный (шкафы долго стояли на лестничных клетках), тройной, сложный, в результате которого семья дирижёра Геннадия Рождественского «аннексировала» нашу квартиру – прира-

стила к своей четырёхкомнатной, самой крупной по планировке в «сто-яке» всего изначально двухподъездного дома 1956-го года постройки.

Заняться сыном тоже не получилось. Хотя, 1 сентября 1982-го они вместе с мамой меня повели в 91-ю школу впервые. И потом отец частенько меня забирал отсюда и вёз в Дом пионеров на Миусской, в секцию «плавание». Бассейн был на профилактике, и мы просто проходили физподготовку, которая мне быстро надоела, и я так и не дождался самого плавания... Север лётчика-полярника не отпускал, а магаданская квартира,

которой помянуть я не могу, но где учился ходить – стала постоянным пристанищем отца. С мамой рассорились и развелись в 1983-м, когда бабушка тяжело болела – отец прислал маме из аэропорта детскую «объёмную» открытку (других, наверное, не было – с грустным кукольно-мультикшным волком на фиолетовом фоне), в глаза распро-щаться не смог...

Нет, потом всё же приезжал за вещами, чёрный чемодан с серебряной наклейкой, объяснялся с мамой на кухне, пока мы с бабушкой смотрели фигурное катание... Я бы всё ему простил, ничего бы не понял и не заметил, если б он навещал, как прежде или даже реже. Но батя предпочёл попрощаться («Может, ты потом поймёшь») – и руки его тряслись. Вот за эти влажные, дрожкие большие ладони было всего более неудобно мне. Выходило, что я его успокаивал – мама говорила на кухне с ним крайне резко и громко, а надежды на примирение мои, вверяемые движениям фигуристов в бабушкиной комнате не сбылись... Не виделись мы с тех самых пор, с 1983-го по 2002-й, когда никто из Магадана не сообщил нам о смерти отца (да и не смог бы я туда полететь на скромные заработки в «Независимом Обозрении»).

Он и сам не писал: знал, что я не хотел налаживать связь.

Жить отец стал с соседкой по лестничной клетке первого этажа, она давно его к себе приглашала. Её дети стали его детьми, новых не народили, он наконец-то купил «Ниву», хотя до этого покупал лишь «Запорожец» в Запорожье, но мама настояла, чтоб продал. Лётчик в небе привыкает к тому, что на дороге делать смертельно опасно (и до этого он уже разбил колённую чашечку на Комсомольском проспекте на «Яве»). Вот и на «тест-драйве» близ Джанкоя, у его родственников, только учительские усилия мужа его сестры, перехватывавшего руль, спасали нас пару раз от аварий на практически пустых шоссе... Ещё у нас было, конечно же, и другое летнее, отпускное, огромное бытие конца 1970-х, – Пицунда, Феодосия, Коктебель, – со-бытие, о котором я расскажу уже в продолжении «Поэмы Столицы», надеюсь...

Тем не менее, я чту память отца и набираю его строки. Понимаю и ритм вылетов к «Сокровищам» – сам точно так же, месяц через месяц, попутешествовал между Томском и Москвой: журналистская работа и политическая повестка требовала в 2011-м и 2012-м. Теперь и его словесное дамское угодничество (спасибо передавшей письма Елене Беловой!), и письменное позёрство, и даже неправильные гласные, столь нелепые среди каллиграфии – смотрятся письмом из счастливого времени, когда юбки были короткими, а авиарейсы длинными. Длинною в весь СССР, как в нашем случае 1975/76...

Дмитрий ЧЁРНЫЙ родился в Москве 10 марта 1975 года.

Автор книг стихов: «Выход в город» (1999), «Революция матери-ал поэмы Дом» (2000), «Поэма-инструкция бойцам революции/Манифест и методы радикального реализма. Стихи, поэмы, теория» (2001), «Хаос сти» (2013).

Автор романов: «Поэма Столицы» (2008, лонглист премии «Национальный бестселлер»), «Верность и ревность» (2012), «Времявспять» (2017).

Сергей СУЦАНСКИЙ

А В П О Т Р А Ф Ы

ПЕРВООТКРЫВЫВАТЕЛЯ КОЛЫМСКОГО ЗОЛОТА

Хотя я, безусловно, знал о том, что Магаданское книжное издательство выпустило две книги воспоминаний одного из первооткрывателей колымского золота Валентина Цареградского¹, но, честно говоря, никак не ожидал обнаружить переписку этого незаурядного геолога с издательством в архивной неразберихе Магаданской писательской организации. Когда держишь в руках письма такого человека, как В.А. Цареградский, невольно испытываешь какой-то внутренний трепет или потрясение – если хотите. Уж очень значительна личность Цареградского для Колымы! Предлагаю читателю его переписку великого геолога, или, точнее, какую-то её часть, с редактором Магаданского книжного издательства Людмилой Ананьевной Савельевой. Естественно, сами тексты вплоть до запятых, мною не редактировались и не исправлялись.

*

**С Новым годом поздравляю Вас дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна!
Шлю Вам самые добрые пожелания!**

Вы, вероятно, знакомы с посланным мною письмом на имя директора книжного издательства Бориса Михайловича Черемных. Надеюсь, что Вы продолжите редактирование продолжения моих воспоминаний².

К сожалению, длительное время я не мог сколько-нибудь постоянно работать над рукописью из-за ряда обстоятельств, связанных с продолжительной тяжёлой болезнью. Только в последние четыре месяца сумел продолжить работу. Два последних из них, после возвращения из санатория, я работал очень интенсивно по многу часов. В настоящее время работа закончена, хотя в меньшем объёме, чем было бы нужно. Осталось недописанных два небольших периода: конец 1931 и 1932 гг., которые, мне думается, лучше было бы присоединить ко второй книге³. А третью книгу⁴ начать с отъезда в апреле 1933 года в Верхнее-Колымскую экспедицию (на Зырянку) уже от Дальстроя и закончить её 1936 годом включительно. Четвёртая книга – описание Индигирской экспедиции и до отозвания меня в Магадан на должность главного геолога Дальстроя и организации Геологоразведочного Управления (период с февраля 1938 г.).

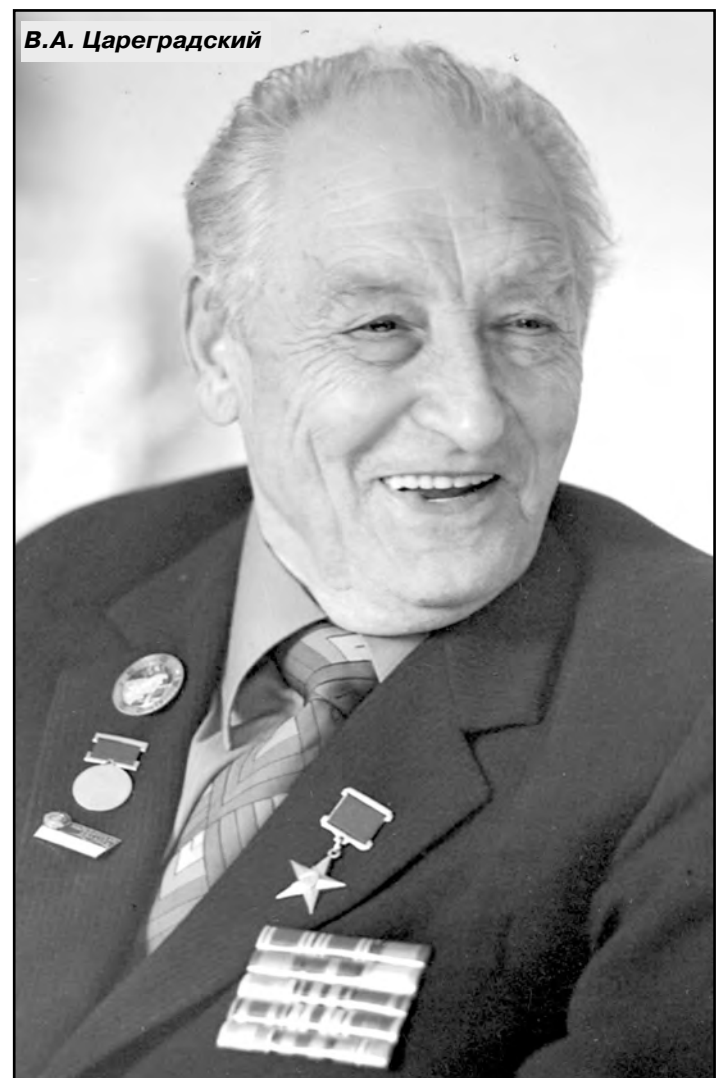
Разрозненные материалы по последним двум экспедициям – Зырянской и Индигирской – я в достаточном объёме собрал, а об Индигирской экспедиции даже напечатан большой довольно очерк в газете после посещения моего Усть-Неры в 1974 году.

Так как посылаемая Вам рукопись сделана всё же ускоренно, мне кажется, целесообразнее

было бы напечатать поглавно или целиком в журнале «На Севере Дальнем», а по получении отзывов, критики, предложений доработать и издать уже книгой. Но Вам виднее.

В посылаемой рукописи я частично уже учёл просьбы и предложения читателей – «больше рассказать о том, в чём заключается работа геологических партий и хотя бы кратко и понятно изложить самые геологические процессы».

К сожалению, не сумел полностью сдержать обещание выслать рукопись в последних числах декабря, посылаю большую часть, а остальную часть и фотографии постараюсь выслать до 10–15 января. Помешало мне выполнить воспаление глазниц, оболочки самих глаз, полученное, по заключению врача от перенапряжения в результате длительной работы в очках при электрическом свете. Обильное слезотечение, резь и

В.А. Цареградский

зуд не позволяли совсем читать и писать. Врач настоял прервать работу на неделю минимум. Ни читать, ни писать, делать примочки, не включать яркого электричества. Вот и застрял. Сейчас ломота, слезотечение почти проходят, покраснение ещё держится. Стараюсь, по возможности, соблюдать, чтобы быстрее продолжить работу.

Сегодня, вместе с письмом к Вам, отправляю большую часть рукописи в издательство.

Ещё раз желаю Вам самое доброе и желаемое Вами. Прошу поздравить руководство издательства и всех помнящих меня и пожелать только доброе и хорошее.

Извините, что пишу каракулями, глаза ещё не пришли в норму, часто слезятся и раздражаются, приходится спешить писать и прерываться.

Письма от главного редактора я получил. Благодарю всех за тёплые, добрые пожелания. Очень прошу ещё раз всех поблагодарить, поздравить и взаимно пожелать успеха во всей Вашей нелёгкой трудной работе.

С большим уважением

В.Цареградский

30-ХП-1983 г.

Р.С. Рукопись и письмо пришлось попросить отправить мою племянницу, она возьмёт от машинистки шестую и седьмую части. Самому выходить нельзя.

В.Ц.

*

14 января 1986 года

Уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Пожалуйста, извините меня за долгое молчание. Целый ряд обстоятельств, среди них довольно частые болезни и навалившиеся спешные работы отвлекли меня на это время от работы – переделки предисловия, кое-какие небольшие исправления и дополнения к посланной Вам рукописи.

Очень жаль, что в прошлом году не удалось нам ещё раз встретиться, поговорить о деталях. За это время окончательно закончил в первом туре научную работу, с многочисленными вычислениями и уверен, что она будет очень полезна для геологов. Очень убедительно в ней доказан основной постоянный источник энергии для всех деформаций поверхностной оболочки земли для её изменений фигуры. Сейчас заканчиваю (шлифую) текст и отдаю в перепечатку.

Совершенно понемногу работаю над рукописью для Вас и собираю материалы для третьей экспедиции геологоразведочной экспедиции – третьей книжки. Отвлекают иногда встречи с журналистом «Известий», который собирается написать рецензию на 3 «работы» А.Иванченко. Я сравнил все три его книги: 1) изданную Магад. книжным издательством «Золотой материк»⁵, 2) «Золото для БАМа» в «Новом мире» № 4, 1984 и только что вышедшей «Земля пяти Солнц»⁶, изд. М., «Советская Россия», 1985. Все они отличаются беззастенчивой фальсификацией и в каждой разной – не похожей каждая на новую. Бизнес на литературном поприсе.

Журналиста поразила фальсификация, стоящая рядом с подлогом в псевдодокументальной

повести в журнале «Новый мир». Ему будет легче сделать это, чем мне, так как я уже детально сравнил, что написано под вымышленными «моими дневниками» и «записями», которых, фактически, не существует. Все сколько-нибудь достоверные сведения взяты из моих очерков в журнал «Колыма» № 4, 1936 г., Магадан, из журнала «Колымский альманах», книга первая и книга вторая, Магадан, Дальстрой 1940. К сожалению, я не мог нигде достать еще одного очерка – третьего, изданн. в этом же журнале в 1940 или 1941 г. Не мог достать его и Иванченко, очерк, изданный Хабаровским Издательством под заглавием «Поверженный идол».

Почему в последней открытке Вы написали, что надеетесь быть будущим моим редактором. Меня это встревожило. Мне С.Г. Желнин сообщил, что моя просьба оставить Вас редактором рукописи о «Второй Колымской экспедиции», глав. редактор согласен. Очень прошу Вас сообщить, утверждены ли Вы редактором или нет, к редактированию. Ещё раз прошу редакцию и Вас продолжать редактировать мои рукописи. Подобрал некоторые фотографии по времени. Перепечатаю и pošлю для Вашего выбора.

С Людмилой Никифоровной⁷ давно не встречался, только перезваниваемся иногда по телефону. Она тоже периодически болеет. Собиралась навестить меня, но очевидно помешало недопомогание.

Бывшие колымчане-геологи, тоже жалуются на частые недопомогания, расслабленность, продолжительное сонное состояние целыми днями. Поэтому встречи с ними тоже поредели, больше обмениваемся телефонными звонками.

Произошёл большой перерыв окончания письма. Проходил – вернее, начал было проходить диспансеризацию, и едва-едва отговорился прямо из поликлиники отправиться в больницу на госпитализацию. Уговорил врача отложить окончательное решение. ...

Ничего особенного не случилось со мной, просто врачей, обследующих первый раз, пугает (до панической степени) очень низкий пульс у меня, хотя он не сопровождается никакими коликами, болями, даже одышками при довольно быстром хождении и пешим восхождением на четвёртый этаж или в уличных переходах.

Единственное, что радикально мне помогает, это ежедневная нагрузка при прогулках на длительные расстояния и быстром темпе. А зима в этот раз такая непостоянная, с резкими изменениями погоды, перепадами атмосферного давления и непроходимости во многих местах то от заносов, то от гололёда, что мои походы в лесопарк и даже в городе резко сократились, и, даже по несколько дней их не было. Теперь все меры принимаю восстановить режим жизни (движение, питание и проч.).

Извините за скороспелое письмо. Ещё раз прошу написать подробнее о делах в Магадане, издательстве. Крепко жму руку.

В.Цареградский

31/1-1986 г.

03 / 2017

*

Поздравляю Вас дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна с Вашим праздником женщин всего мира!

Шлю самые добрые пожелания. Успеха в выполнении всего задуманного.

Опровержение приписываемых мне слов, поступков и многого другого придуманного самим А.С. Иванченко, повторенных в четырёх изданных под разными заголовками книг, отняло много времени, нервов, здоровья. Помешало вовремя закончить биографич. очерк, предисловие ко второй книге. Буквально только 4 дня как удалось продолжить эту наиболее важную для меня работу.

По заключению трёх врачей здоровье значительно улучшается. Почти восстановлен режим сна, питания. К сожалению, мешает погода так же успешно восстановить регулярные прогулки. Но постепенно наращиваю их время, длину. Возрастает работоспособность. Надеюсь на полное восстановление всего, тем более, что близится теплое весеннее время – можно будет ходить по-прежнему в лесопарк.

Меня встревожили слова в присланной поздравительной открытке – «может быть и в будущем останусь Вашим редактором». Разве изменилось что-нибудь? Мне С.Г. Желнин сообщил, что договорился по моей просьбе с руководством редакции оставить Вас редактором моей рукописи, да и Вы, будучи в Москве, подтвердили это. Так? А теперь высказали неуверенность! Может мне нужно написать официально в редакцию ещё раз просьбу оставить редактором рукописи (второй книги) Вас – Савельеву Людмилу Ананьевну?

Знакомились ли Вы, Людмила Ананьевна, хоть бегло с рукописью? Может, нужно что-то исправить? Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Ещё раз поздравляю Вас с праздником и от всего сердца желаю Вам много хорошего.

Если это Вас не затруднит, прошу передать мой сердечный привет директору издательства Борису Михайловичу Черемных и глав. редактору Василию Николаевичу Яковлеву.

С большим уважением к Вам

В.Цареградский

4/III-1986 г.

*

Уважаемая Людмила Ананьевна!

Наконец-то посылаю Вам подготовленную к изданию совместно с посланной ранее рукописью (продолжение воспоминаний о Второй экспедиции) для издания единой книгой с новым общим предисловием. Сделано общее единое оглавление. Прошу Вас проставить в нём страницы заново пронумерованной второй книги. Прошу, также: 1) пронумеровать все страницы в рукописи 2ой книги, продолжив нумерацию первой. 2) Пронумеровать все главы 2ой книги вслед за первой. 3) Перенумеровать все рисунки и, соответственно, подрисовочные подписи.

С большим уважением

В.Цареградский

16/VI-1986 г.

*

Уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Наконец отправил Вам исправленную рукопись первой книги для печатания совместно с рукописью единой книгой.

Прошу Вас извинить за задержку и за долгое молчание. Много причин мешало мне из которых главная – состояние здоровья. Медленно восстанавливаю его. Благодарю Вас за поздравительную открытку. Вы пишете, что у Вас отпуск в этом году и Вы сможете посетить меня с Людмилой Никифоровной. Буду очень рад искренне повидаться с Вами, поговорить. Напишите, пожалуйста, когда это может случиться. И обязательно при всех обстоятельствах, уделите встрече отпускное время, повторяю, буду очень рад встрече с Вами.

У Людмилы Никифоровны случилась беда – у её мамы инсульт. Она пролежала в больнице 21 день и теперь должны её выписать домой. Несколько затруднено движение, речь сохранилась, понемногу двигается самостоятельно.

Людмила Никифоровна охотно посетит меня вместе с Вами. Но в любом случае прошу Вас... побывать у меня без всяких стеснений.

Ещё раз прошу извинить меня за долгое молчание, постараюсь исправить это. Кажется, здоровье улучшается надёжно. Ну, а обо всём подробнее поговорим при встрече.

С искренним большим уважением к Вам и с самыми добрыми пожеланиями

В.Цареградский

16/VI-86 г.

P.S. Прошу передать нач. издательства, главн. редактору большой привет и добрые пожелания.

*

С наступлением Нового юбилейного года поздравляю Вас, уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

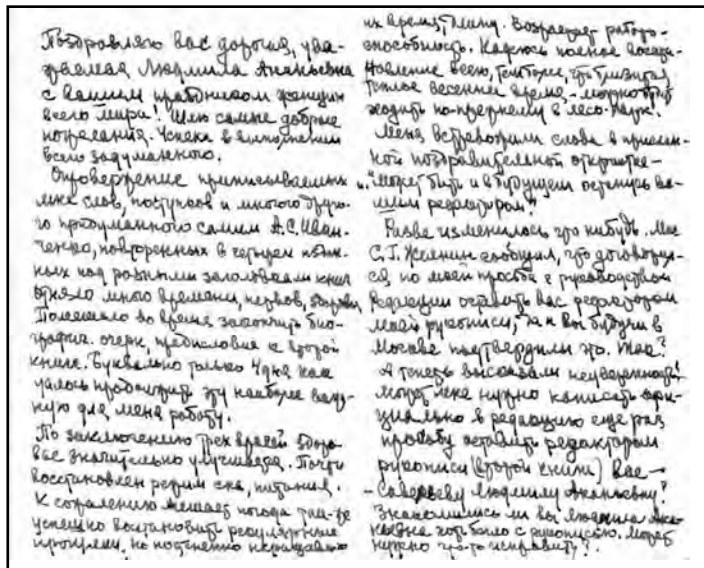
Самые добрые дружелюбные пожелания Вам. Никаких сколько-нибудь серьёзных огорчений в Новом году. Пусть они минуют Вас (мелкие, скоропроходящие не в счёт, без них не обойтись). Очень хотелось бы, чтобы это пожелание исполнилось.

Меня огорчило, что не удалось Вам побывать в Москве, посетить меня, чтоб поговорить. Нет! Не примите это, пожалуйста, за упрёк. Огорчение касается только меня. Это даже не обида.

Не получал от Вас давно сообщения: начали ли редактирование рукописи и Ваше впечатление. Пригодна ли она в том виде, или нужны какие-либо исправления, дополнения, или, напротив, сокращения.

Дальнейшая работа – биографический очерк, рассказ о III экспедиции – почти застопорились. Много мелких замечок, небольших статей к 70-летнему юбилею Октябрьской революции по партийному поручению от Совета ветеранов Северо-Востока в сборник отвлекали. Но главное мешало длительное болезненное состояние – запрет врачей работать. Да и сам я ощущал потерю работоспособности (в том числе и от резкого ухудшения зрения). Всеми своими силами (внутренним протестом) я боролся за то, чтобы

сохранить, возобновить работоспособность. Восстановить хотя бы в большей степени «запас жизни» – по выражению акад. Амосова. Трудно это давалось, очень трудно. Но всё же уже появились проблески и растёт надежда к восстановлению. Пока очень понемногу начинаю читать и писать. Верю, что добыю успеха упорством.

Жаль, что нельзя осуществлять длинные пешие походы в лесопарке. Погода непрерывно бунтует. Но наихудший период проходит, ухудшение погоды, уменьшение светлых часов дня уже прошли минимальный рубеж и скоро начнёт расти улучшение и того, и другого.

При возможности, пожалуйста, передайте мои пожелания тем, кто помнит меня. И в первую очередь (если только это удобно для Вас) прошу передать таковые поздравления и пожелания руководству книжного издательства – директору и главному редактору.

Ещё раз всего Вам доброго.

С уважением

В.Цареградский

24/ХП-1986 г.

P.S. Большая Вам благодарность за присланную книжку Р.В. Седова. Извините, что благодарю с опозданием.

*

3 марта 1987 г.

Рад поздравить Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна, с женским праздником, с искренней доброжелательностью пожелать Вам здоровья, заслуженных успехов в работе, благополучия и счастья!

Давно не имею от Вас никаких сведений, это беспокоит и даже тревожит. Не заболели ли Вы?

Я, кажется, заметно отделался от разных недугов. Упорно восстанавливаю тренированность и работоспособность. Длительный процесс восстановления дался нелегко. Медленно нарастает работоспособность, а также укрепляются мышцы, удлиняются пешие маршруты.

Научная работа закончена в отношении доказательств общей закономерности процессов деформаций земной коры и начинают нарастать объяснения отклонений в результате не идеаль-

ной однородности поверхностной оболочки Земли.

К сожалению, могу уделять продолжению её очень ограниченное время. Начал продолжать воспоминания о Третьей экспедиции и биографического очерка, но и это в настоящее время несколько отодвигается. Меня «обязали» написать к семидесятилетию юбилею победы Октябрьской революции начальный период освоения Северо-Востока страны геологическими исследованиями, поисков и разведки полезных ископаемых.

Упорно занимаюсь всеми доступными способами, чтобы быстрее победить детренированность организма, восстановить здоровье. Появились уже заметные результаты.

Очень прошу Вас: напишите, пожалуйста, подробнее о себе, Ваших планах на поездку в отпускное время и конечно – о судьбе моей рукописи. Нет ли каких-нибудь осложнений с редактированием и издательством её.

Ещё раз шлю пожелания всего Вам самого доброго, какое только можно пожелать.

**С большим уважением и благодарностью –
В. Цареградский**

3/Ш-87 г. Москва

*

**125080, МОСКВА
ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ 3, КВ. 38
ЦАРЕГРАДСКОМУ В.А.**

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ!

Вам за тёплые поздравления и пожелания. Восхищаюсь Вашей работоспособностью и ведь темы-то все – глобальной масштабности! Здоровья Вам, отличной формы – закалка Севером пусть ещё долго служит Вам.

Рада сообщить, Валентин Александрович, что приступила, а точнее уже завершаю редактирование Вашей рукописи (2-я часть). Вы уже знаете, что издать в этом году мы сможем только вторую книгу. Переиздавать целесообразнее сразу все три книги. Тем более, что в темплане нам объём сократили, в том числе и Вашей рукописи – до 8 листов (а у Вас их 14 – это без первой книги!). Приходится «ужимать», но делать это разумно, однако кое-где сокращение просто целесообразно, дабы не отвлекать внимание читателя от главного, не утомлять. Но отредактированный экземпляр рукописи Вам будет выслан после перепечатки (вероятно, в апреле) и Вы ознакомитесь.

Теперь просьба к Вам, Валентин Александрович, если есть у Вас фото (чёрно-белое, глянцева-я бумага, не менее, чем 9 x 12) то, которое Вам больше нравится (только не то, что уже было в 1-й книге), вышлите, пожалуйста, 1–3 на выбор любого возраста.

С уважением и пожеланием Вам всего доброго и главное – крепкого здоровья.

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА

САВЕЛЬЕВА Л.А.

16 марта 1987 г.

03 / 2017

*

**МАГАДАН ЦЕНТР ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА 2
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РЕДАКТОРУ САВЕЛЬЕВОЙ**

**ОЧЕНЬ БЛАГОДАРЕН ВАМ КНИЖКУ ПОЛУЧИЛ
ПОДРОБНЕЕ ПИСЬМОМ ЗА ПОЗДРАВЛЕНИЕ
БЛАГОДАРИЮ И ИЗДАТЕЛЕЙ =
ЦАРЕГРАДСКИЙ**

*

**Директору Магаданского книжного
издательства Б.М. Черемных**

Вместе с рукописью второй книги я послал в Ваше издательство около 70 фотографий. В книге 16 фотографий. Убедительно прошу Вас оригиналы неопубликованных фотографий вернуть мне. Они мне крайне необходимы для дальнейшей работы.

С уважением

В.Цареградский

8/VI-88 г.

*

На этом коротком письме есть приписка:
Передано через Журихину фотографии и II-й экз. рукописи «По экрану памяти» 1 и 2-й книг. 21/VII-88 г. А.Савельева

*

Уже завершив подготовку писем Цареградского к публикации, я обнаружил послание Давида Самойловича Шерля, отправленное 22 августа 1984 года на имя главного редактора Магаданского книжного издательства В.Н. Яковлева. В годы Великой Отечественной войны Д.С. Шерль был штурманом и адъютантом у командира 1-й перегонной авиадивизии и начальника Красноярской воздушной трассы Героя Советского Союза И.П. Мазурука. Заинтересовавшись, нашёл и его воспоминания «Авиамост: Аляска – Сибирь – фронт», опубликованные в альманахе «На Севере Дальнем»⁸. Шерль пишет:

«Мой первый полёт в Магадан с И.П. Мазуруком на самолёте СИ-47 пришёлся на конец 1942 года. ...

И.П. Мазуруку как депутату Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета поручил вручить начальнику Дальстроя т. Никишову и главному геологу т. Цареградскому золотые звёзды Героя Социалистического Труда. Так в моей лётной сумке оказались две золотые звёзды и грамоты Президиума Верховного Совета СССР. ...

Вручение состоялось в театре им. Горького. Зал был полон. После вручения состоялся большой концерт...»

Вынужден в который раз отметить, что воспоминания вообще, и воспоминания Д.С. Шерля в частности, грешат неточностями. Как мог Мазурук вручать в конце 1942 года Звёзды Героев Соцтруда Никишову и Цареградскому, если указ о награждении вышел в 20 января 1944 года? Что-то тут не вяжется, не стыкуется...

Ведь известно, что «Указом Президиума Верховного Совета СССР начальнику Дальстроя И.Ф. Никишову и начальнику Геологоразведочного управления В.А. Цареградскому «за исключительные заслуги перед государством в деле промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечение в трудных условиях военного времени успешного выполнения планов добычи редких и цветных металлов» присвоено звание Героя Социалистического Труда⁹.

*

И ещё одна публикация меня неприятно поразила – очерк «Полевые «илиады» первопроходцев» Тамары Смолиной в газете «Колымский тракт», № 39 от 29.12.1999 г. Очень негативно, даже где-то с издёвкой, пишет она о Цареградском, однако, нигде не приводя каких-либо аргументов или документов. Имела ли Т. Смолина право писать такое? Не знаю, Бог ей судья...

И опять же, упомянув в своём очерке «Озепиаду», может быть, следовало назвать и авторов сего произведения?..

* * *

¹ – В.А. Цареградский. «По экрану памяти». Магадан: Кн. изд-во, 1980.

² – В.А. Цареградский. «По экрану памяти». Книга вторая. Магадан: Кн. изд-во, 1987.

³ – Людмила Ананьевна Савельева была редактором первой части книги В.А.Цареградского «По экрану памяти» (Магадан, 1980).

⁴ – «По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930–1931 гг.». Книга вторая. Магадан: Кн. изд-во, 1987.

⁵ – третья книга воспоминаний В.А. Цареградского уже не вышла.

⁶ – А.Иванченко. «Золотой материк», Магадан, 1962.

⁷ – о книге А. Иванченко «Земля пяти солнц» опубликована статья в газете «Известия», а в магаданской прессе было несколько публикаций. Приведу фрагменты заметки Г. Волкова в газете «Магаданская правда» от 5 сентября 1986 года «О развесистой клюкве Александра Иванченко»:

«...Его (А. Иванченко) «документальная» повесть «Золото для БАМа», а затем историко-художественная книга «Земля пяти солнц» своими сфальсифицированными дневниками и другими документами, экзотическими вымыслами и несусветной ложью возмутили многих читателей... В журнал «Новый мир», в издательство «Советская Россия», в «Правду», в «Литературную газету» поступило немало писем, в которых выражалось возмущение малохудожественными, лживыми творениями Иванченко. ...

Замечательный писатель-документалист, ныне являющийся первым секретарём Союза советских писателей Герой Советского Союза В.В. Карпов написал в Магадан: «...После внимательного изучения критических замечаний, после соответствующих объяснений А. Иванченко редколлегия журнала нашла, что в повести «Золото для БАМа» автор порой вольно обращается с фактами реальной действительности, произвольно толкует отдельные события, вносит непозволительный в документальном произведении домысел в биографии реально существовавших действующих лиц».

Сюда можно добавить и мнение магаданского поэта А.А. Пчёлкина, найденное мной в черновых набросках: «Публикация очерков А. Иванченко в «Новом мире» по истории Золотой Колымки: дилетантство, ячество, путаница, передёргивание фактов... Редакция, где люди знали бы Север, его историю, никогда не допустила бы подобного промаха и держала бы недобросовестного автора на расстоянии пушечного выстрела».

⁸ – Людмила Никифоровна Стебакова. До июля 1975 года являлась главным редактором Магаданского книжного издательства.

⁹ – (№ 1, 1985 г., с. 61).
⁹ – «Магадан. Конспект прошлого». Магадан, 1989, с. 127. И здесь я вновь сталкиваюсь с ошибкой: в книге указано, что: «И.Ф. Никишову и... В.А. Цареградскому присвоено звание Героя Советского Союза». Как говорится, комментарии излишни...

Когда я учился в одной из магаданских школ, пропаганда нам упорно навязывала следующее клише: «Два мира – две судьбы». Имелось в виду, как всё плохо на американском континенте и как здорово на советском Севере. В пользу этого клише говорил ряд фактов из жизни коренных малочисленных народов. Во-первых, наши аборигены имели письменность на родных языках, сформировали свою литературу, развивали традиционные промыслы, имели представителей в высших органах власти. Во-вторых, на нашем Севере неуклонно росла численность малых народностей. А как обстояли дела в Канаде или на Аляске? Судя по книгам канадского биолога Фарли Моуэта, неважно. Там, на американском Севере, многие племена эскимосов и индейцев просто вымерли. Однако советская пропаганда, как выяснилось спустя несколько десятилетий, многое недоговаривала, а кое-что и вовсе умалчивала. В этом потом признались не только разработчики многих советских идеологем, но и писатели-северяне, в советское время активно участвовавшие в распространении придуманных мифов, в частности, чукча Юрий Рытхэу, нивх Владимир Санги и манси Юван Шесталов. Не всё просто оказалось и с канадским сочинителем Фарли Моуэтом.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Уже летом 2015 года, изучая документы в Российском государственном архиве новейшей литературы, я случайно обнаружил материал об этом авторе. В одной из справок, подготовленной для партаппарата иностранной комиссией Союза писателей СССР, говорилось:

«Фарлей Моуэт известный канадский писатель, занимающийся проблемами северных народов Канады. Произведения Моуэта публиковались отдельными изданиями и в периодической печати США и Канады, а также переводились в СССР («Отчаявшийся народ», «Люди оленьего края» – изд-во «Прогресс»). За литературную деятельность удостоен ряда премий. По сообщениям друзей Ф. Моуэт является автором многочисленных статей в защиту прав эскимосов и индейцев, живущих в Канаде, активным участником движения сторонников мира. Ф. Моуэт неоднократно выступал с критикой агрессии США во Вьетнаме и прислужнической по отношению к США политики Канады. В 1966 году Ф. Моуэт посетил СССР для сбора материалов о жизни северных народов СССР с целью использовать эти материалы для книги в защиту прав эскимосов и индейцев северной Канады» (РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 61, л. 172).

Однако очень много важных сведений почему-то осталось за бортом этой справки. В ней ничего не говорилось о возрасте канадского писателя, о том, когда и почему он заинтересовался проблемами Арктики и живущих на канадском Севере народах, и как писатель относился к нашей стране.

Уточню: Моуэт родился в 1921 году. Интерес к Северу ему привил дядя – брат его дедушки по имени Фрэнк, который занимался арктической

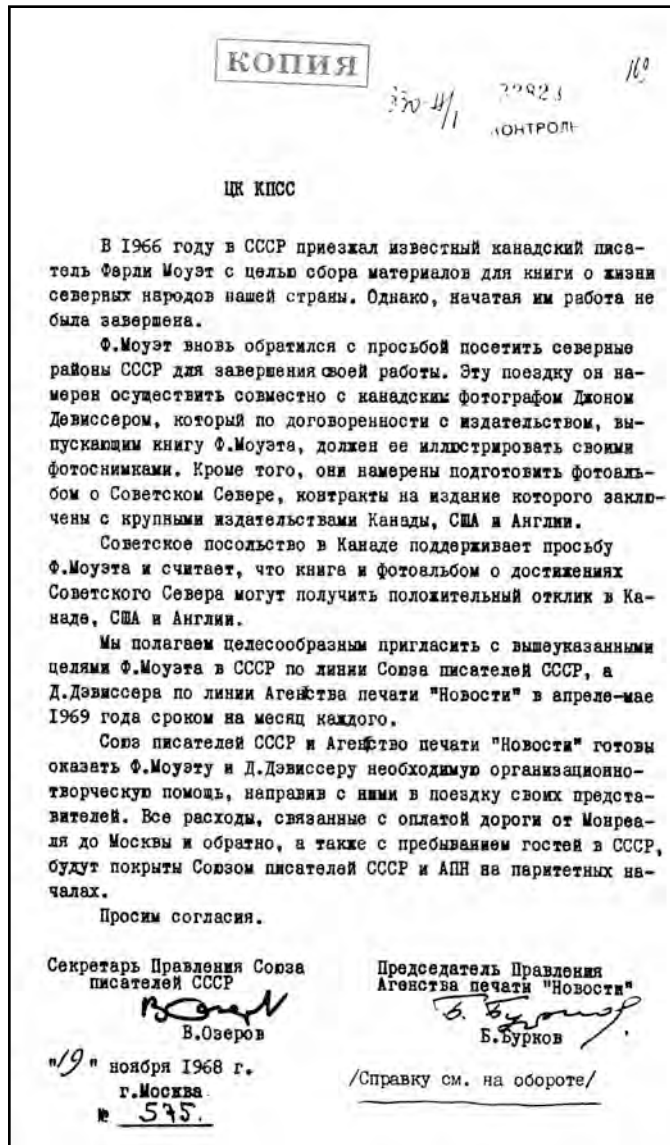
орнитологией. Это Фрэнк в мае 1935 года впервые взял с собой в древние тундры Канады своего юного родственника. Правда, в ту первую поездку в тундровую страну Барренс четырнадцатилетний Моуэт увлёкся не птицами, как его дядя, а арктическими оленями – карибу. У пытливого парнишки появилась мечта стать зоологом, но её исполнение надолго отложилось из-за начавшейся вскоре войны.

В 1940 году Моуэт стал солдатом. С полком имени Гастингов он за несколько лет прошёл Южную Англию, Италию, Францию, Бельгию, Голландию и Германию. Весной победного сорок пятого года никогда не забывавший о своей юношеской мечте молодой канадец впервые встретился на Эльбе с советскими солдатами. Но тогда сдружиться с советскими ровесниками не получилось.

Весной сорок шестого года Моуэт наконец вернулся на родину в Канаду, и вскоре продолжил в одном из университетов изучать зоологию. А уже в мае 1947 года он вновь отправился в страну Барренс, где судьба вплотную столкнула его с местными эскимосами, которые до того времени оставались малоизученными.

О своих открытиях Моуэт впоследствии написал очень содержательную и яркую книгу «Люди оленьего края». В 1963 году эта книга была переведена на русский язык и издана в Москве. В какой-то мере она подтверждала тезис о трагической судьбе коренного населения за океаном.

Однако Моуэт, когда писал свою книгу, меньше всего думал о пропагандистском факторе. В первую очередь его волновало другое: все ли малочисленные племена севера Канады были обречены

на исчезновение или кто-то ещё имел шансы на выживание. Он хотел понять, как спасти арктическую цивилизацию. Не случайно в его книге оказалось немало практических советов по развитию экономики и культуры канадских эскимосов.

В отличие от многих других художников Канады Моуэт всегда понимал, что на нашей планете всё взаимосвязано, а мир уже тогда двигался к сплошной глобализации. Он хотел выяснить, а как интросоциализация его проблемы решались в других странах, в том числе в Советском Союзе. Поэтому писатель так рвался на наш Север.

Первый раз наши власти предоставили Моуэту возможность совершить поездку по Сибири в 1966 году. Но одного раза оказалось мало. Уже через год с небольшим писатель вновь попросился к нам в гости.

19 ноября 1968 года секретарь правления Союза писателей СССР **Виталий Озеров** и председатель правления Агентства печати «Новости» **Борис Бурков** направили в ЦК КПСС соответствующее ходатайство. Они писали:

«В 1966 году в СССР приезжал известный канадский писатель Фарли Моуэт с целью сбора материалов для книги о жизни северных народов нашей страны. Однако начатая им работа не была завершена.

Ф. Моуэт вновь обратился с просьбой посетить северные районы СССР для завершения своей работы. Эту поездку он намерен осуществить совместно с канадским фотографом Джоном Девиссером, который по договоренности с издательством, выпускающим книгу Ф. Моуэта, должен ее иллюстрировать своими фотоснимками. Кроме того, они намерены подготовить фотоальбом о Советском Севере, контракты на издание которого заключены с крупными издательствами Канады, США и Англии.

Советское посольство в Канаде поддерживает просьбу Ф. Моуэта и считает, что книга и фотоальбом о достижениях Советского Севера могут получить положительный отклик в Канаде, США и Англии.

Мы полагаем целесообразным пригласить с вышеуказанными целями Ф. Моуэта в СССР по линии Союза писателей СССР, а Д. Дэвиссера по линии Агентства печати «Новости» в апреле-мае 1969 года сроком на месяц каждого.

Союз писателей СССР и Агентство печати «Новости» готовы оказать Ф. Моуэту и Д. Дэвиссеру необходимую организационно-творческую помощь, направив с ними в поездку своих представителей. Все расходы, связанные с оплатой дороги от Монреаля до Москвы и обратно, а также с пребыванием гостей в СССР, будут покрыты Союзом писателей СССР и АПН на паритетных началах.

Просим согласия».

(РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 61, л. 169).

Но этого письма оказалось недостаточно. Партаппарат потребовал представить дополнительные аргументы в пользу организации второй поездки Моуэта в Советский Союз.

Новое письмо подготовил председатель иностранной комиссии Союза писателей СССР **А. Косоруков**. 9 декабря 1968 года он сообщил в ЦК КПСС:

«В дополнение к документу о приглашении в СССР весной 1969 года канадского писателя Фарлея Моуэта и фотографа Джона Девиссера, направленного в инстанции 19 ноября 1968 г. (№ 575) сообщаем:

По вопросу о приглашении в СССР Ф. Моуэта и Дж. Девиссера из посольства СССР в Канаде в Союз писателей СССР за последние два года поступал ряд сообщений и запросов. Характеризуя профессиональный авторитет Ф. Моуэта и позицию, занимаемую им по отношению к нашей стране, советник посольства СССР в Канаде **тов. Семёнов** сообщает: «...В настоящее время Ф. Моуэт рассматривается здесь в числе 3–5 лучших канадских писателей. Он широко известен. Много выступает по телевидению и радио. В ноябре-декабре 1967 года он выступал в нескольких программах и дискуссиях с положительным рассказом о своих впечатлениях о Советском Союзе, где он был в качестве гостя Союза советских писателей...» (Из записи беседы с Ф. Моуэтом от 25.XII-1967 г.).

В первой половине 1968 года в спецсообщениях и телеграммах, полученных СП СССР из Посольства СССР в Канаде, сотрудники посольства

просили ускорить решение вопроса о приглашении в СССР писателя Ф. Моуэта и фотографа Дж. Девиссера (29.III-68 г. сообщение из посольства, присланное через МИД СССР № 128/2ea, 16.IV-68 г. – запрос из Посольства СССР в Канаде за подписью Посла СССР тов. И. Шпедько, 17.V-68 г. телеграмма из Посольства СССР в Оттаве за подписью Посла тов. И. Шпедько).

В запросе, полученном СП СССР от Посла СССР в Канаде тов. Шпедько от 11.VII-68 г., содержится настоятельная просьба об ускорении ответа о поездке Моуэта в СССР. «В связи с задержкой у Моуэта, который дружественно относится к Советскому Союзу, начинает создаваться впечатление, что его как-то игнорируют, – пишет тов. Шпедько. – Требуется исправить положение».

В ответе, направленном посольству СССР в Канаде, Союз писателей выразил принципиальную готовность принять Ф. Моуэта в качестве гостя СП СССР весной-летом 1969 года. Одновременно с этим СП СССР сообщил Посольству СССР в Канаде о том, что «...вопрос о поездке с Ф. Моуэтом Джона Девиссера пока ещё не решён, т. к. это находится вне компетенции Союза писателей СССР».

В настоящее время достигнута договорённость с Агентством печати «Новости», согласно которой, в случае положительного решения вопроса в целом, Ф. Моуэт может быть принят весной-летом 1969 года в качестве гостя СП СССР, а фотограф Джон Девиссер – в качестве гостя Агентства печати «Новости», о чём 19 ноября 1968 года в инстанции был направлен соответствующий документ за подписями Секретаря Правления СП СССР тов. Озерова и Председателя Правления Агентства печати «Новости» тов. Буркова».

(РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 61, лл. 170–171).

Окончательно вопрос о поездке Моуэта решил 31 декабря 1968 года. Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А. Дмитриук доложил руководству: «По согласованию с Отделом культуры ЦК КПСС и Союзом писателей СССР вопрос о приглашении Ф. Моуэта и Дж. Дэвиссера включён в План культурного обмена на 1969 год» (РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 61, л. 173).

Во второй поездке по нашему Северу Фарли Моуэта сопровождал наш чукотский писатель Юрий Рытхэу. Спустя годы при новом переиздании русского перевода книги Моуэта «Люди оленьего края» Рытхэу повторил свою статью «У мёртвых нет песен», в которой ещё раз выразил канадскому коллеге благодарность за защиту эскимосов Канады и обличение капитализма. При этом Рытхэу привёл несколько фактов, которые, по его мнению, должны были подтвердить счастливую судьбу советских эскимосов. Однако, похоже, что чукотский писатель лицемерил и вёл двойную игру.

С одной стороны, Рытхэу с гордостью рассказывал о том, как советские учителя разработали для эскимосов письменность и организовали интернаты, а власть переселила зверобоев из расположенных в скалах селений в новые благоустроенные посёлки. Но с другой стороны, многие новшества

только усугубили положение древнего народа. Судите сами. Как бы ни трудно было разным начальникам добираться в древнее стойбище Наукан, местные эскимосы покидать свою малую родину не хотели. Во-первых, они круглый год были заняты делом: охотились на морского зверя, укрепляли свои жилища, шили одежду. Во-вторых, люди прекрасно общались друг с другом на родном языке. В-третьих, они слыли непревзойдёнными певцами, танцорами и художниками. А что произошло после их насильственного переселения сначала в чукотский посёлок Лорино, а затем в бывшую чукотскую кулыгбазу Лаврентия? Там они быстро растворились среди других народов, утратили свой язык и забыли большинство своих обычаев. Больше половины из древнего племени науканцев спились, а десятки бывших морских зверобоев и их дети совершили от безысходности суициды. Письменность же, разработанная на основе чаплинского диалекта эскимосов, оказалась искусственной. Ею почти никто не пользуется даже в местах расселения чаплинских эскимосов. Произошла деградация целого народа.

Понимал ли это Рытхэу, когда писал свои пропагандистские предисловия к книгам Моуэта? Безусловно, да. Напомню: в тот год, когда Моуэт совершал в сопровождении Рытхэу вторую поездку по нашему Северу, чукотский писатель закончил работу над первой книгой своей дилогии «Сон в начале тумана», в которой он недвусмысленно призывал европейцев внимательно присмотреться к арктической цивилизации и взять на вооружение древний опыт малочисленных северных племён. Правда, марксистские критики, прикрываясь ленинскими теориями, тут же обвинили Рытхэу в откате в прошлое и в ненужной идеализации патриархических устоев, из-за чего Рытхэу вынужден был потом срочно пропеть лживую оду в честь первого ревкома Чукотки.

Более разумно (в отличие от Рытхэу) поступил Олег Волков. Когда издатели попросили его написать к русским переводам книг Моуэта своё послесловие, он предпочёл заострить внимание не на политических лозунгах, а на том, как канадский автор необычно осветил природу Арктики. Его заинтересовали суждения канадца о перспективах развития традиционных отраслей северян. Повидимому, сказалась разница в пройденных школах. Если Рытхэу с юности был буквально заласкан властью и литературным генералитетом уже только за то, что оказался советским чукчей, то Волков по воле той же самой власти 27 лет провёл в тюрьмах, лагерях и ссылке всего лишь за своё дворянское происхождение и изысканные манеры, после чего, во многом утратив веру в справедливость человеческого мира, занялся воспеванием природы, в том числе и природы Севера.

Сейчас другие времена. Во всём мире умные люди, несмотря на часто возобновляемые конфронтации разных систем друг с другом, понимают, что у нас у всех один общий дом, который зовётся планетой Земля. Нам надо искать не только различия, но и точки сближения. Мы наконец все вместе должны заняться Севером. Погибнет Север, не станет и всей планеты. Будем помнить об этом.

03 / 2017

Илья РЯБЦЕВ

ПРИРОЖДЁННЫЙ ВОИН

Мир профессионального бокса неоднозначен и многомерен. В Америке его уже давно остроумно-ядовито, хотя и несколько цинично, называют «сладкой наукой». Потому что бокс, конечно же, не спорт. Что угодно: бизнес, шоу, война, только не спорт. Это сама жизнь в предельном дистиллированном виде. Так, во всяком случае, считали корифеи западной журналистики и большинство крупных европейских и американских писателей, традиционно отдававших дань этому суровому, беспощадному и бескомпромиссному мужскому единоборству.

Глядя на десятки, а то и сотни бойцов с постсоветского пространства, пытающихся покорить вершины профессионального бокса, невольно приходишь к выводу, что крушение надежд большинства из них во многом связано с неспособностью адаптироваться к новым реалиям жизни в условиях жесточайшей конкуренции, к действительности, бесконечно далёкой от десятилетиями вбивавшихся в головы советских и российских спортсменов прекраснотушных и абстрактно-беспольных заветов барона де Кубертена (Пьер де Кубртен, напомним – инициатор организации современных Олимпийских игр и первый президент МОК). Между тем, они приезжают состязаться в джунгли, где нужно просто выживать.

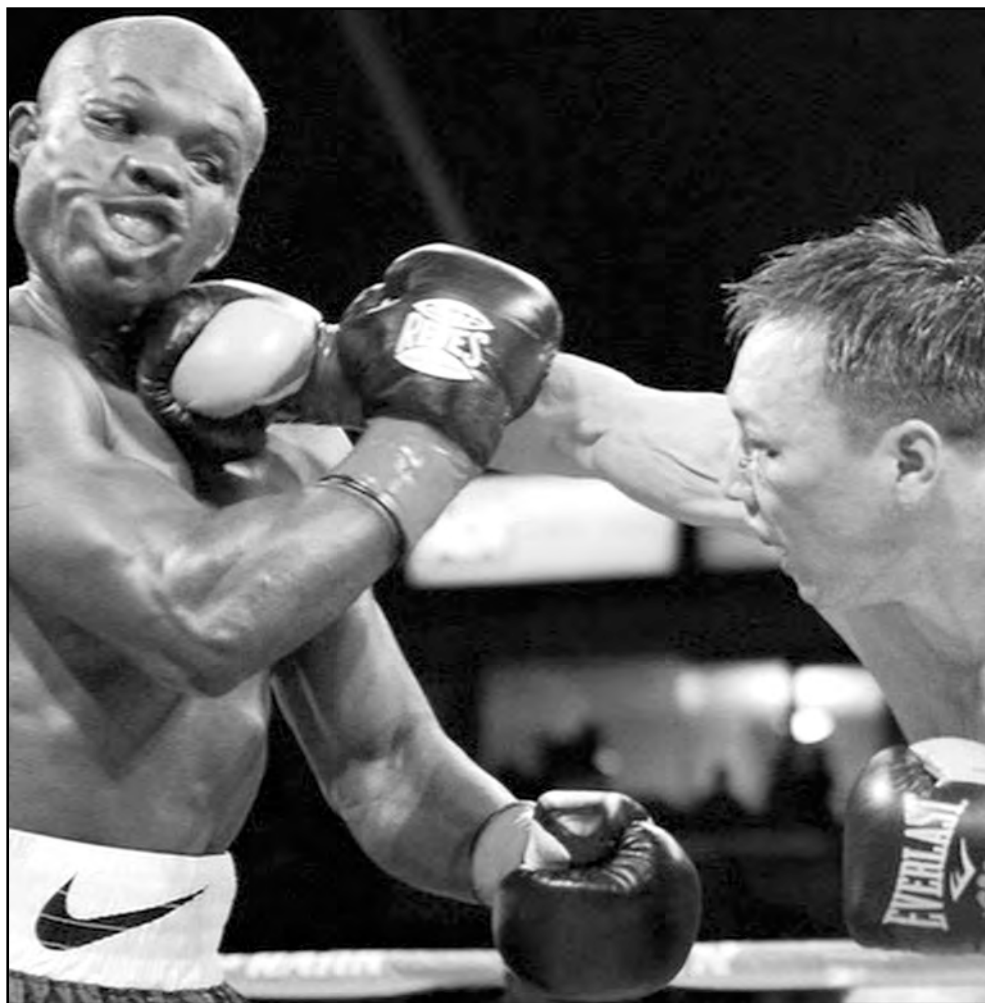
Одним из немногих наших бойцов, сумевших понять жестокие реалии профессионального ринга и органично встроиться в них, стал уроженец посёлка Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа Руслан Проводников. Детство его прошло на улицах, где конфликты и драки были естественной, фоновой частью повседневной жизни. Это было как раз то самое место, где «закалялась сталь». Можно сказать, что детство будущего чемпиона в этом смысле было по-джеклондовски хрестоматийным.

Характерно, что любительскую карьеру Руслана Проводникова даже с большой натяжкой нельзя назвать выдающейся. Да, он стал мастером спорта, обратил на себя внимание на нескольких юношеских и международных турнирах. Но, по большому счёту, ему

так и не удалось закрепиться в числе первых номеров своего веса во взрослой национальной сборной. А по-другому и быть не могло. Прирожденный воин, он не мог в полной мере проявить себя в условиях бесконечных и совершенно идиотских экспериментов, которым подвергались правила и регламент любительского бокса. Экспериментам, оскопляющим саму суть бокса – боевого искусства, постепенно становящегося всё более и более вегетарианским и безликим.

Наверное, поэтому-то в возрасте 22 лет Руслан Проводников принимает решение попробовать свои силы в боксе профессиональном. И тут он словно попадает в свою родную стихию, буквально с первых же шагов обращая на себя пристальное внимание опытных специалистов и боксёрских журналистов. Стихию, в которой действуют простые и понятные, в отличие от олимпийского бокса, правила гладиаторского

вующим чемпионом-полусредневесом (66,7 кг) по версии WBO Тимоти Брэдли признают одним из самых захватывающих и зрелищных поединков последних лет. С самого начала схватки «Сибирский Рокки» обрушил на американца шквал яростных атак. Уже в первых двух раундах (впрочем, как и в последнем – двенадцатом) американец был на грани досрочного поражения. Но проявил мужество, сумел выстоять и по небесспорному мнению трёх судей, несмотря на два нокаута, перебоксировал Руслана, склонив итоговый вердикт в свою пользу в этом захватывающем и равном бою. Победа далась Брэдли дорогой ценой, сразу по завершении поединка он был госпитализирован с диагнозом амнезия и сотрясение мозга, что не помешало ему высоко оценить бокс в исполнении россиянина: «Проводников намного мощнее Пакаяо. Он бьёт сильнее и его удары короче. Он отличный панчер, и

боя: победы или умри. Те самые правила, которым научила его реальная жизнь в родном Берёзове.

Вскоре у Руслана Проводникова появляется характерное прозвище – «Сибирский Рокки», в полной мере иллюстрирующее присущую ему манеру ведения боя, основанную на тотальном и бескомпромиссном давлении и постоянной готовности к самому беспощадному и кровавому размену. Как в известной песне Алескандра Галича: «Ты ударишь, я (...) выживу, я ударю ты (...) выживи!» А это как раз именно то, чего так жаждет ненасытная публика. Умница Проводников очень быстро понимает, что именно нужно зрителю и начинает всячески эксплуатировать тщательно сформированный им образ, по мере возможности конвертируя его в звонкую монету. Повадка настоящего профессионала. Ничего личного, просто бизнес. В этом смысле он, пожалуй, и до сего дня является наиболее стилистически точным на боксёрском рынке российским бойцом.

Третьего февраля 2013 года наступает звёздный час Проводникова. Это был его первый чемпионский поединок. Бой за чемпионский пояс. Есть нечто поучительное в том, что кульминационной точкой в карьере Руслана становится бой, который он формально проиграл. Но только формально, потому что бывают поражения, куда более славные, чем иные победы. Впоследствии его бой с одним из лучших бойцов профессионального ринга вне зависимости от веса, дейст-

я снимаю перед ним шляпу».

На следующий день Проводников проснулся звездой и признанным взыскательной американской публикой героем ринга. Янки практически поголовно признали его brutальный стиль и выписали ему билет в высшую боксёрскую лигу самых интересных бойцов современности.

Через полгода, 19 октября 2013 года, Руслан сразился за титул с действующим чемпионом мира по версии WBO в суперлёгком весе (63,5 кг) американцем Майком Альварардо. Букмекеры отдавали предпочтение фавориту – Альварардо. Правда, с небольшим преимуществом – в соотношении 1,05 к 1. Гонорар Альварардо составил \$1,3 млн, Проводникову как претенденту причиталось \$ 600 тыс. Весь бой проходил с заметным преимуществом Руслана. Проводников действовал в своей фирменной манере, постоянно шёл вперёд, давил, прессинговал, безостановочно осыпая американца тяжёлыми, разрушительными ударами. После шестого раунда преимущество россиянина стало тотальным. Воля чемпиона надломилась и Альварардо не смог заставить себя выйти в ринг после 10-го раунда. Так сбылась мечта Проводникова – он стал новым чемпионом мира по версии WBO и навечно вписал себя в анналы истории профессионального бокса.

Суперзвёздный статус «Сибирского Рокки» нашёл осязаемое и очень почётное подтверждение в опубликованном по итогам 2013 года рейтинге американского телегиганта HBO пяти самых

зрелищных бойцов профессионального бокса. Первые три номера в рейтинге были отданы российским бойцам, а самым зрелищным единодушно был признан Руслан Проводников.

Однако бескомпромиссный, отважный, брутальный стиль Проводникова, который так нравится зрителям, очень затратен и для его обладателя. Фактически это война на грани самоистребления. И бесконечно драться на высоком уровне в таком стиле практически невозможно. Американские боксёрские аналитики, отдавая должное испепеляющему боксу Руслана, предполагали, что россиянин не сможет бесконечно вести свои кровопролитные войны: несколько таких боёв, а затем, по их мнению, должен наступить неизбежный спад. К сожалению, так и случилось. Летом 2014 года Руслан Проводников потерял свой чемпионский пояс в бою с осторожным, отлично двигающимся на ногах Крисом Алджиери. Дважды побывав в нокауне в начале боя, американец понял, что соревноваться с Проводниковым в открытом жёстком обмене аб-

солютно бесперспективно и, начиная с третьего раунда, как говорят боксеры, «включил велосипед», то есть отошёл на дистанцию, постоянно двигался, не сближаясь, используя преимущество в росте и длине рук, перманентно беспокоя Руслана несильными ударами с безопасного для себя расстояния. Двое судей отдали бой американцу с разницей в два очка, один, причём с большим преимуществом (в 8 очков) присудил победу Проводникову. По мнению большинства независимых экспертов и аналитиков судейский вердикт выглядел, мягко говоря, неоднозначным.

Весной 2015 года Проводников в упорнейшем поединке уступил по очкам бывшему чемпиону мира WBC в суперлёгком весе аргентинскому панчеру Лукасу Матиссе. В первой половине боя Проводников пропустил много мощных ударов Матиссе, а также получил расщепление, что сказалось на судейских оценках результата боя. Матиссе в контратакующей манере встречал Руслана передней рукой и жёсткими правыми прямыми, не позволяя нашему бойцу сократить дистанцию и навязать привычный и удобный ему ближний бой. В последних раундах ход боя выравнялся, хотя по-прежнему проходил с незначительным преимуществом Матиссе. Уже в чемпионских раундах Проводников сумел переломить ход боя и был недалёк от того, чтобы сломать и сокрушить аргентинца, но Матиссе выстоял, и судьи

раздельным решением отдали победу аргентинцу с общим счётом 2:1. Позднее Проводников признал этот бой самым тяжёлым в своей карьере. Это был бой, в котором Руслан потерпел самый значительный для себя на ринге урон. Ему показалось, что в тот день он был на грани фатального исхода. Достаточно сказать, что, по словам самого Проводникова, несколько дней после боя его моча была чёрно-красного цвета.

Карьера Руслана Проводникова затормозилась, но, как будто бы «Сибирский Рокки» пока ещё не собирается «вешать перчатки на гвоздь». Тем не менее, он являет собой идеальный пример, свидетельствующий о том, какой ценой достигается победа, популярность и уважение. Потому что бокс, повторимся, – это не спорт, это пространство для достижения успеха, в котором нужны уникальные бойцовские качества, мужество в самом чистом и незамутнённом виде. Таким мужеством в полной мере обладает чемпион мира среди профессионалов Руслан Проводников.

Наталья Новикова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, с середины 1990-х годов занимается изучением процессов взаимодействия коренных народов Севера, нефтяных компаний и органов власти. Ведёт в Интернете сайт «Юридическая антропология», является редактором серии «Исследования по юридической антропологии» (с 1997 по 2008) и организатором Международных летних школ по юридической антропологии. Член рабочей группы при Комитете национальностей Государственной Думы РФ по подготовке законопроекта «Об оценки воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации». Член Правления Комиссии по правовому плюрализму МСАЭН. Член Научно-экспертного совета Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (секция по делам Севера и КМНСС и ДВ).

Наталья НОВИКОВА ЯЗЫК НЕ ВОСПРИНИМАЕТСЯ

АБОРИГЕНАМИ КАК ЦЕННОСТЬ

– Ваш изначальный научный интерес к манси, исследования, с которых началась ваша работа как этнографа – чем объясняются? Можете припомнить эти стартовые моменты?

– Ну, вы так говорите, как будто мне сто лет! Конечно же, помню. Первая экспедиция не забывается, по-моему, никем и никогда. Я начинала свою работу с манси в Ханты-мансийском автономном округе, а потом в Свердловской области. Первая экспедиция у меня была в 1978 году.

– Я свою первую, метеоритную, экспедицию в Туву на речку Чинге в горной тайге тоже прекрасно помню: 1986-й год, но я был тогда всего лишь костровым.

– Ну, видите – всё это не так далеко. А когда начала интересоваться культурой манси, я жила в Омске, и, конечно, на выбор повлияло общение с моим научным руководителем. Николай Томилов (член докторского Диссертационного совета по археологии и этнографии при ИАЭТ СОРАН. – Д.Ч.) мне посоветовал тему, и диплом у меня был по Медвежьему празднику. Это основной праздник у манси, который долгие годы запрещали отмечать в СССР. И далее было логично заняться традиционными праздниками манси, конечно же, в полевых условиях...

– Каково сейчас самочувствие манси в плане родного языка? В Берёзовском районе, насколько нам известно, где живут северные манси, практически утратившие родную культуру и язык, – всё безвозвратно. А как быть с южными манси, кондинскими – тут ещё имеются надежды, и могут быть спасительные рецепты?

– Что касается языка – у нас вообще сложилась ситуация в стране, когда язык не воспринимается как ценность. Люди решают, что надо учить или не учить родной язык только с точки зрения того, как это им поможет в жизни. А как может этот язык, язык тех же манси помочь им в современной жизни? Понимание, что язык важен, как наследство, как культурное богатство – я редко встречала у молодёжи. Очень мало у нас интеллигентных людей из коренных северных народов, дети которых бы говорили на языке родителей – разрыв даже на уровне двух поколений прослеживается. Хантыйский язык, например, конечно же, гораздо живее, чем ненецкий, особенно тундровой. Тут многое зависит от географии. В Ямало-ненецком автономном округе практически 80% ненцев говорят на своём языке, здесь это наиболее благополучный язык из числа коренных языков. Не южные манси, которые были ассимилированы ещё в начале 15 века, а восточные манси – вот кто требует научного внимания. Я работала тогда, когда писала первую книгу, у восточных манси, и могу сказать, что сложилось у них не всё удачно. Литературный язык был выбран из северного диалекта, письменность была создана на его основе. А восточно-мансийский диалект – оказался безписьменным. Хотя были специалисты, Екатерина Ивановна Кузаква была прекрасным лингвистом и пропагандистом этого языка. И вообще было много людей на Конде, которые занимались сохранением культуры. Но их учили в школах уже другому диалекту – и по Северу это вообще генеральная проблема у аборигенов, когда учат не тому языку, на котором разговаривают дома. Но более

глубокая проблема – в том, что там и дома мало кто разговаривал на родном. Вот тут кроется причина того, что языки вымирают – ведь их и в школах преподают, как родной язык, а не иностранный. Как с русским языком – по букварю учимся писать... Вообще, во многих школах, где обучаются коренные народы Севера, язык сохраняется только благодаря усилиям учёных, лингвистов. Откуда-то взялась у нас легенда, что чем больше человек выучит языков, тем сложнее будет ему жить, тем загруженнее как бы будет сознание. Хотя множество психологов и лингвистов доказывали, что, наоборот, знание многих языков, помогает и другим знаниям укладываться в разуме «удобно». Вот этого – вообще не слышат. А только повторяют родители, что финно-угорские языки сложные, очень много падежей, нет родов, детям будут говорить «моя твоя не понимает», будут дразнить и так далее. Но тут надо учитывать, что эти родители – прошли интернат, где им запрещали говорить на родном языке, и они это очень хорошо помнят, как их даже наказывали за то, что говорят на родном языке.

– Но с тех пор уже как минимум одно поколение стало само родителями, почти тридцать лет прошло – говорить никто не запрещает, а сами интернаты по всей стране уступают место усыновлению (недавний скандал в Магадане показал, что и оно не панацея, а иногда и прямой вред здоровью ребёнка), так неужели говорить не хотят и теперь?

– А уже нет тех бабушек. Понимаете, продолжительность жизни аборигенов очень небольшая, условия жизни тяжёлые, и передавать язык уже некому, поэтому и вмешивается наука сюда – конкретные лингвисты-подвижники, которые пытаются спасти язык. Был проект в Ханты-Мансийском Автономном округе, – Культурно-антропологическая школа, – Ольга Александровна Кравченко вела проект. Там бабушки преподавали языки – четыре языка в этой школе было, в Казыме. Так вместо того, чтобы властям поддержать этот проект, его же потом закрыли! Обучение языкам для коренных народов сегодня очень актуальный вопрос. Потому что ресурсов, возобновляемых биологических ресурсов не хватает на всех. Уже сегодня черта подведена. Новые люди не могут заниматься традиционным природопользованием. Значит, они должны получать образование и идти в другие сферы – не как раньше было, не насильственно, а добровольно. Но мы разговаривали с родителями нынешних школьников, и они говорят, что конечно же хотели, чтоб кто-то продолжал наше дело – рыбак, охотник, но с этим всё сложнее в Западной Сибири, оленевод, – но я могу передать это стадо одному сыну, а другие-то должны делать что-то другое... И поэтому образованию надо уделять там очень большое внимание. А из-за того, что не хватает специалистов, наоборот тамошние школы не готовят к университету. Мы же знаем, что детям, которые закончили сельскую школу на Севере, очень трудно поступать в университет и, даже если поступили, учиться там. Они не готовы к этому.

– Да, наверное, таких Ломоносовых нынче мало. Из числа же тех пассионариев, которые вполне в своём времени сравнимы с ним в страсти к знаниям и преподаванию – широко известен ныне, увы, покойный поэт Юрий Вэлла. Вы хорошо его знали, дружили с этим «лесным поэтом», как его многие звали в столице. Он ведь был не только большим поэтом, но и оленеводом настоящим, жил в тайге, на стойбище, приобщал не только детей, но и внуков к традиционному делу своего народа, а ещё и боролся за права всех народов Севера. Что дало Вам общение с этим уникальным общественным деятелем?

– Это не лесной поэт, это просто поэт, я бы уточнила. Он очень много сделал для сохранения культуры в Ханты-Мансийском округе, создал Экомuseum – это и тогда и сегодня весьма оригинальное, не сильно распространённое явление. Экомuseum предполагает жизнь реальных людей в нём. Это мастерская, созданная для того, чтобы люди восстанавливали традиции, утраченные за период 1970–80-х, когда политика ассимиляции была, до этого – политика расселения, запрет проводить традиционные праздники. Кстати, тот самый Медвежий праздник был в советское время запрещён и жертвоприношения были запрещены...

– Политика партии была последовательна, одинаково строга ко всем праздникам, носящим религиозный смысл, включая, конечно, язычество, – но, плохо, наверное, что это перекиды-валось и на воспроизводство культур коренных народов, им всё же навязывали общий прогресс.

– Эта политика себя не оправдала, поэтому и говорить о ней нет смысла. Было повреждено то, что скрепляет духовную жизнь коренных народов, поэтому им и пришлось аварийно спасать себя в период перестройки. Тогда в ХМАО, со второй половины 80-х было создано очень много таких музеев. Но музей Юрия Вэллы в Варьёгане отличался тем, что не был формальным – где существуют экспонаты и инвентарные номерки на них. Он создал музей под открытым небом, в котором люди из всё тех же коренных народов могли бы просто брать как образцы какие-то предметы быта, и делать с них копии. Инструменты, одежду, всё что там было представлено. Если забыли, как это делается – можно взять, а потом вернуть оригинал или свою же копию. В этом музее ближайшие соседи и друзья восстанавливали избышки, это было живое представление жизни не только ненцев (Вэлла был ненец), но и хантов. Причём опыт Экомuseum применялся и за его пределами – в Красноярске была первая биеннале музеев, и он повёз туда чум, и они с женой сидели в нём всё время выставки. Посетители могли туда заходить, и Юрий рассказывал им, чем занимается на своей половине чума муж, чем занимается жена, Елена Фёдоровна Айваседа. Она очень была важна в этом проекте, она олицетворяла женскую половину этого традиционного общества, и пока он рассказывал о себе, она

демонстрировала традиционный быт ненцев. Юрий и Елена получили гран-при этой биеннале. Потом он получал ещё премию Фонда Сороса за подвижничество. И когда Юрий приехал в Москву получать эту премию, он захватил с собой внука, который продемонстрировал тут выставку игрушек, сделанных собственноручно. Эта выставка тоже стала событием. У Юрия есть такая фраза, которая стала эпиграфом к моей книге «Охотники и нефтяники», которую я посвятила его памяти: «Я не хочу, чтоб прервалась тонкая цепочка: земля – олень – оленевод – внук оленевода». Так как Юрий был человеком очень восприимчивым к тому, что происходило в современном мире, он не музеифицировал эту культуру и представлял её как культуру современного человека. И когда у него начались конфликты с нефтяниками, и органы власти смотрели сурово в его сторону, а там манера у властей и нефтяников прилетать на стойбище на вертолёте внезапно. И когда они высаживались, он никогда не встречал их, а ждал их в чуме, слушая Моцарта или читая современные книги, подчёркивал, что пополняет культурный багаж, что не «отсталый». И он на самом деле любил Моцарта, и много ездил в разные страны, в некоторых поездках мы были вместе, это было большим событием для тех стран, куда Юрий приезжал, и вообще он был очень важной фигурой в финно-угорском сообществе. И счастлива, что общалась с ним, поддерживаю связь с его семьёй, и памятник который поставлен в Варьёгане на его могиле, на мой взгляд, достойный. Сделал его знакомый Юрия, художник. Сейчас там создан его музей, им занимается его старшая дочь, Аэлита. А в библиотеке, в Мегроне работает Татьяна Юргенсон, она поэт, активистка – и собирает сочинения Юрия, в 5 томах. Туда войдут и статьи, которые о нём писали, но пока, к сожалению, не найден спонсор для этого издания, хотя все мы готовы работать бесплатно для составления этого собрания сочинений. И я собрала как раз том воспоминаний, исследований о нём – и буду рада продолжить эту работу, но на типографию пока средств не найдено. Пока этим больше занимается Татьяна, я как бы на подхвате... Если собрание выйдет – это будет, конечно, большой вклад в развитие культуры коренных народов Севера.

– Вы известны в России и за её пределами как видный эксперт по юридической антропологии. Повлияло ли на эту вашу специализацию общение с Юрием Вэллой, который буквально прорубал свой путь в этом направлении, устанавливая с нефтяниками контакт почти как с инопланетянами?

– Нельзя сказать, что только общаясь с Юрием, я стала интересоваться юридической антропологией. Скорее, когда мы познакомились, то уже вместе, параллельно занимались схожими проблемами коренных народов с юридической стороны, а проблем накопилось к тому времени очень много. Для меня же началось всё, наверное, в 1995-м году, когда мне показали материалы по Приобскому месторождению. Там аборигенная

семья отдавала нефтяникам свои родовые угодья, территорию традиционного хозяйствования фактически за шесть батареек. В договоре были в составе «выкупа» мешок муки, мешок сахара и шесть батареек.

– И это там, откуда потом счастливики-«недропользователи» выкачали нефти на миллиарды долларов?

– Вот именно, месторождение очень богатое. Когда я всё это увидела, то написала статью в «Северные просторы» (журнал, рассказывавший об истории и современной жизни российского Севера, выходил с 1985 по 2006 год. - Д.Ч.). Таково было начало моей работы в качестве юриста-антрополога, до этого я больше занималась изучением духовной жизни, обычаев коренных народов. А у Юрия тоже был свой особый мотив, как раз мотив той стороны, которую в ходе освоения нефтеносных мест, всячески пытались объегорить. Он вообще, когда только начинал интересоваться юридической стороной конфликтов, был как поэт вдохновлён, но при этом мало осведомлён. Я спрашивала его: какие у тебя есть документы на твою землю, где занимаешься оленеводством? Он ответил: «А у зайца есть документ?» Он считал, что человек живёт в природе, как её неотъемлемая часть...

– Однако туда как раз в девяностых и пришли господа, чтобы именно отгнать часть природы, ту часть, которая стала потом и для всей страны бюджетобразующей, если не сказать – источником власти...

– Потом Юрий даже учился на юридическом факультете в Нижневартовске, не помню, сколько курсов он закончил, но это было ему важно именно в плане получения конкретных знаний, диплом-то о высшем образовании у него давно был. Я тоже преподавала некоторое время в том институте в Нижневартовске, и мне преподаватели говорили, что экзамены, которые сдавал Юрий, они использовали как возможность с ним поговорить, узнать что-то о жизни оленеводов и узнать что-то, что он думает по какому-то информационному поводу. Да и вообще заниматься юридической антропологией поначалу было сложно – ведь я и мои коллеги-антропологи сталкиваемся в первую очередь с тем, что все общества живут по своим законам. По своим, или по государственным, или по международным. В общем, нормы права есть в любом обществе. Не случайно большинство основателей этнографии и антропологии в мире по образованию были юристами. И вообще, если мы посмотрим книги по этнографии разных народов, мы всегда там найдём, если это хорошие, фундаментальные книги, описание, какими нормами в жизни руководствуются эти народы. Как развиваются аборигенные сообщества, как они взаимодействуют с промышленными компаниями – это уже следствия юридических норм, которые гласно или негласно живут в обществах. Кроме того, в конце 1980-х годов началось движение по созданию законов о коренных народах. Вы же знаете, что в советское время законов таких не было, и в конституции, новой, 1993-го года появились две

статьи о коренных народах. Обе статьи очень важны, но особенно важна 69-я статья, где гарантируются права коренных народов в соответствии с международными принципами и нормами международного права и договорами, ратифицированными РФ. С этого началась работа по подготовке законов, которые будут регулировать жизнь коренных народов РФ. Кстати, когда заседало Конституционное Собрание, то наш Институт подавал туда свои законопроекты, тогда было очень активное общественное движение по созданию новой конституции. Наш отдел тоже подавал туда письмо через знакомых депутатов: какие статьи, как мы считали, должны быть в отношении коренных народов. Потом уже началась работа с законодательством, я участвовала, меня пригласили старшие коллеги – Валерий Тишков (директор Института этнологии и антропологии РАН), Зоя Соколова (советник Института этнологии и антропологии РАН, работает с 1956 года), учёные нашего института активно участвовали в этой работе. Я воспринимала тут свою долю в общей работе как непосредственную задачу – донести до депутатов, как этнограф, занимающийся полевыми исследованиями, наиболее острые проблемы коренных народов, которые не регулируются общим законодательством. Во всём мире есть нормы права, регулирующие жизнь коренных народов, а у нас их не было.

– Видимо, пока шли процессы конвергенции и народ был едино-советским... Другое дело, когда сталкиваются на одной земле целые исторические и формационные пласты – нефтедобытчики в эпоху реванша частной собственности, и оленеводы с их родовой собственностью-стадами, это напоминает визуально «наскок» одной тектонической плиты на другую, там и возникают вулканы конфликтов, почти как в САСШ времён войн с индейскими племенами наших «евро-оккупантов»...

– Потому эту законодательную работу я тогда и воспринимала очень серьёзно: понимали, что воздействуем на живую жизнь тех же оленеводов и от наших законов будет зависеть их будущее, их процветание или же увядание. Был такой случай, когда я работала над законопроектом об общинах коренных народов – мы работали с Владимиром Етылиным, он был депутатом, с Чукотки, он был, как говорят, в теме, в Госдуме мы долго работали совместно. И в своих экспедициях я часто общалась с аборигенными сообществами, рассказывала, что мы планируем заложить в закон об общинах, и получала отклик. Вот, например у Юрия Вэллы был дядя Олег Айваседа, который вообще не имел формального образования, но очень знающий как оленевод, и вот именно он способствовал нашему законотворчеству в этой области. По юридической антропологии в мире, к сожалению, очень мало специалистов. Однако на одной международной конференции я узнала, что в Оксфорде есть очень большая группа, занимающаяся юридической антропологией. В Вене тоже очень много студентов занимаются, по двадцать выпускников в год у них

бывает. У нас же в стране – единицы, кто этим занимается. И, к сожалению, этот очень важный предмет чрезвычайно мало, где преподаётся в университетах. Даже судьи – по процессам мы это знаем, – судьи, самой высокой квалификации юристы, очень многого не знают из аборигенных норм. Не разбираются в законах о коренных народах, в международном праве и уж тем более в локальных нормах, условиях жизни аборигенов. Поэтому возникают большие проблемы и в нашей правозащитной работе.

– Я слышал в Томском государственном университете на истфаке от аспирантки, что селькупы, например, как крайне малочисленный коренной народ, даже неподсудны по некоторым статьям (чуть ли не за убийство в том числе)...

– Что вы! Забудьте эти байки. Уголовный кодекс не имеет никаких «национальных изгибов». Ещё с начала 19-го века, когда тут регулятором был Устав Сперанского, преступления против личности были вынесены в общее законодательство. В статьях трёх федеральных законов о коренных народах, при каждом законе есть статья, касающаяся обычаев этих народов. Но эти обычаи и традиции всегда дополнительным свидетельством являются – в случае преступлений. В судебной защите они могут использоваться, если не противоречат конституции и законам РФ. Статья 14-я закона о гарантиях прав коренных народов существует для того, чтобы суд мог разобраться во всех особенностях дела – если такое разбирательство сочтёт нужным. Но преступления против личности – это не обычай. Бывают такие обычаи – кровной мести, добровольной смерти, но, как я уже сказала, с начала 19-го века такие обычаи судом не учитываются. И коренные народы имеют в РФ специальные права только для ведения традиционного природопользования, сохранения и развития своей культуры.

Вручение Ю.Вэллы премии Фонда Сороса «За подвижность. 1998 г.». С ним внук Колчу.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЦЕНА БОРЬБЫ – ИНОАРИТ

ИЛИ

**Почему якутский поэт
Семён Данилов
так испугался,
когда узнал,
что его переводчик
Александр Шаргунов
принял церковный сан**

Большого якутского поэта Семёна Данилова сегодня некоторые исследователи представляют как очень благополучного автора, которого в советское время донельзя заласкали власти как Центра, так и Якутии. Недоброжелатели утверждают, что он ещё в начале 60-х годов прошлого века, войдя в доверие к руководству Якутского обкома КПСС, установил в местном Союзе писателей монополию своего клана, продвигал исключительно литераторов из заречных улусов и якобы всячески зажимал сочинителей с Вилюя. До сих пор не даёт завистникам таланта Данилова покоя и то, что поэт в разные годы получил массу наград, в частности, Государственную премию России и ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции. Но справедливы ли все эти упреки? Давайте наконец отбросим все клише. Пора признать, что Семён Данилов был большим художником, который к тому же всю жизнь бился за справедливость и помог вернуть народу саха наследие целой плеяды основоположника якутской реалистической литературы.

Судьба его складывалась очень драматически. Уже весной 1949 года он, заполняя очередную кучу анкет, потребовавшихся для перевода из кандидатов в члены Союза писателей, писал о себе:

«Я родился в местечке «Бор» Мытахского наслега, Горного района, Якутской АССР осенью 1918 года в семье бедного крестьянина-зверолова. Отец мой, Пётр Яковлевич Данилов – сын знаменитого охотника, до 1922 года батрачил у улусных богачей. А мать моя, Мария Яковлевна, была дочерью известного кумалана (инвалида) Якова Тимофеева.

В нашем наслеге до 1930 года не было школ. Поэтому, когда мне было 8 лет, родители мои отдали меня в интернат Чемодайской школы (I Мак. насл. Зап.-канг. района). Учился с большими перерывами, но хорошо. И в 1933 году окончил пятый класс уже в своём наслеге. Наша школа до 1936 года оставалась пятилетней, а в другой район меня не отправили, и я остался вне школы, стал работать бригадиром полеводческой бригады колхоза. Бригадиром работал до 1935 года.

В 1935 году я был командирован на юридические курсы в г. Якутск, где я проучился всего три или два месяца. И в связи с ликвидацией этих курсов я был командирован в свой район в качестве секретаря и ещё совместителя нарсуды.

В 1936 году был назначен инструктором райкома ВЛКСМ.

В 1937 году приехал в Якутск и поступил на сельхозрабфак.

В 1938 году перешёл на педрабфак, который окончил в 1940 году.

В 1940 году поступил в Якутский педагогический институт на факультет языка и литературы.

Во всём протяжении учёбы я вёл общественную комсомольскую работу, был постоянным членом всех литкружков и объединений. И без отрыва от учёбы преподавал в школах, курсах и техникумах состоял в оркестре радиокомитета, рисовал, переводил книги, писал стихи и бывал в творческих командировках.

Начал печататься с 1938 года.

В 1944 году окончил институт и получил назначение в Горный (свой) район, где работал до 1946 года в качестве школьного инспектора РОНО.

В 1946 году механически выбыл из комсомола как переросток.

В этом же году решил выехать на учёбу (в Москве) в аспирантуру и приехал в г. Якутск, но Минпрос отказал и командировал меня в политехпросветшколу. Через 2 месяца по ходатайству дирекции Якут. пединститута в октябре

Семён ДАНИЛОВ

1946 года был назначен ассистентом кафедры языка и литературы. И по сей день состою на этой должности, преподаю историю русской литературы на специальных курсах и детскую литературу в учительском институте» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 1789, лл. 71–72).

Здесь стоит добавить, что позднее Данилов, опираясь на рассказы близких родственников, выяснил, что родился он всё-таки не осенью восемнадцатого года, а на полтора года раньше. Поэтому 15 апреля 1965 года поэт попросил кадровиков внести в документы уточнения. «Дата моего рождения, – писал он, – 20 марта 1917 года, а не 20 октября 1918 г. (основание – свидетельство о рождении, I-КД № 016147)» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 1789, л. 22).

Второе уточнение: в Якутском пединституте Данилов преподавал с 1946 по 1953 год, а потом начальство его уволило. За что? Как оказалось, молодой поэт отказался слепо верить тогдашнему руководителю Якутии Семёну Борису и влиятельному московскому востоковеду и литературоведу Люциану Климовичу, которые в главной газете страны – в «Правде» объявили зачинателей якутской письменной реалистической литературы Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова и Николая Неустроева буржуазно-националистическими писателями (до этого, напомним, Климович специализировался на поиске среди писателей и учёных космополитов).

Естественно, Данилов не смирился со своим изгнанием из института и стал требовать справедливости. Вынужденные реагировать на жалобы стихотворца, власти Якутии запросили у

руководства Союза писателей республики характеристику на поэта. Известный своими связями со спецслужбами тогдашний председатель правления Союза писателей Якутии Н.Г. Золотарёв и ответсекретарь этого правления С.С. Васильев вынуждены были лавировать. С одной стороны, они не могли игнорировать быстро растущую популярность Данилова среди якутской интеллигенции. Но с другой – эти два литфункционера побоялись оспорить опубликованный в «Правде» материал. Поэтому написанная ими характеристика на Данилова получилась несколько уклончивой. Начиналась она во здравие, а заканчивалась констатацией факта несогласия поэта с партийным начальством.

В своём отзыве Золотарёв и Васильев 4 мая 1953 года отметили:

«Отдельные стихи последних лет тов. Данилова, написанные на конкретные темы, насыщены образностью и идейной заострённостью. Это свидетельствует, что он упорно работает над повышением своего поэтического мастерства.»

Тов. Данилов С.П., будучи преподавателем якутской литературы в Якутском пединституте, продолжал восхвалять буржуазно-националистических писателей Кулаковского, Софронова, Неустроева и после статьи газеты «Правда» от 10 декабря 1951 г. «За правильное освещение истории якутской литературы».

Тов. Данилов С.П. директивными органами снят с работы преподавателя якутской литературы как несоответствующий преподавательской работе института и имеющий серьёзные ошибки буржуазно-националистического характера. В настоящее время работает преподавателем русского языка и литературы в семилетней школе» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 1789).

Снимая Данилова с работы, партийное руководство Якутии рассчитывало на то, что поэт, оказавшись в некоем вакууме, быстро сломается и попросит пощады. А в том, что вакуум вокруг Данилова непременно образуется, холуи С.Борисова даже не сомневались. К тому же мнение национальной интеллигенции их абсолютно не интересовало. А в Москве, как выяснили партфункционеры, Данилов найти влиятельных заступников ещё не успел. Но партаппаратчики не учли другого: Данилов был силён духом. К тому же и весь творческий люд в Якутии согласился плясать под дудку Борисова. Сочувствовавшие поэту администраторы вскоре помогли опальному стихотворцу устроиться на работу в музыкально-художественное училище. А уже в 1955 году Данилов по совету добрых людей поступил на Высшие литературные курсы в Москве.

Безусловно, два проведённых в столице Советского Союза года для поэта не прошли бесследно. Во-первых, он значительно расширил свой кругозор. Во-вторых, бывший якутский учитель обзавёлся полезными связями в академических кругах и московских издательствах. Но главное – он обрёл в Москве влиятельных соратников в борьбе за возвращение наследия великих

якутских реалистов. В частности, его союзниками стала группа учёных из Института мировой литературы, которая имела прямые выходы на руководителей идеологических отделов ЦК КПСС. После этого поэту уже было не страшно возвращаться в Якутск.

По окончании Высших литкурсов Данилову предложили скромную должность литсотрудника в журнале «Хотугу сулус» («Полярная звезда»). Но очень скоро ведущие литераторы республики сумели добиться от Борисова согласия на избрание поэта председателем Союза писателей Якутии. Возможно, Борисов, санкционируя в 1961 году избрание Данилова, рассчитывал на то, что бывший учитель станет более покладистым. Но этого не произошло. Наоборот, Данилов объединил вокруг себя многих недовольных политикой Борисова в области культуры и искусства и, по сути, возглавил в республике движение за творческую реабилитацию Кулаковского, Софронова и Неустроева.

К слову: московские союзники Данилова тоже не сидели сложа руки. Они организовали серию обращений к первым лицам советского государства. Обеспокоенный ростом протестных настроений среди исследователей национальных литератур и якутской интеллигенции, секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов в начале 1962 года распорядился направить в Якутск комплексную бригаду и рассмотреть потом данный вопрос или на секретариате ЦК, или на бюро ЦК по РСФСР. В ту бригаду вошли новый инспектор ЦК Евгений Разумов, инструктор отдела науки, школ и культуры ЦК по РСФСР музыковед Павел Апостолов, литературный критик Александр Дымшиц, а также специалисты из аппарата правительства и ряда ведомств. Принимавший бригаду Борисов из кожи вон лез, чтобы доказать свою правоту. Однако он ещё мог пустить пыль в глаза Разумову, который был далёк от проблем искусства. Но это не удалось ему проделать с Дымшицем. обстоятельно побеседовав с братьями Даниловыми и другими якутскими литераторами и учёными, Дымшиц убедился, что Кулаковский, Софронов и Неустроев никакими буржуазными националистами, по сути, не были. Все три художника, безгранично любя свой народ, всегда учитывали и интересы других этносов, а Кулаковский прямо говорил, что без русского народа якутский не сохранить.

Проводив комплексную бригаду ЦК, часть якутских писателей стала тешить себя иллюзиями, что вскоре последует коренной перелом и справедливость восторжествует. 6 марта 1962 года Семён Данилов написал в Москву Александру Дымшицу:

«Дорогой Александр Львович,

как обещал, посылаю газеты «Кыым» и «СЯ» с редакционными статьями о наследстве трёх дореволюционных писателей. Так же в «Кыыме» помещён отчёт об общем собрании писателей Якутии. На русском языке на днях вышлем Куклису. Куклису пошлём так же наше возмущение по поводу книги Г.Тихонова.

Пока у нас всё по-старому. Только немножко потеплело, дни настали настоящие якутские весенние и прозрачные. Недавно состоялся пленум Якутского горкома, была такая же жёсткая критика (почти единодушная) по адресу Борисова, Чиряева, Канаева, Тихонова и, особенно, Ефремова.

С приветом и наилучшими пожеланиями

С Данилов.

Б.Ш.1962 г.»

(РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1081, л. 2).

Однако буквально через пару недель команда сохранившего свой пост первого секретаря Якутского обкома КПСС Семёна Борисова перешла в наступление и стала мстить всем партработникам, учёным и писателям, которые выступали против прежней линии партийного руководства. На этой почве у Семёна Данилова случился инфаркт. 21 апреля он писал Дымшицу:

«Дорогой Александр Львович!

Никогда не думал, не гадал, что заболел инфарктом, но дня через 3 после вашего отъезда был сражён этим страшным ударом судьбы. Плохо то, что по халатности наших врачей почти два дня находился дома, иногда даже ходил по комнате и даже во двор. Но всё это уже проходит, я уже начинаю оживать – уже могу самостоятельно сидеть 3 раза в день по полчаса (поднимают, конечно, сёстры).

После Вас у нас в Союзе писателей вроде нет никаких изменений и новостей. Там царствует Сергей Васильев (отв. секр.). Он у нас страшный лентяй, к тому же малограмотный. Я очень боюсь – как мы будем встречать наше московское начальство, если нагрянет оно в июле. За меня в правление обком поставил пьющего парня Н.Габышева, который обязательно подведёт. А С.Васильев ничего не будет помогать. Вот такие дела.

Обком начал контрнаступление против тех, кто хотел поднять сыновний бунт против руководства, всё идёт к тому. Трёх нашим критикам – ограничились простым выговором, без занесения и т.д. Канаев обнаглел, говорит: «Ха-ха, выговор ерунда, его дают за такую незначительную провинность, как лёгкое опьянение». Грозится дать перцу всем, кто его посмел обвинять в фальсификации и т.д. Правда, Тихонова освободили с должности руководителя лекторской группы.

Т.Борисов хотел Павлова, который министром назначен только 4 месяца тому назад (М. просв.) в сельхозуправлении на Вилюй, но ЦК не согласился (помните, всё время ратовал за решительное и безоговорочное постановление об отмене бывшего решения ОК). А Е.Д. Кычника, тоже недавно назначенного заведующим партийным отделом ОК, определили в ссылку на Кольму – также за непослушание за крит. выступления по адресу Борисова. Зам. редактора «Кыыма» И.Филиппова и зав. отделом культуры и литературы т. Егорова очень ругали за напечатание крит. статей против святой троицы наших критиков и определили в районные газеты. И т.д. И т.п.

03 / 2017

Всё это я Вам пишу как другу нашему, как человеку, который по-настоящему стал нашим большим другом, болеющим делами всей сов. литературы и в том числе якутскими. И я уверен, что Вы за это не будете укорять меня.

Теперь, дорогой АЛ., пользуясь капризными правами больного и уверенный в вашей величайшей доброте и отзывчивости, хочу просить сделать следующее одолжение для меня и для як. литературы.

1. Я написал письмо на имя Черноуцана. Но пока нет никакого ответа. Особенно нас интересуют Гослитиздат и «Молодая гвардия», они должны были издать большой сборник якутской поэзии к юбилею.

2. Узнать у поэтов Козловского и Липкина С., переводят ли мои стихи они. И им большой привет.

За всё, что сделали Вы для нас и в ЦК, и в Союзе писателей, и в редакции «ЛиЖ», большое человеческое спасибо от всей Якутской писательской организации.

Пожалуйста, извините меня за нескладность письма, я его писал 3 дня подряд, лёжа на спине.

Привет ВЛитвинову.

С благодарностью и тов. приветом Семён».

(РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1081, лл. 4–4 об.)

На этом история не закончилась. Уже первого сентября 1962 года младший брат Семёна Данилова – Софрон написал критику:

«В июне в университете было обсуждение «Очерков истории якутской литературы». Почти все выступавшие единодушно отметили, что новый вариант «Очерков» мало чем отличается от прежнего, вычеркнуты только слова «буржуазно-националистический», «контрреволюционный». Отвечая на критику, авторы – работники Института языка, литературы и истории филиала АН сказали, что они трёх дореволюционных писателей не считают демократами и реалистами и дали понять, что новое постановление о наследстве считают временным недоразумением. Один из них (Г.Эргис) прямо так и заявил: «будущее покажет!» Сейчас среди интеллигенции о новом постановлении стали говорить с некоторой оглядкой. К этому, видимо, во многом способствует всё ещё продолжающееся снятие с работ противников старого постановления. Освобождён от работы заведующий отделом агитации и пропаганды ОК КПСС тов. Васильев С.Н., внесший на бюро вопрос о фальсификациях Канаева и Ко; удалены из обкома и перешли на учительскую работу два инструктора отдела науки обкома тт. Черин и Ларионов, выступившие ещё зимой с критикой линии обкома в литературе и науке, смещён с работы зам. редактора газеты «Кыым» тов. Филиппов, напечатавший статью Е.Алексеева «Честно относиться к историческим документам» (о Канаеве и др.) и т.д.

Не знаю: что дальше будет...

Будьте здоровы, дорогой АЛ.! Жду от Вас добрых вестей.

С.Данилов»

(РГАЛИ, ф. 843, оп. 1, д. 1082, лл. 6–6 об.)

К сожалению, Москва тогда ограничилась полумерами. С одной стороны, она как бы дезавуировала давнюю статью Борисова и Климовича против зачинателей письменной якутской реалистической литературы и взяла под свою защиту оппонентов Борисова, но с другой – оставила Борисова в должности первого секретаря Якутского обкома партии. Не зная как трактовать подобную половинчатость, академические институты и издатели в свою очередь не стали торопиться с поисками переводчиков и публикациями наследия якутских реалистов на русском языке. Решение вопроса затянулось аж до середины 70-х годов.

Здесь стоит сказать, что Семён Данилов, имевший к началу 60-х годов огромную популярность среди якутской интеллигенции, долгое время оставался неизвестным в других уголках России. А всё потому, что его переводили мало и плохо. Дымшиц, когда познакомился с Даниловым, решил, что это несправедливо,

24 июля 1977 г.

Здравствуйте, Викентий и Анн!

Какие у вас новости? Как живёте? Как идут все Анны? Мы скучаем по вас. В июне как я пишу письмо от Викентия, где он сообщает, что радужничает от своего решения... Ну увы! Нам очень и очень тяжело потерять вас, исключив из числа своих друзей...

Я как вчера писал свой Якутский, где бохшич сего переведено Викентием. Я пришел в ужасе от мысли, что их всё придется пере-перевести. Видно так? Им сан Вам не мешает заниматься литературными трудами и полагаться в шведских, шведских изданиях? Узнаю и пишу.

Пиши обо всем: где работаешь? Отдыхаешь ли судьбою и т.д.

Мы живем от Сургома, по Суриковски.

Да, еще: если по поводу, пошел в библиотеку быблии

Привет всем нашим знакомым

С приворотом вашим Данилова

Александр ЯНОВ

и пообещал талантливому поэту своё содействие. Критик сдержал своё слово и по возвращении в Москву тут же связался с молодым поэтом и историком Александром Яновым, который до этого по его заказу успешно перевёл для газеты «Литература и жизнь» стихи молодых кабардинских авторов. Данилов был счастлив. 15 мая 1962 года он сообщил Дымшицу:

«Я даже не знаю как благодарить Вас, дорогой АЛ, за Вашу большую заботу о нас. У нас до сих пор не было такого искреннего, отзывчивого друга нашей литературы. У нас нет ни в Москве, ни в Якутске ни одного переводчика, который бы серьёзно занимался переводом якутской литературы на русский. Поэтому т.АЛ. Янов, если серьёзно желает заниматься переводами якутских поэтов, то, конечно, мы можем только приветствовать и хотели бы с ним связаться, конкретно договориться обо всём. Я очень прошу Вас, доргоу АЛ, если это не затрудняет Вас, сообщить его адрес. А мы ему напишем письмо» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1081, л. 6).

Цена борьбы – инфаркт

Однако Янов вскоре с поэзии переключился на публицистику. Впоследствии он работал в журнале «Молодой коммунист». Но пламенного большевика из него не получилось. Имя Янов себе сделал как диссидент, взявшийся разоблачать советский режим. А Семёну Данилову пришлось искать других переводчиков.

Нового адекватного переводчика Данилов обрёл лишь в конце 60-х годов. Им стал недавний выпускник Московского пединститута имени М.Тореза Винцент Шаргунов, подрабатывавший сначала в Госконцерте, а затем в Загранпатенте. Сохранилось несколько писем поэта, адресованных Шаргунову. Одно из них датировано двадцатым сентября 1971 года. Данилов писал:

«Дорогой Винцент Иванович!

Получил твоё письмо. Спасибо. Твои детские переводы мне понравились. Особенно я благодарен за уважительное отношение к оригиналу. Замечания у меня незначительные. Об этом я напишу отдельно. Сейчас некогда. Забота, работа и сезон охотничий. Я в каком-то угаре. Сосредоточиться никак не могу.

Насчёт книги и её сокращения я написал письмо на имя всех троих: <Владимира> Туркина, <Михаила> Карунного и <Евгении> Имбовиц [руководителей и сотрудников издательства «Советская Россия». – В.О.]. Письмо моё полулюбленное, полуругательное и полупросительное. Пускай решают сами.

А о сохранении всех переводов В.Шаргунова и А.Преловского сегодня подаю телеграмму и письмо. Ты не беспокойся, твои переводы никогда не пропадут. Никуда не денутся, примут всех. А то мы с тобой можем издать их отдельной книгой.

Теперь о журналах. Ты не отставай от них. И когда будут давать стихи, ты проследи, настаивай и т.д. А то «Молодая гвардия» даёт одно маленькое стихотворение и к тому же автору присвоено звание «Народного поэта». Мне было обидно за эту публикацию. Лучшие бы совсем не давали. Главное, они меня печатают за всю свою историю первый раз и представляют так. Обидно.

Привет АБ, Мише, Львову и т.д.

Обнимаю твой С. Данилов».

По просьбе Данилова Винцент Шаргунов в какой-то момент стал не только переводчиком Данилова, но, по сути, и его литературным агентом в Москве. Он взялся устраивать многие издательские дела своего якутского товарища. Приведу следующее письмо Данилова, подтверждающее эту мысль.

«Дорогие Винцент и Аня [Аня – это жена Шаргунова, дочь писателей Валерии Герасимовой и Бориса Левина. – В.О.] – писал Данилов. – Примите наши Майские, очень тёплые и радостные поздравления. Наши Алгысы вам: быть вам здоровыми, сохранить красоту душевную до конца дней и, следовательно, быть счастливыми. Я благополучно прибыл домой и сразу запрягся в ненавистные мне оглобли: пишу доклад, ругаюсь с начальством и не начальством, хожу в контору и звоню по телефону.

Винцент, я прошу: 1) Связаться с В.В. Шкаевым [сотрудником издательства «Советская Россия»], договориться о сроках представления рукописи книги. Взять у него моё «Звучание тайги» в лучшем, белом варианте взамен серому худшему варианту. Взять обещанную Е.Н. Имбовиц такую же белую книгу «Звучание тайги».

2) Послать «Зимний день», сразу по выходу. 3) Узнать книгу в «Огоньке».

Обнимаем
ваши Даниловы».

В другом письме – от 25 июня 1974 года (оно писалось в Доме творчества в Дубултах) – Данилов рассказывал чете Шаргуновых о рождении новых стихов и об отдыхе на Рижском взморье. Он писал:

«Дорогие наши юные Шаргуновы!
Примите наши самые сердечные приветия и поздравления с прекрасным летом, счастливым отдыхом, успешной работой!
Спасибо за письмо, за радостные вести, что стихи процветают, как тюльпаны Прибалтики.

Вот я выполнил твой соц. заказ «Зимний день». Оно у меня родилось в муках и поэтому я не очень уверен, что оно получилось. Тем не менее посылаю подстрочный перевод. И прошу отпечатать на машинке и послать мне копию. Обязательно.

Мы тоже отдыхаем востро. Я почти не работаю. Тут у нас много друзей – писателей Латвии. Они считают своим долгом пригласить к себе домой, показать республику и т.д. Эти гостевания и поездки немножко утомляют. Но в целом отдыхаем неплохо.

Срок у нас до 7 июля. Отсюда уезжаем поездом 7-го вечером в Москву. В Москве – два дня и сразу домой. Анечке от моих и меня большущий привет!

Желаем здоровья, хорошего отдыха и, конечно, успехов, успехов и ещё раз успехов тебе.

Обнимаем
Даниловы».

Готовясь к своему 60-летию, Данилов ещё в середине 70-х годов выхлопотал в Госкомиздате СССР решение о выпуске своего двухтомника. В связи с этим он взялся пересматривать старые и новые переводы. Появилось много разных мыслей. 11 марта 1976 года поэт написал Шаргунову:

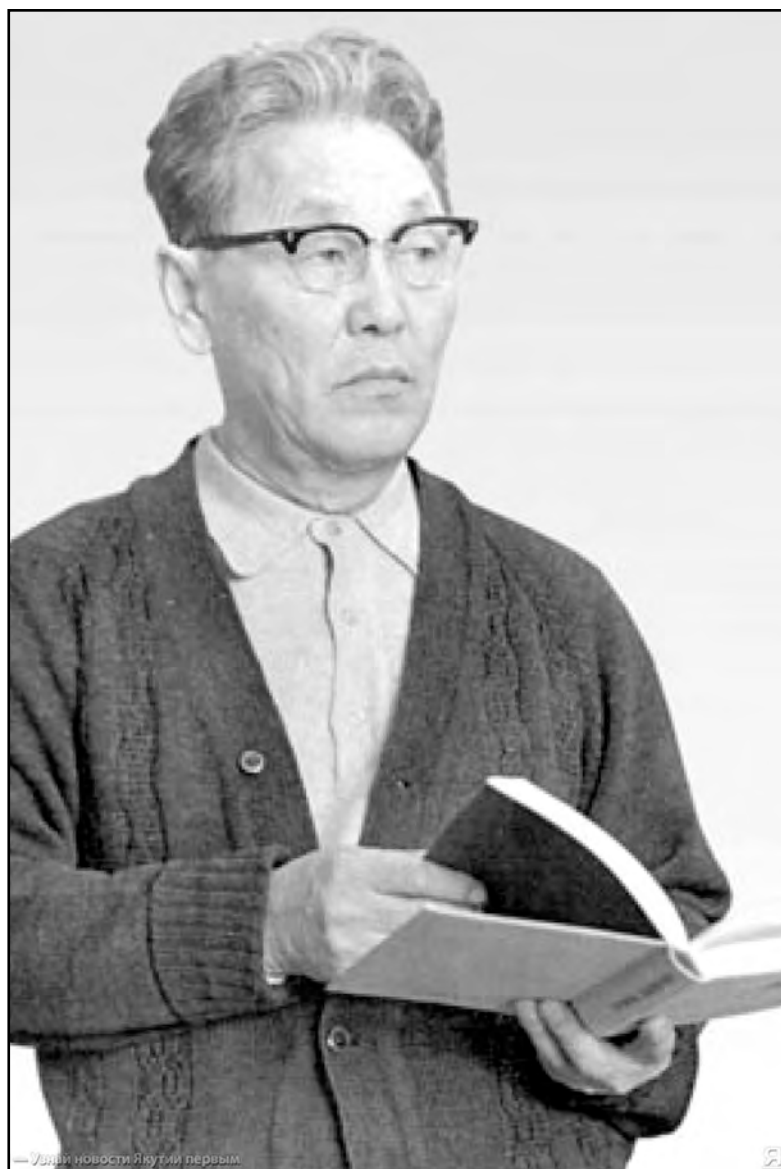
«Дорогой Винцент!
Я уже вышел на работу, и потому у меня много писать нет времени. На досуге я спокойно прочитал твои новые переводы и остался,

как никогда, доволен. Особенно тебе удалось новые, маленькие стихи вроде: «Язык природы не коверкай», «Ревущая ракета» (то, что ты варьируешь повторяющиеся строки, оказывается, очень усиливает динамику стиха. Якутский оригинал я тоже буду делать по твоему), «Ты как женщина», «Этот пламенем свёрнутый лист» и т.д.

А ранние стихи не очень удалось. Видимо, ты им не придавал значения и не очень старался. А зря! Надо было из них сделать настоящие стихи. И можно было.

Ты позвонил ли Князевой? Начала ли работу над книгой? Я очень беспокоюсь о книге и боюсь, что I том получился слишком серый. Как ты думаешь? Ты, пожалуйста, позвони ей, передай мой привет и спроси, как продвигается книга. А сам постоянно проследи, помоги ей разобрататься в ней и т.д. Если что, то ты немедленно сообщи мне. В случае осложнения могу я приехать.

Ещё одна просьба. В «Современнике» выходит книга «Лауреаты России», где помещена и моя автобиография. Редактор её Татьяна Петровна Ильина (тел. 140-23-08). Когда книга выйдет, она тебе позвонит. Я ей дал твой телефон. И ты, пожалуйста, у них купи штук 15 этой книги для меня.

Отец Александр (Винцент) ШАРГУНОВ

Как ты пристроил стихи в московской периодике? «Литгазете», «Октябре», «Смене», «Правде»? Как договорился с Гилемдаром [Рамазановым – бакирским поэтом. – В.О.]? Переводишь ли его книгу? Уехал ли он домой?

В № 3 «Литобозрения» появится рецензия на нашу книгу. Если ты увидишь этот номер, то купи и для меня. В «Новом мире» Литвинов [тогдашний заведомо критики журнала. – В.О.] тоже обещал. А рецензию А.Преловского надо было послать в «Сибирские огни».

Через год у меня будет 60 лет. И было бы неплохо к тому времени, у нас были хорошие и современные стихи для московской периодики. Не торопясь я буду переписывать те стихи, которые написал в Переделкино, и закажу подстрочный перевод, а затем pošлю тебе. Это наверно получится где-то в начале лета.

Низко кланяюсь милой Анечке.

*С приветом
твоей С. Данилов.*

Спустя полгода, 15 сентября 1976 года Данилов послал Шаргунову ещё одно письмо. Он писал:

«Дорогой Винцент!

От тебя ждал вестей, книгу. Но, увы! Не дождался. Видимо, ты пропадаешь по кураторам или загружен по горло делами. Но несмотря на это по старой памяти и надеюсь, что ты ещё не забыл меня, шлю свои новые подстрочники. Таким образом у тебя накапливается большое количество подстрочников:

1) остатки тех, 2) переданные тебе весной этого года и 3) вот эти.

Как ты знаешь, весной, в марте 1977 г. (т.е. через полгода) мне стукнет 60 лет. И эти переводы (переводы этих стихов) будут крайне нужны. Мы в этом же году постараемся устроить их по журналам. Так что я тебя прошу не положить их в долгий ящик.

Не желая нагрузить тебя слишком, столько же стихов послал И.Фонякову.

Живу по-прежнему не очень, но... Как там у тебя с публикациями? «ЛГ», «Смена», «Правда» и т.д. что-то не печатают, что ли?

Привет от нас всех милой Ане!

Обнимаю

Твой С. Данилов».

Вскоре после своего 60-летия Данилов узнал, что его переводчик принял решение стать священнослужителем. Для поэта это известие оказалось большим ударом. Он ведь не забыл, как издатели шарахались от него после того, как его предыдущий переводчик Александр Янов вступил на диссидентский путь. Теперь Данилов боялся повторения прежней истории. Ему казалось, что издатели не захотят больше иметь никаких дел и с православным священником. А как после шестидесяти лет отыскать нового переводчика, который бы и талант имел, и тебя бы понимал?!

24 июля 1977 года Данилов написал чете Шаргуновых:

«Здравствуйте, Винцент и Аня!

Какие у вас новости? Как живёте? Как здоровье Анечки? Мы скучаем по вас.

В душе как-то я жду письмо от Винцента, где он сообщит что раздумает о своём решении...

Но, увы! Нам очень и очень тяжело потерять вас, исключить из числа своих друзей...

Я как-то вчера листал свой двухтомник, где большинство переведено Винцентом. Я пришёл в ужас от мысли, что их всех придётся переперевести. Видимо, так? Или сан Ваши не мешает заниматься литературным трудом и печататься в светских, советских изданиях? Узнай и пиши.

Пиши обо всём: где работаешь? Доволен ли судьбой и т.д.

Мы живём по-старому, по-стариковски. Да, ещё: если не трудно, пошли новое издание библии. Привет всем нашим знакомым.

С приветом ваши Даниловы».

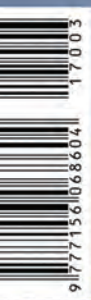
Это письмо Семёна Данилова Шаргунову оказалось последним. Вскоре поэт умер.

А затем освободившееся место председателя Союза писателей Якутии занял его родной брат Софрон Данилов, что тут же породило множество нехороших слухов. Безусловно, Софрону не следовало выдвигать свою кандидатуру. У него и таланта было поменьше, чем у брата, и организаторские способности он имел не те, а главное – он не имел в Якутии такого авторитета, как Семён. Не случайно при Софроне начался раскол писательского сообщества в республике, который ни к чему хорошему не привёл. Но это уже другая история.

XX ЛЕТ С ЧИТАТЕЛЯМИ

1997-2017

